

Клио
серия

**БЫЛЪ О
САЛАСТЫЛСЕ**

Эти воспоминания бывших заключённых Саласпилса не переиздавались с 1964 года. За минувшие десятилетия уже выросли поколения тех, для кого история Саласпилсского лагеря смерти совершенно неизвестна. И находятся сегодня лукавые политики и застенчивые историки, которые стремятся замолчать эту ужасную страницу прошлого. Но живы ещё свидетели, и помнят они всё. Для них те давние события никогда не станут просто воспоминанием. Это непреходящая, мучительная боль... Тоска о потерянных близких, о родных людях, которые были когда-то замучены в фашистской неволе. Эта боль затронула и нашу семью. Мой дядя, Валентин Григорьевич, в 1944 году подростком оказался в Саласпилсе. Ему посчастливилось уцелеть тогда, но многие из его сверстников навеки остались лежать в саласпилских песках. Другой дядя, Михаил, прошёл через ужасы нацистских лагерей Германии. Мою маму, Марию Григорьевну, едва не расстрелял эсэсовец. Оба деда погибли на фронте.

Я считаю своим человеческим долгом и святой обязанностью сделать всё, чтобы подлинные истории выживших узников Саласпилсского концентрационного лагеря вновь увидели свет, чтобы правда и справедливость не стали пустыми словами.

*Игорь Гусев,
редактор вестника «Клио»*

ISBN 9984-39-040-3

9 789984 390406

*Книга посвящается памяти тех,
кто не дожил до Дня Победы*

Быль о Саласпилсе

**СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
БЫВШИХ УЗНИКОВ**

**Рига
2007**

УДК 94 (474.3) "1941/1945"

Б 954

Редактор-составитель

Игорь Гусев

Сборник воспоминаний бывших узников Саласпилсского лагеря смерти. Эти страшные свидетельства о злодеяниях нацистов были записаны вскоре после войны и в последний раз публиковались целиком в середине 60-х годов.

ISBN 9984-39-040-3

© ИК «ZORIKS», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моё довоенное детство было светлым и радостным в доме добрых, любящих родителей. С первых же шагов мне открылся широкий мир, зародились, ещё детские, мечты о счастливом будущем. Но 22 июня 1941 года в одночасье принесло кошмар фашизма. В ту зловещую ночь немецкие самолёты бомбили и обстреливали из пулемётов мирных людей.

Вскоре территория нашего проживания в приграничной с Латвией Белоруссии была захвачена нацистской Германией. Немецкие оккупационные власти и их верные слуги с первых же дней начали облавы, аресты, расстрелы. Всё, что обеспечивало жизнь людей на своей Родине, перестало существовать. Школы были закрыты. Ведь нам, существам «низшим», которым была предназначена концлагерная жизнь, знания были не нужны — так решил фашистский режим. Наш удел — умение считать до ста, знание знаков дорожного движения и тяжкий физический труд на благо «высшей расы». При этом мы должны были быть послушными, прилежными и честными по отношению к немецким господам. Мы должны были стать их безропотными рабами, должны были забыть своих родных, близких, забыть кто мы и откуда.

Бывшие дети концлагерей и других мест фашистской неволи — последние живые свидетели, чудом пережившие устройство «нового порядка» на оккупированных территориях по «ускоренной ликвидации» русских, поляков, евреев, цыган.

Нацистские изверги чередой отдавали приказы по уничтожению ни в чём не повинных людей. Начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель в приказе от 16 декабря 1942 года указывал: «Эта борьба не имеет ничего общего с рыцарским поведением солдата или с правилами Женевской конвенции... Войска, поэтому, имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения, также против женщин и детей...». Руками многочисленных карательных экспедиций полностью выжигались вместе с людьми населённые пункты целых районов, а имущество, скот и продукты забирались для нужд тех же карателей. Часть населения угонялось в концлагеря. Немногим из нас удалось пройти через этот ад и чудом выжить. Десятки тысяч мирных граждан вместе с детьми были доставлены в один из суровейших по условиям содержания и обращению с невольниками концлагерь САЛАСПИЛС,

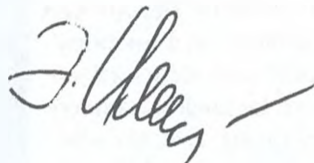

Ильяхина Эльвира Михайловна

который ныне некоторые официальные лица упорно именуют лагерем «трудо-
вого воспитания»!

Мы живём с неизлечимой, тяжёлой концлагерной болью, которую помогло
смягчить лишь счастье Великой Победы над фашизмом. Мы безмерно благодар-
ны Советской Армии — Освободительнице, подарившей нам счастье жить полно-
ценной жизнью. Свободно учиться, работать, любить и быть любимыми, растить
и воспитывать детей.

У нас остался долг памяти перед всеми не дожившими до наших дней жертва-
ми фашизма. Мы эту память несём и передаём новым поколениям. Знайте же
истинную историю 2-й мировой войны и её жертв, ПОМНИТЕ и не допустите
повторения всех её ужасов!!!

*Илякина (Стамбровская) Эльвира Михайловна,
малолетняя узница концлагеря Саласпилс.
Председатель Латвийского общества узников нацизма
«Память для будущего».
Член Центрального совета Международного союза
бывших малолетних узников фашизма.*

ФАКТЫ ОБВИНЯЮТ

Фашисты широко использовали концентрационные лагеря как орудие физического уничтожения огромных групп «расово неполноценного» населения. Вот подлинные слова Гитлера: *«Мы, должны развить технику обезлюдивания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюдиванием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача».*

Совершив нападение на Советский Союз, немецкие захватчики организовали массовый террор. Осуществляя планы порабощения и истребления завоёванных народов, гитлеровцы использовали многочисленные карательные органы — СС, СД, гестапо, разного рода комендатуры, префектуры, «охранные» роты, специальные полицейские подразделения.

Вся полнота власти над этой сложной машиной уничтожения находилась в руках полиции безопасности и эсэсовских главарей. Территория прибалтийских республик была отнесена к округу «Остланд». Верховным руководителем СС и полиции «Остланд» являлся обергруппенфюрер СС генерал полиции Еккельн (Военный трибунал Прибалтийского военного округа приговорил бывших гитлеровских генералов Еккельна, Руффа, Монтетона, Вертера, Павела, Кюппера, Беккинга за злодеяния, совершенные на территории Прибалтики в годы немецкой оккупации, к смертной казни через повешение. Приговор был публично приведен в исполнение в г. Риге 3 февраля 1946 года).

Руководствуясь установками Гимmlера о том, что «латыши, литовцы и эстонцы — низшие расы, и этим должно определяться отношение к этим народам», Еккельн отдавал распоряжения подчиненным ему карательным органам о беспощадной расправе над народами стран Балтии.

Только силами префектуры в городе Риге в первые дни июля 1941 года было арестовано и задержано свыше двух тысяч мирных граждан. Достаточно было объявить кого-то «коммунистом» и человек переставал существовать! Старые жители Московского района Риги помнят ещё о разыгравшейся здесь трагедии, о которой сообщается в донесении дежурного офицера префектуры от 21 июля 1941 года:

An Adolf HITLER,

Führer und Reichskanzler, Hauptquartier.

Am 11. Juli 1941 im wieder befreiten Lettland zum ersten Male versammelte Vertreter sämtlicher Volksschichten und Berufe übermitteln den Dank des gesamten lettischen Volkes an die ruhmreiche Deutsche Wehrmacht und jeden deutschen Mann, der an der Befreiung Lettlands teilgenommen hat, aber insbesondere dem grossen und siegesgekrönten Vorkämpfer des deutschen Volkes und aller anderen indo-germanischen Völker - Adolf HITLER.

Die Hoffnung des gesamten lettischen Volkes auf Anteilnahme am Befreiungskampf Europas unterbreiten wir Adolf HITLER zur Entscheidung.

Das lettische Volk ist gewillt am Neuaufbau Europas teilzunehmen und sieht einem diesbezüglichen Beschluss Adolf HITLERS vertrauensvoll entgegen.

Alfred VALDMANIS, Delegationsleiter.

Oberstleutnant Viktor DEGLAVS, Delegierter,
Gustavs Celmins, Delegierter.

3 sarakata

ar parakstiem par Ventpilsis apriņķa policijas darbiniekiem, kas saņemušā
 dēvēti un papīrosus, kā grafiskākoju benditu gūstītājus. Ieraksts uz SS
 u. Polli-gebietsführer's rakata Nr. - pamata, kas kā ar apriņķa priekšnieka
 savākijums.

G.S.Rz.

Fr. Nr.	Uzvārds un vārds	Dēvējums 197.	Papīrosi sēb.	Paraksts.
1.	Heiberge Dāvids	2,5	100	<i>[Handwritten signature]</i>
2.	Ansonova Alberta	1,0	40	<i>[Handwritten signature]</i>
3.	Štafelis Kārlis	1,0	40	<i>[Handwritten signature]</i>
4.	Favera Alfreds	1,0	40	<i>[Handwritten signature]</i>
5.	Lābe Kārlis	1,0	40	<i>[Handwritten signature]</i>
6.	Leuris Kārlis	1,0	40	<i>[Handwritten signature]</i>
7.	"eglis" Imants	1,0	40	<i>[Handwritten signature]</i>
8.	Kleimāns Arvids	1,5	60	<i>[Handwritten signature]</i>
Kopā		12,0	400	

Apatipriņķu:

Ventpilsis apr.-priekšnieka
 Iestv. pol. n. j. o. r. e

«Сутки прошли спокойно. Арестовано 27 коммунистов... Проведена широкая акция по очистке латгальского пригорода и островов Даугавы на 6-м и 9-м участках Рижской префектуры с участием немецкой полиции безопасности. Задержано 866 человек... При бегстве застрелено 33 человека».

Об арестах и расстрелах сообщается в префектуру со всех концов Латвии. Так, бывший началь-

ник Рижской уездной полиции Вейде докладывал префекту Риги: «...В городе Плявиняс расстреляно 11, в городе Огре 3, а в Лиелвардской волости 5 коммунистов».

Латышские фашисты при первой же возможности спешили выразить свою любовь Адольфу Гитлеру и покорно просили разрешить им участвовать в создании «Нового порядка». Об этом красноречиво свидетельствует содержание телеграммы, текст которой был утвержден 11 июля 1941 года в городе Риге на одном из совещаний националистов. В телеграмме Гитлеру они писали:

«Фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, главная ставка.

11 июля 1941 года во вновь освобожденной Латвии впервые собрались представители различных слоев и профессий, чтобы выразить признательность всего латышского народа славной немецкой армии и всем немцам, участвовавшим в освобождении Латвии, и особенно — великому, победоносному предводителю немецкого народа и всех индогерманских народов Адольфу Гитлеру.

Надежды всего латышского народа участвовать в освободительной борьбе Европы мы возлагаем на решение Адольфа Гитлера.

Латышский народ полон решимости участвовать в строительстве новой Европы и с покорностью ждет соответствующего решения Адольфа Гитлера.

Альфред Валдманис, руководитель делегации;
 полковник-лейтенант Виктор Деглав, делегат;
 Густав Целминь, делегат».

Эти господа пользовались именем латышского народа, у которого не было ничего общего с новоявленными «представителями». Они были готовы выполнить любое кровавое поручение. Говоря о так называемых местных латвийских, литовских и эстонских «самоуправлениях», во главе которых были поставлены фашистские прихвостни, Еккельн на допросе показал:

«Мне приходилось нередко встречаться с руководителями латвийского «самоуправления» Данкером и Бангерским, с руководителем литовского «самоуп-

равления» Капилёнасом и руководителем эстонского «самоуправления» доктором Мяз.

Должен сказать, что все они были большими друзьями Германии. Эти люди защищали только наши, немецкие интересы и несколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки...»

Латышские, литовские и эстонские националисты принимали самое активное участие в установлении фашистского режима в Прибалтике, в массовом уничтожении мирного населения, проявляя при этом исключительную свирепость. Ни в чем не повинных людей хватили на улице, ночью вытаскивали из домов, били, расстреливали. В качестве вознаграждения за участие в казнях палачи получали вещи убитых, захватывали и присваивали общественное имущество.

Моральный облик гитлеровских приспешников наглядно характеризует публикуемый выше документ: «Список с росписями работников Вентспилсской уездной полиции, которые получили водку и папиросы в качестве вознаграждения за поимку бандитов (так немецкие каратели называли партизан. — Прим. ред.). Выдано на основании распоряжения областного начальника СС и полиции и в соответствии с распределением начальника уезда...» Как мы видим из данного списка, больше всего отличился в кровавом деле Давид Хейберге, получивший 2,5 литра водки и 100 папирос, полицейский Арвид Клейманис получил 1,5 литра водки и 60 папирос, остальные каратели — Альберт Анзенав, Карлис Эйнфельд, Альфред Павар, Карлис Лаже, Карлис Лаурис и Имант Сеглинь, засвидетельствовавшие готовность за глоток сивухи и пачку папирос убить любого из своих соотечественников, получили по одному литру водки и 40 папирос.

Полицейские 18-го добровольческого латышского батальона, которым командовал майор Рубенис, летом 1942 года истребили три тысячи жителей города Слонима. В деревне Пузичи в Белоруссии они сожгли в сеной сарай около трехсот граждан. Сарай был подожжен, и все люди погибли страш-

Для фашистов человеческая жизнь ничего не стоила. Зато вещи они ценили. Обречённые должны были перед смертью раздеться...

Эти несчастные уже сняли свою одежду и стали у самого края ямы. Ещё мгновение и пули опрокинут их навзничь.

И вот это произошло... Приближается гитлеровец с палкой, чтобы сбросить в яму трупы, которые сами туда не упали. Эти фотоснимки сделал гестаповец гауптшарфюрер Карлис Стротс в дюнах Шкеде под Липаеи в 1941 году.

в западных странах. Например, бывший инспектор полицейских частей штандартенфюрер Вилис Янум проживал в Западной Германии в г. Мюнстере и руководил одной из организаций латышских эмигрантов.

Командир Рижского полицейского полка, позднее латышской 19-й дивизии СС Роберт Осис жил в Англии, в графстве Сассекс. Военный преступник К. Лобе, командовавший 281-м латышским полицейским батальоном, проживал в Стокгольме.

Там же, в Швеции, в Халстахараме, обитал Арвид Оше, который являлся соучастником злодеяний префекта Риги Штиглица и, таким образом, выслужился до первого заместителя генерального директора О. Данкера.

Генеральный директор «самоуправления» Латвии генерал Оскар Данкер, укрывшись в Канаде, стал почётным членом эмигрантской организации.

США предоставили также убежище фашистским заправилам Густаву Целминю, Вилису Хазнеру, Волдемару Замуелу, Александру Круминю и другим. Волдемара Скайстлаука, дослужившегося в немецко-фашистской армии до генерала, вооруженные силы США приняли на службу командиром охранной роты. Один из палачей Саласпилского лагеря смерти, Арнольд Труцис, нашёл пристанище в Филадельфии (США); бывшие следователи Рижской Центральной тюрьмы — истязатели Адольф Петровский и Зигурд Кактинь также находились в США, первый — в Нью-Йорке, второй — в Бостоне; префект Рижской префектуры Штиглиц проживал в Бразилии; палач Карл Озол жил в Мельбурне (Австралия). Упомянутые гитлеровские подручные, совершившие кровавые злодеяния в Латвии, успешно выдавали себя за политических эмигрантов.

Актами Государственной Чрезвычайной комиссии, трофейными материалами и показаниями очевидцев подтверждено, что немецкие фашисты и их сподвижники

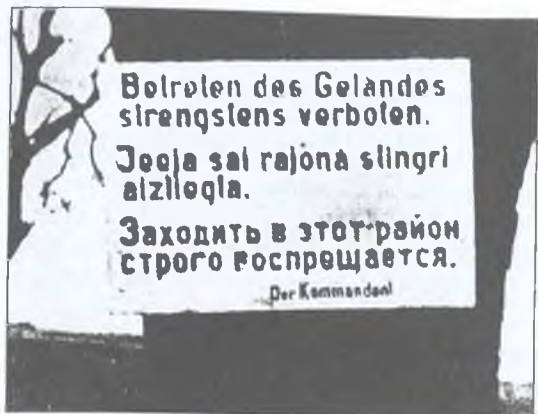
уничтожили на территории Латвии свыше 313 тысяч мирных граждан, в том числе около 39 тысяч детей, и 330 тысяч военнопленных; в Литве — 660 тысяч мирных жителей и военнопленных; в Эстонии погубили свыше 125 тысяч человек.

Генерал Еккельн на допросе заявил: «Это делалось с целью быстрого покорения захваченной нами советской территории, исходя из нацистской программы захвата жизненного пространства для немцев». Он пояснил: «...после окончательной победы Германии, сказал Гиммлер, необходимо будет германизировать тех эстонцев и латышей, которые хорошо проявят себя на работе в пользу Германии. Всех остальных латышей и эстонцев, говорил он, надо будет выселить из Прибалтики в Германию, чтобы использовать их на работах, а освободившееся пространство заполнится немцами». К принудительному угону прибалтийского населения на каторжные работы в Германию гитлеровцы приступили уже в 1942 году, а годом позже стали вывозиться в массовом порядке целые семьи. Тысячи угнанных позднее погибли.

Секретное распоряжение Даугавпилсского краевого комиссара Риккена от 21 августа 1943 года, адресованное старшинам волостей и городов, гласит: «25 августа 1943 года в 4 часа утра полицией будет проведена одновременная акция по захвату политически неблагонадежных элементов в крае. Захват будет произведен вместе с их семьями. Они будут перемещены на другое место работы...» «Другим местом работы» был угон в рабство в Германию через различные концентрационные лагеря, в том числе и Саласпилский. Немецкие фашисты в Прибалтике уже подготавливали «свободную» территорию, или «жизненное пространство», для заселения её в будущем «индогерманцами». Особенно зверски гитлеровские палачи истребляли евреев.

Гиммлер в речи на совещании в Познани 4 октября 1943 года заявлял: «...Под очищением от евреев я подразумеваю уничтожение еврейской расы... уничтожение евреев — это наша программа, и мы её выполняем и уничтожаем их».

vevards komsārs Dougavpīlī	Dougavpīlī 1943.g.21. Aug.
T u l k o j u m s	
S l e p e n i	
Iztaisiēt pagastu vecāku un pilsetas vecāku kunglēm.	
1943.g.21. 25.augustā plkst. 4 no rīta notiks vienlaicīga SAUR policiju izvesta akcija, politiski neuzticamo elementu apsestānā švada.	
Pagastu notiks kopā ar vīru ģimēn. Mēnētie nokļūst citā darbā vietā. Tā kā starp vīpiem atradīsies arī lauksaimnieki, tad ir ne izbēgami, ka vīpi mājās pagastos neviens cilvēks yaira nepalika.	
Pagastu vecākiem ar šo tiek uzdots par šīs atbilsto mājām rūpīties un sevīšķi par to gādāt, ka:	
1./ Visu atbilsto darbu un nedarbu inventāru ievest sarakstos.	
2./ Sasaketi jkuzglabā pagasta valdē.	
3./ Māju apstādīšanu, lopu kopšanu, un ražas novākšanu jāuztiek no pagastu vecāku ieceltā kārtīgu zemniekiem.	
4./ Pagasta vecākiem jāgādā, lai sirgu pases tiklu ievāktas un uzglabātas.	
Ir noteikti jārūpējas par to, lai saimnieciski darbi atbilsto zemnieku mājās notāstētu bez traucējumiem. Pagosta vecāki par to res pilnīgu atbildīb . Bez tam ir jārūpējas par to, lai mājas iebārta pieei gultas, tvauki, drābe, krājumi u.t.t būtu drošībā un bez Freilandwirts piekrišanaso neiktis na mājās aizvesti. Ir paredzēts emkušis mantas uzglabāt un pēc kārtīgas uztvēršanas vālk vīpiem tā not dot atpakaļ.	
	gez. R i c k e n Novada komsārs.

Чтобы скрыть свои злодеяния, гитлеровцы строго запрещали приближаться к территории лагеря.

В конце 1941 года и начале 1942 года гитлеровцы организовали массовые расстрелы евреев. Об одной из таких акций уничтожения бывший сотрудник полицейского участка Рижской префектуры Лазда, впоследствии осужденный за карательную деятельность, показал:

«Мы конвоировали эту колонну до Румбульского леса... Среди этих лиц были женщины, старики, дети... Когда мы подошли к колонне у Румбульского леса, я увидел здесь большой ров. Приближаясь к нему, мы услышали автоматную очередь... Нам пришлось подождать на дороге несколько минут, пока расстреливали лиц еврейской национальности, пригнанных сюда раньше. Затем и наша колонна была подведена к яме... Перед расстрелом евреям было предложено снять и сложить одежду... Один из немцев имел в руках палку, которой подгонял раздетых людей к яме, где происходил расстрел. В яме ходили трое немцев с автоматами в руках. Они шагали по окровавленным тропам, непрерывно стреляя в людей... Они переставали стрелять только тогда, когда меняли диски автоматов...»

В Риге до войны проживало около 80 тысяч еврейского населения. Когда она была освобождена Советскими войсками, в городе осталось лишь 140 евреев!

В конце 1941 года в Ригу и Саласпилс начали привозить евреев из Германии, Австрии, Чехословакии, Польши и других стран. Эшелоны прибывали на ст. Шкиротава; отсюда евреев гнали на расстрел в Румбульский лес. Часть из них временно использовали на работах в рижском гетто и Саласпилсском лагере смерти. Немецкие фашисты и их прихвостни уничтожили в Румбуле и Саласпилсе десятки тысяч еврейских семей.

Окончательное решение «еврейского вопроса», т. е. полное уничтожение евреев, было доверено специальному отделению IV-B при имперском управлении безопасности, которым руководил оберштурмбаннфюрер Эйхман (В 1962 г. Изра-

Начиная с июля 1941 года все граждане еврейской национальности, согласно приказу оккупантов, подлежали обязательной регистрации в полицейских участках Рижской префектуры; невыполнение этого распоряжения влекло за собой расстрел на месте. К 1 августа 1941 года в полицейских участках было уже зарегистрировано до 50 тысяч евреев. Этим лицам, согласно плану, разработанному гитлеровцами, арестовывали, доставляли в Рижскую префектуру, а впоследствии направляли в Рижскую Центральную тюрьму или гетто.

ильский суд приговорил Эйхмана к смерти через повешение). Он также неоднократно приезжал в Латвию.

Вспоминает инженер Карл Симсен из Шверина, заключенный в Саласпилсский лагерь смерти: *«Эйхман лично руководил истреблением людей, когда приезжал в Ригу. В течение четырех месяцев (столько времени я находился в лагере) здесь было уничтожено около 2000 евреев. Под предлогом, что их переводят на работу вне лагеря, сто-двести больных, нетрудоспособных людей ежедневно грузили в специальные автомашины и в пути их умерщвляли (как тогда говорили — «газировали»)...* Время от времени Эйхман посещал рижское гетто, чтобы контролировать и ускорять «окончательное решение» еврейского вопроса».

Трофейная карта, на которой отмечено количество уничтоженных евреев, свидетельствует об ужасных размерах фашистского террора, который свирепствовал на территории «Остланда». С чисто немецкой аккуратностью здесь записаны цифры — 35 238; 136 421; 41 928; 963; 3600.

Ни фамилии, ни имени, ни адреса... только гробы. В период оккупации жизнь десятков тысяч людей различной национальности заканчивалась в концентрационных лагерях.

По пути в лагерь люди проходили ряд «ступеней смерти». В Латвии одной из первых «ступеней смерти» были рижское гестапо и СД по ул. Реймерса (Gestapo – Geheime Staatspolizei — Государственная тайная полиция; SD – служба безопасности), префектуры и уездные полицейские участки. Там людей пытали, унижали, убивали.

Материалы о пытках в подвалах гестапо передал Государственной Чрезвычайной комиссии рижанин Антон Гадзан: *«Первый раз меня допрашивали в 11 часов ночи. За столом сидело трое палачей из полиции безопасности. Когда я не признался в преступлении, которое мне хотели навязать, они посадили меня на стул и просунули ноги через спинку второго стула. Полицейский сел на ноги, а второй резиновой дубинкой бил по пяткам ног. Это были неопишуемые мучения...»*

О произволе и издевательствах, царивших в Рижской префектуре, рассказал Дмитрий Буковский: *«Меня арестовали в июле 1941 года, привели в префектуру и бросили в подвал, который уже был переполнен до последней возможнос-*

Трофейная карта помечена гробами и зловещей фразой («Свободно от евреев»).

ти... Как милостыни арестованные просили у стражи приотворить дверь в коридор, чтобы хотя немного открыть доступ свежему воздуху. Но просьба не принималась во внимание.

В этом помещении я находился в заключении около недели. Нам давали только кусочек хлеба и воду. Часто ночью арестованных выводили на расстрел, днем переводили в Центральную тюрьму».

Рижская Центральная тюрьма была второй «ступенью смерти». Здесь арестованных подвергали ещё большим унижениям и также расстреливали.

Последней «ступенью смерти» для жертв фашистского террора был концентрационный лагерь. Только на территории Латвии фашистами было создано 23 концентрационных лагеря, крупнейшим из которых был Саласпилский лагерь смерти.

Его устроили его в болотистой местности, в 18 километрах от Риги, на бывшем полигоне, где ещё в царское время солдаты стреляли по фанерным мишеням. Строительство лагеря началось в октябре 1941 года, а уже в следующем году туда согнали тысячи людей не только с оккупированной территории Советского Союза, но и из многих стран Западной и Центральной Европы — Германии, Польши, Чехословакии, Австрии, Бельгии, Голландии и других стран.

Подобно чудовищной мельнице, Саласпилский лагерь систематически перемалывал тысячи человеческих жизней. Он был обнесён двойным рядом колючей проволоки с многочисленными сторожевыми вышками. В самом центре лагеря находилась главная вышка с пулеметами. На самом видном месте была воздвигнута виселица.

Арестованные содержались в наспех построенных бараках. Каждый барак был рассчитан на 200—250 человек, но зачастую туда помещали 500—800 заключённых. Люди спали на нарах в четыре и пять ярусов, задыхаясь от недостатка воздуха. Каждый, кто заболел, мог считать себя обречённым. В конце лагеря

Эта ограда в Саласпилском лагере смерти отделяла людей не только от свободы, но и от жизни.

находился карцер со множеством бункеров. В них человек мог только сидеть скорчившись. Сюда обычно заключали смертников — тех, кого на следующий день расстреливали или вешали.

Суточный рацион заключённого составлял 150—300 граммов хлеба, наполовину состоявшего из опилок, и чашки супа, приготовленного из овощных отходов и древесных листьев. Болезни и тяжкий труд увеличивали процент смертности. Рабочий день продолжался 12—14 и более часов.

Саласпилс являлся центральным концентрационным лагерем с несколькими филиалами. Самыми крупными из них были камноломни Сауриешпи и Бема, которые обеспечивали цементный завод Шмидта. Узники также использовались на работах по добыче торфа в саласпилских болотах, на известковом заводе, аэродроме, на строительстве дорог и других местах.

В избиении и истязании узников Саласпилса участвовали фашисты различных рангов и их подручные. Особой жестокостью отличался начальник СД и гестапо Латвии штурмбаннфюрер Ланге, коменданты Саласпилского лагеря Никкель и Краузе, их помощники — Теккемейер, Бергер, Хейер, а также подлые предатели латышского народа — Видужс, Тоне, Кандерс, Селис и другие. Они организовывали кровавые экзекуции, расстреливали и вешали узников в массовом порядке.

Так, Краузе натравливал на людей свою овчарку, а для Теккемейера лучшим развлечением было выслеживание из-за угла своей жертвы и нанесение неожиданного удара дубинкой по голове.

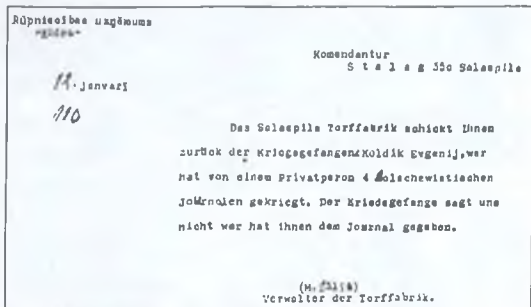
Старался изо всех сил угодить своим хозяевам и начальник строительства Саласпилского лагеря смерти Качеровский. Его прогулки по территории лагеря совместно с штурмбаннфюрером Ланге всегда заканчивались убийствами. Качеровский был одним из инициаторов создания в лагере «конвейерной системы» по переноске заключёнными на носилках земли из одного конца лагеря в другой и обратно. Это было рассчитано на окончательное изматывание сил узников, «система» многим стоила жизни. За малейшее замедление темпа «конвейера» несчастные подвергались жестокому избиению.

В Саласпилсе не только расстреливали, вешали и морили голодом узников, но и травили. Это происходило в специальных газовых камерах, оборудованных в автомашинах. Использовались выхлопные газы от работавших двигателей.

Генерал Еккельн рассказывал: *«Начальник СД и гестапо Латвии доктор Ланге в разговоре со мной о применении газовых автомашин объяснил их устройство и сказал, что люди, которые попадают в такие машины, по истечении пяти минут начинают сильно кричать, бить кулаками о стены машины, после чего теряют сознание и затем жизнь... Ланге или Фукс мне докладывали, что широко применять газовые автомашины для ликвидации людей они не могут из-за недостатка горючего. Кроме того, пропускная способность автомашин небольшая. Они говорили, что людей, умерщвляемых в газовых авто-*

После освобождения Риги от немецко-фашистских захватчиков члены Государственной Чрезвычайной комиссии находили всё новые жертвы гитлеровцев.

Копия донесения, обнаруженного среди документов Саласпилского торфозавода.

Согнанные в Саласпилский лагерь из Латвии, Белоруссии, Ленинградской и Калининской областей люди вначале содержались вместе с детьми. Позднее детей отбирали у родителей и помещали в отдельные бараки.

От голода и болезней они умирали, и была создана особая команда узников, которая выносила трупы из бараков и закапывала их за колючей проволокой.

Вершиной подлости были преступления фашистских «врачей». Эти убийцы проделывали над больными детьми различные опыты — делали инъекции, добавляли в пищу яды. Дети умирали мучительной смертью. Руководил этими «научными изысканиями» врач Майзнер.

Исследовав останки детских трупов, эксгумированных из массовых могил, химики и судебно-медицинские эксперты установили, что многие были отравлены мышьяком.

У истощенных от голода малышей фашисты систематически брали кровь для нужд немецких госпиталей.

С 1942 по 1944 гг. в Саласпилском лагере было заключено несколько тысяч детей. У каждого ребенка фашисты выкачивали примерно 500 граммов крови.

В ужасающих условиях содержались в Саласпилском концлагере и советские военнопленные. Подавляющее большинство из них находилось в открытом поле, огороженном колючей проволокой.

Массовые могилы расстрелянных, замученных, умерших от голода и болезней пленных, расположенные недалеко от железной дороги Рига-Саласпилс, свидетельствуют о злодеяниях фашистов.

Материалами Государственной Чрезвычайной комиссии установлено, что в Саласпилском лагере смерти и в его отделениях в годы войны было истреблено более 100 тысяч мирных граждан и советских военнопленных.

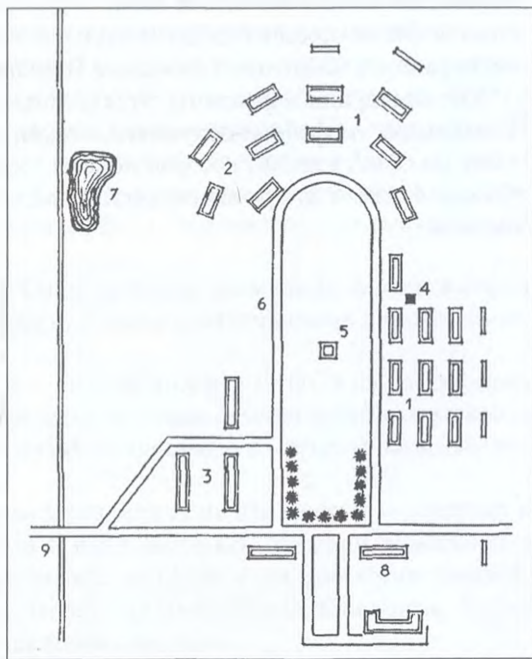
Система наказаний и устрашений, применяемых в Саласпилсе, массовый террор, расстрелы и повешение были подчинены одной цели — подавлению духа сопротивления заключённых, превращению их в покорных рабов нацистского режима.

машинах, сильно тошнит и поэтому после каждого рейса смерти приходится проделывать очень неприятную и грязную работу по очистке машин. Кроме того, из машин надо выгружать трупы, что также отнимает немало времени. В силу таких неудобств Ланге и Фукс отдавали предпочтение расстрелу как наиболее легкому и быстрому способу уничтожения людей».

Однако люди, томившиеся в Саласпилсе, не теряли бодрости духа, не склонили головы перед гитлеровцами. Они боролись даже в этих нечеловеческих условиях, поддерживая более слабых — советом, хлебом, добрым словом. Это озлобляло фашистов. В январе 1942 года у советского военнопленного Евгения Колдика, работавшего на торфоразработках, было изъято четыре антифашистских журнала. Управляющий М. Залитис сообщил об этом коменданту лагеря, указав, что военнопленный отказался назвать человека, передавшего ему запретную литературу.

Узники использовали радиоприёмник, добывали взрывчатку и изготавливали ручные гранаты, чтобы вооружиться и восстать против ненавистного врага. В Центральном государственном историческом архиве хранится обзор, представленный начальником СД и немецкой полиции безопасности в Латвии в марте 1943 года рейхкомиссару Лозе. В этом документе сообщается о трагической судьбе группы сопротивления: «В трудовом и воспитательном лагере в Саласпилсе под Ригой (так фашисты официально именовали лагерь смерти) удалось напасть на след одной из коммунистических организаций и ликвидировать её. В лагере среди заговорщиков были созданы три группы. Одна занималась коммунистической пропагандой среди узников, вторая — подготовкой побега, и третья — кражей взрывчатки. Из-за недостаточного контроля мастера по взрывным работам на каменоломне узники, работающие вне лагеря, имели возможность украсть несколько килограммов упакованного донорита.

Один из узников, работающий в слесарной мастерской и кузнице, изготовил 16 железных трубок длиной примерно 25 см, которые заполнил доноритом и порохом и снабдил огнепроводным шнуром. Заключённые коммунисты предполагали, что, когда войска большевиков будут приближаться, полиция безопасности расстреляет узников лагеря. В таком случае они решили исполь-

План Саласпилского концентрационного лагеря:

1 — бараки; 2 — детские бараки; 3 — мастерские; 4 — виселица; 5 — центральная сторожевая вышка; 6 — круговая дорога; 7 — пруд, вырытый заключёнными; 8 — комендатура; 9 — дорога, ведущая к месту расстрелов.

Здесь находился детский барак. Солнышко и весёлый человечек были нарисованы на его стене неизвестным ребёнком-узником Саласпилса. Изображение впоследствии перенесли на этот памятный знак.

Из-за стремительного наступления частей Советской Армии, большую часть узников Саласпилса вывезли в Германию, а сам лагерь сожгли.

Как ни старались фашисты скрыть следы своих злодеяний, глубокие могилы Саласпилса, трофейные документы и люди, оставшиеся в живых и сегодня обвиняют их. Этой книгой, которая помогает разоблачить нацизм, бывшие узники Саласпилского лагеря вносят свой вклад в общую борьбу за правду и справедливость.

зовать взрывчатку против полиции, и затем, во время паники, как они надеялись, бежать. Также планировалось сохранить взрывчатку, чтобы использовать для саботажа во время отступления немецких войск... Подстрекатели расстреляны».

В 1944 году, предчувствуя поражение, гитлеровцы попытались замести следы своих злодеяний. По приказу Гимmlера были произведены раскопки и сожжение трупов.

К этой работе привлекали заключённых, которых затем тоже уничтожали.

В. Известный, Е. Быстров

НАС ЛИШИЛИ РОДИНЫ, СВОБОДЫ, ЖИЗНИ

ЙОЗЕФ ГЕРТНЕР

Осенью 1941 года рижане могли наблюдать печальное шествие: вооруженные эсэсовцы и шуцмань гнали по улицам Риги измученных людей. Их заключили в Саласпилский лагерь смерти, который в то время только начинал создаваться. Йозеф Гертнер — единственный нам известный, оставшийся в живых узник этого лагеря, из числа граждан Чехословакии, Польши, Австрии и других стран Европы, которых гитлеровцы пригнали в Саласпилс. Он описал тот период жизни в лагере, когда там ещё не было заключённых из Латвии.

Йозеф Гертнер родился в 1906 году в Праге. Немецкие оккупанты вывезли его с матерью в Ригу. Мать расстреляли, а сына заключили в Саласпилский лагерь. После войны он жил в Чехословакии, в городе Брно, и работал на тракторном заводе.

15 марта 1939 года немецко-фашистская армия оккупировала Чехословакию. Начались аресты. В то время я жил вместе со старой матерью. Вскоре меня заподозрили в враждебных немцам действиях и вызвали на допрос. Я был одним из основателей «Чешского велосипедного клуба» в Брно, а немцы его деятельность считали преступной. Евреев увольняли с работы, выгоняли из квартир, а их имущество раздавали фашистским семьям, нахлынувшим из Германии.

После нападения на Советский Союз началась эвакуация евреев в город Терезин, что в 60 километрах от Праги. Старая крепость стала для них преддверием ада.

Два дня нас продержали в какой-то старой школе в Брно, а на третий день вечером под усиленной охраной немецкой полиции безопасности отправили в Терезин. Мы имели право взять с собой лишь столько, сколько каждый мог нести. Ехали двое суток.

В Терезине нас выгнали из поезда и разделили на две группы — мужчин в одну, женщин в другую. Разлучили и нас с матерью. Мужчин поместили в старых казармах на одной окраине города, женщин — на противоположной. Встречаться было невозможно, нас очень строго охраняли жандармы. Через несколько дней их сменили подразделения эсэсовцев.

Вскоре запросили на работу механиков и монтеров. Записался и я. Ремонтировали водопровод, канализационную сеть, электрические устройства. Часто мы были заняты в так называемых Мариинских казармах, где содержалась моя мать. Теперь мы могли поговорить. Это немного подбадривало её.

Были попытки совершить побег, но виновных быстро ловили и, в наказание другим, расстреливали. Постепенно мы начали понимать, что нас ждет в будущем. Почти ежедневно прибывали новые эшелоны со всех концов Чехословакии.

Нацистское начальство приказало сформировать первый транспорт «на Восток». В него попала и моя мать, а меня управление еврейского гетто хотело оставить в Терезине в качестве механика и монтера. Я не мог отпустить свою старую мать одну на чужбину и стал просить еврейское «самоуправление» разрешить мне ехать с тем же эшелоном. Наконец мне разрешили.

ИЗГНАНИЕ

Ранним утром 8 января 1942 года поезд с примерно 800 обреченными евреями двинулся в сторону Германии. На дорогу каждый из нас получил двухкилограммовый бумажный кулек с продовольствием на неделю. Кроме того, на каждый вагон выдали по два двадцатилитровых бидона с питьевой водой. Перед отъездом нас предупредили, что каждый, кто попытается бежать, будет расстрелян. Поезд охраняла фашистская полиция. Больше всего мы боялись Освенцимского концентрационного лагеря. На вопрос, не в Освенцим ли идет поезд, полицейский ответил категорическим «Нет!», а когда мы хотели узнать, куда нас везут, он сказал: «Не знаю!» Позднее неизвестно откуда поползли слухи, что наш поезд направляется в Ригу.

Никто этому не верил. Зачем нас повезут в Ригу? Я вспомнил врача Бориса Шафира из Латвии, который в Брно изучал медицину и несколько лет жил у нас. После окончания учебы он работал в некоторых больницах Брно, а незадолго до оккупации Чехословакии вернулся на родину. Врач Шафир научил меня немного говорить по-русски и несколькими латышским словам. Он часто рассказывал про свою родину и восхвалял красоту Латвии. Если действительно едем в Ригу, то я не буду совершенно одинок на чужой стороне. По наивности я даже вообразил, что, может быть, встречу и своего знакомого.

Ехали мы очень долго. Больше стояли, чем двигались. То и дело мимо проносились длинные воинские эшелоны. Медленно шли дни и ночи. Проехали всю Германию и пересекли польскую границу. Чем дальше мы двигались, тем холоднее становилось, топили мало, и мы сильно мерзли в старых вагонах. Экономил продукты, чтобы хватило подольше. Мать почти совсем не ела, оставляла побольше для меня.

В Польше поезд повернул прямо на север. Значит, нам посчастливилось — не в Освенцим. Стали всерьез поговаривать о Риге. Проехали Кёнигсберг, а затем позади осталась и Литва. Помню, что долго стояли на станции Шауляй. Вскоре пересекли латвийскую границу и достигли Риги.

Мы прибыли в чужую страну, и никто не знал, что нас здесь ждёт. Поезд остановился на станции Шкиротава, и вооруженные дубинками эсэсовцы выгнали нас из вагонов. В Риге морозило. Гитлеровцы вели нас по окутанному ледяным туманом улицам города. Люди с любопытством оглядывались на нас. Это было печальное шествие. Мы несли только те вещи, которые имели при себе во время поездки. Своих чемоданов, погруженных в передние вагоны, мы больше никогда не увидели. О них «позаботились» эсэсовцы.

На окраине Риги несколько кварталов были огорожены колючей проволокой и охранялись местными фашистами. Нас разместили в трехэтажном доме по улице Ерсикас. Случайно в этом доме поселились почти одни жители Праги, поэтому уже с первого дня его прозвали «Пражским домом». В квартирах царил полный разгром. Мебель была побита, на столах разбросаны остатки пищи. На плите стояли кастрюли с недоваренной едой. Всюду следы разграбления. Что тут произошло? Кто ещё недавно жил здесь?

Только позднее мы узнали, что раньше тут жили латвийские евреи, которые перед нашим приездом были безжалостно убиты в ближайших лесах.

САЛАСПИЛС

На третий день утром нам велели построиться перед домом для первой проверки. Эсэсовец — позднее мы узнали, что это был матерый убийца Краузе, — приказал выйти из строя всем мужчинам. Из них отобрали около 300 человек, среди них был и я. Через час нам надо было отправиться на работу в Саласпилс. Быстро собрались. Мать хотела дать мне с собой всё, что ещё у нас было. Но я не взял ничего лишнего, ибо нам объявили, что около 20 километров придётся идти пешком.

Женщинам немцы сказали, что мы получим «отпуск» в гетто, и как только «стройка» закончится, нас приведут обратно.

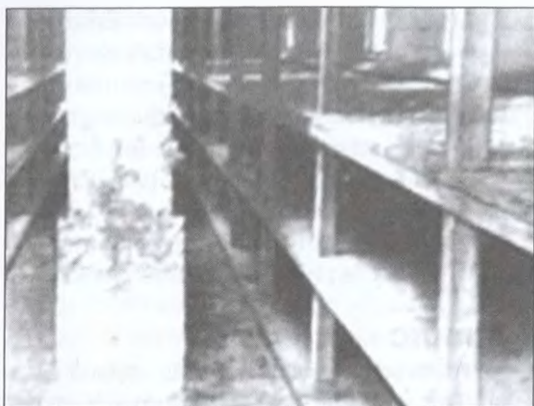
Расставаясь, я успокаивал мать, что скоро снова увидимся. Успел ещё попросить семью Шейеров, с которой мы жили вместе, позаботиться о матери и выбежал на улицу, чтобы встать в строй. Я не знал, что вижу мать в последний раз.

Наша колонна двинулась по шоссе, ведущему на Даугавпилс. Меня терзали мысли: что с нами будет дальше, куда и зачем мы идем? Кто-то упал. Мы поспешили ему на помощь, но полицейский прикладом оттолкнул нас. Упавший не мог сам подняться. Полицейский несколько раз ударил его прикладом и грубо выругал. Но тот не поднимался. Тогда полицейский спокойно прицелился и выстрелил. Кровь несчастного окрасила шоссе. С ужасом осознали мы свое положение, но сделать ничего не могли. На обледенелом асфальте остывал труп нашего друга. Кто будет следующим? Скоро впереди меня зашатался ещё один. Сосед не дал ему упасть, подоспел другой, и мы буквально тащили потерявшего силы товарища до самого Саласпилса. За спиной снова раздался выстрел, затем ещё один.

Но это было лишь начало массовых убийств.

Было уже за полдень, когда мы свернули с Даугавпилсского шоссе налево. По эту сторону станции Саласпилс пересекли железнодорожное полотно и по узкой дорожке свернули в молодой лес.

Вскоре мы остановились на большой поляне, с обеих сторон окруженной лесом. Увидели два барака — один готовый и обжитой, другой ещё недостроенный. Больше ничего вокруг не было. Песок и снег, снег и песок. Выл ветер, ледяные крупинки били в лицо.

На таких нарах в несколько этажей ютились заключённые. У истощённых голодом людей зачастую не было сил выбраться из этих досчатых гробов, и они там умирали.

Мы должны были постройться, назвать номер эшелона и своё имя. За это время два наших товарища вынесли из барака стол, стул и старый ящик. Из него нам надо было сложить все свои ценные вещи. Непослушание карается смертной казнью — предупредили нас. Все документы и деньги также надо было сдать. Я отдал только свои старые ручные часы, всё остальное оставил, в том числе и паспорт с печатью «эвакуирован». Он и сегодня при мне. Кроме того, в подкладке пальто у меня были зашиты три золотых кольца и новая зажигалка.

После этой процедуры мы вошли в барак. Там было холодно, стоял ужасный запах. Нас встретил заведующий баракком, тоже заключённый, по фамилии Эйнштейн, грубиян и крикун. Уже с первого знакомства он стал мне противен, и чем дальше, тем больше я ненавидел это чудовище. Он был из Кельна, где торговал скотом.

Наше новое жильё было примерно 30 метров в длину. На каждой стороне были оборудованы пятиэтажные нары, на которые можно было заползти только на четвереньках. Мне указали нижние нары. Воздух здесь был довольно чистым, но холодным. В бараке имелись две круглые печи, но топили их редко.

Сложив свои вещи в указанном месте, мы построились у барака для первой проверки. Говорил Эйнштейн. «Надеюсь, — сказал этот эсэсовский выкормыш, — что вы понимаете, где находитесь. Будете работать на строительстве концентрационного лагеря. С этого дня вы заключённые, стало быть, так с вами и будут обращаться. Без конвоя никто не имеет права отходить от барака дальше 50 метров. Охрана будет стрелять без предупреждения. Каждый, даже малейший проступок строго карается. Дисциплина должна быть железной. Пытаться бежать совершенно бесполезно. Каждый будет пойман и безжалостно расстрелян. Питьевой воды и уборных здесь ещё нет. Пить разрешается только чёрный кофе, который каждое утро варится на лагерной кухне. Каждый получит литр жидкости на день. Хлебный паек небольшой — нельзя всё съедать утром, иначе вечером придется ложиться спать на пустой желудок. Тому, кто будет хорошо вести себя и старательно работать, бояться нечего! Запомните это! Разойдись!»

Из барака вышел эсэсовец. Позже мы узнали, что это был Сект — комендант Юмправмуйжи. Это был высокий и здоровый мужчина, с грубым лицом, наглым и бессердечным, — типичный убийца. Мы должны были постройться, назвать номер эшелона и своё имя. За это время два наших товарища вынесли из барака стол, стул и старый ящик. Из него нам надо было сложить все свои ценные вещи. Непослушание карается смертной казнью — предупредили нас. Все документы и деньги также надо было сдать. Я отдал только свои старые ручные часы, всё остальное оставил, в том числе и паспорт с печатью «эвакуирован». Он и сегодня при мне. Кроме того, в подкладке пальто у меня были зашиты три золотых кольца и новая зажигалка.

До вечера мы были свободны. Лежали и тихо обсуждали свое положение. Вспоминали родину и своих близких. Вечером вернулись с работы другие обитатели барака. Это были евреи из Германии, которые здесь жили уже с осени. Они были истощены, оборваны и усыпаны вшами. Избавиться от вшей было совершенно невозможно, ибо здесь даже воды не было. Уставшие от длинного перехода, мы наконец уснули. Это была наша первая ночь в Саласпилсе.

РАБЫ

Разбудил нас резкий свисток. Кто-то громко кричал: «Встать! Встать! Быстро! Быстро!» На четвереньках я сполз со своих нар и сразу даже не понял, где нахожусь. Протер глаза и вышел. Совершенно темно. Мороз. Двадцать градусов ниже нуля. Недалеко от барака в свете электрической лампочки от полевой кухни валил пар. Там варили кофе. Через некоторое время снова раздался свисток, и мы с кружками в руках встали в ряд, ещё один свисток — и повар начал действовать. Каждый получил по черпаку вонищей черной жидкости — кофе и 250 граммов хлеба. Пили кофе — это была единственная возможность согреться — в прикуску с хлебом. Вспомнили наставления Эйнштейна и оставили кусочек на вечер.

Начался первый рабочий день в Саласпилсе. Это был тяжёлый день, но таких и ещё более тяжёлых впереди было очень много. Гитлер превратил нас в современных рабов, совершенно бесправных. Какое издевательство над цивилизацией!

Нас разделили на небольшие группы. С утра работали в полутьме, при тусклом свете электрических лампочек. Носили доски с лесосклада на стройку новых бараков. Они предназначались для следующего эшелона рабов, поэтому надо было торопиться. Я подавал доски одному заключенному, стоявшему на верхней ступеньке лестницы, тот в свою очередь передавал их плотнику. Так, на ветру и морозе, мы работали много часов подряд. Казалось — всё говорилось против нас, даже эта необычно суровая для нас, южан, зима.

Подошёл обед. Раздался пронзительный, далеко слышимый свисток. Выстроились в очередь. Снова свисток, и повар начал раздавать обед. Долго пришлось стоять с мисочкой в руках, пока наконец не подошел мой черед. Но что это был за обед! Вонючая жидкость с рыбьими головами — отходы консервной промышленности. От одного взгляда на эту сероватую жидкость меня стошнило. При всём желании я не мог её проглотить. Пока я рассматривал эту баланду, ко мне подошел парнишка лет девятнадцати с первого германского эшелона, умоляюще взглянул на меня и сказал: «Ты не можешь есть? Придется привыкать, иначе умрёшь с голоду. Но если ты в самом деле не можешь, отдай мне. Ужасно хочется есть!» Все содержимое своей мисочки я перелил в котелок паренька и снегом вычистил её. Голод сжимал желудок, а мороз пробирал всё сильнее.

Проверил свой вещевой мешок: кусок хлеба, немного маргарина, полбаночки искусственного меда и чай. Я взял немного от этого неприкосновенного запаса, и снова раздался противный свисток. Он снова звал на работу. Дела-

ли то же, что и утром — носили доски. Плотник беспрестанно подгонял нас. Ему казалось, что мы работаем слишком медленно. И так до вечера. Вечером снова черный кофе и больше ничего. Ясно было одно: мы обречены на голодную смерть. Пошли жаловаться Эйнштейну, но тот только грубо выругал нас.

Заключенные из первого эшелона были совершенно обессилены. Многие уже умерли, и трупы их так и остались лежать на опушке леса, закутанные в тряпье.

Земля промёрзла, и измождённые узники были не в силах вырыть яму. Эта работа ждала нас, новых, у кого ещё имелись силы. Так называемая похоронная команда вырыла возле леса неглубокие ямы, снесла туда мертвых, засыпала песком и снегом.

Тому, кто не выдерживал быстрых темпов работы, эсэсовцы помогали дубинками. Однажды я на миг остановился, чтобы потереть заокоченевшие руки, как тут же получил сильный удар по спине, второй — по плечу. Раздался хриплый голос Секта: «Шевелись, ты, свинья, иначе буду стрелять!» В глазах замелькали черные и красные круги. Я закусил губу и нагнулся за новой доской, чтобы на разбитом плече нести её на стройплощадку. Из-за боли не спал несколько ночей. С каждым днем я всё лучше понимал, что из этого ада редко кто выходит живым. Заключённые, прибывшие первым эшелонам, умирали ежедневно. Смерть они принимали как избавление от этой ужасной жизни, невыразимых мук и голода. Каждое утро из отделения больных выносили нескольких мертвецов.

Тот, кто заболел, мог считать себя уже похороненным, ибо получал только половину того крохотного пайка, что давали здоровым. От голода умирало больше, чем от болезней, хотя не было ни медицинской помощи, ни медикаментов. За больными ухаживал один заключённый. С нашим эшелонам попал в лагерь студент-медик Эмиль Зейдеман из Брно. С разрешения Секта уход за больными он взял в свои руки и помогал заключённым как только мог. Вконец истощенным старикам и тяжелобольным уже невозможно было помочь. Больные не умывались и не брились; они были покрыты слоем грязи, нарывами и струпиями. Яма, вырытая на опушке леса, постепенно заполнялась.

За малейшее нарушение нас строго наказывали. Простейшими наказаниями были: несколько часов стоять в бараке на столе с поднятыми над головой руками или висеть на руках, связанных за спиной. Последнее, применялось чаще всего и было самым жестоким. Подвешенного сводили судороги, он весь синел. Самым излюбленным наказанием нацистов было избивание. По приказу Эйнштейна и Секта нас избивали гестаповцы или выделенные для этого заключённые. Сначала зачитывалось распоряжение, и комендант сразу же выносил приговор — обычно 25 ударов палкой или плетью. Несчастного привязывали к скамье и начинали бить. Он сам должен был считать удары, пока от боли не терял сознания. Такова была «новая Европа» Гитлера!

Однажды ночью раздался сигнал тревоги. Свистки, проклятья, ругань. Сект свистел, а Эйнштейн кричал: «Всем оставить барак, всем оставить барак!» Оказалось, что исчезли двое заключенных.

Приказано было произвести проверку. Сект вызвал двух узников и для предупреждения велел эсэсовцам расстрелять их. В течение 24 часов никто из нас не получил пищи.

Было очевидно: во что бы то ни стало надо раздобыть пищу, иначе мы погибнем. Другого выхода нет. Улучив минуту, когда вблизи не было стражи, я переговорил с нашим плотником Янисом. Показал ему одно из своих золотых колец и попросил обменять его на продукты. Янис осмотрел кольцо и, сунув его в карман, обещал продать, и купленные продукты по частям внести в лагерь. Уже назавтра плотник принес белый хлеб и сало. Я смотрел на эти деликатесы с невыразимым наслаждением, небольшой кусочек съел сразу, остальное спрятал.

Вечером угостил и своих соседей. До чего мы были невзыскательны! Берегли каждую крошку хлеба. На следующий день Янис принес масло, белый хлеб, сало и колбасу. Мы были счастливы. Через месяц мой сосед, студент из Праги, отдал Янису золотое обручальное кольцо, которое «на всякий случай» оставила ему мать.

Ежедневно я тщательно умывался, полоскал рот кофе и два раза в неделю брился. Я заметил, что тот, кто не умывался и не брился, вскоре сдавал как физически, так и морально, заболел и умирал. Этого я, конечно, не хотел. Решил во что бы то ни стало выдержать. Кроме того, не верилось, что «тысячелетняя империя» Гитлера переживёт войну. Мы всегда думали о том, что происходит на фронте. Старались что-нибудь узнать от Яниса, но напрасно. Казалось, что ход войны его несколько не интересует, а может он просто боялся нас. Допытывались, возможно ли бежать из лагеря, но Янис не вдавался в такие разговоры, хотя и не предавал нас. Узнать что-нибудь о положении на фронте не было никакой возможности. Эсэсовцы газет нам не давали, радио тоже не было. Как-то военнопленные привезли в лагерь стройматериалы. Они были в форменной одежде Красной Армии с широкими белыми нашивками на груди и большими буквами «SU» на спине — «Soviet Union». Я подкрался к одному и наполовину по-русски, наполовину по-чешски спросил, как война. Тот широко улыбнулся и ответил: «Будет хорошо». Мы узнали немного, но и это обрадовало нас. Два слова, и так много надежды!

НОВЫЙ ЭШЕЛОН

Второй барак был готов. В лагерь прибыл новый эшелон. На этих людей мы смотрели с грустью и сожалением, примерно так, как на нас смотрели несчастные из первого германского эшелона, когда мы прибыли в Саласпилс. Новеньких было 250 или 300 человек. Они привезли вести из внешнего мира и Рижского гетто. Вскоре меня разыскал кто-то из Праги и передал письмо и узелок от матери. Милая мать тревожилась, не обморозил ли я ноги или руки.

Написанное химическим карандашом письмо было омыто слезами. Она умоляла, чтобы я берег себя, и сообщала, что нас скоро сменят новые рабочие, во всяком случае так говорят в гетто. Это письмо я храню сегодня как самую дорогую реликвию. Бедная мама, из вещей у неё уже почти ничего не осталось, и последнее она послала мне. Горькие слезы катились по моим щекам. Я извлек из узелка немного чая, сахар, соль, кусок хлеба и сыра. Целое богатство! Сыр я хотел отдать пражанину, передававшему узелок, но он ничего не взял.

Мы открывали новичкам лагерные тайны. Научили, что спать надо в одежде, если не хочешь замёрзнуть. Разъяснили, что означает первый свисток, что второй, и главное, как избегать дубинок Секта и других эсэсовцев, которые время от времени появлялись в лагере и хотели по своему, по «фашистскому обычаю повеселиться». Несчастные были потрясены. Разумеется, они, как и мы, не догадывались, куда их везут и что их ждёт. Сразу же с утра перед баракком состоялась поверка. За баракком сжигали матрацы заключённых, умерших от какой-то инфекционной болезни. Горящая щетина распространяла вокруг ужасный запах. Во время поверки Сект бегал взад и вперед, то выстраивал вновь прибывших, то дубинкой разгонял их. За его спиной пылало пламя горящих матрацев, и Сект выглядел, как настоящий дьявол.

Строительство комендатуры приближалось к концу. Приехали эсэсовцы и вместе с проектировщиком, начальником строительства Качеровским и комендантом лагеря Никкелем осмотрели внушительное здание, расположенное недалеко от ворот. До этого лагерь не был огражден, теперь начали рыть ямы для бетонных столбов. Строился барак для охраны — латышской полиции безопасности, определялись места и для других баракков. Лагерь рос.

А люди умирали один за другим. У санитаря Эмиля Зейдемана работы было по горло. В редкие свободные минуты мы помогали ему сколько могли. Лечили главным образом внушением, успокоением добрыми словами. Других лекарств не было. Поэтому не удивительно, что из первого «германского эшелона» не осталось почти ни одной живой души.

Только староста лагеря жил припеваючи и был здоров как бык. Чем больше падала трудоспособность заключённых, тем больше он волновался, боясь за свое теплое местечко.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО МАТЕРИ

Из гетто прибыла очередная партия людей — примерно 300 мужчин. Мне снова передали письмо от матери, теплые рукавицы, чай, кусок хлеба. Мама писала: «У нас мало продовольствия, и я уже очень ослабла. Постоянно боюсь за тебя. Прошу, держись хотя бы ты, я же долго не протяну». Я очень опечалился. Как помочь? Но ответа не было. Через несколько дней из гетто прибыли ещё 150 мужчин и передали страшные вести. Среди новеньких был зять моего пражского друга Пепика Фогеля. Вечером он мне рассказал, что из гетто увезено много стариков мужчин и женщин. Госпожа Шейер просила

передать мне, что увезли и мою мать. Никто не знает, куда. Инстинктивно я почувствовал, что мамы уже нет среди живых. Краузе ужасно свирепствует в гетто и по любому поводу расстреливает людей. Особенно он ненавидит эшелон из Праги и неоднократно запрещал говорить по-чешски, но безуспешно.

Однажды из Риги прибыли две полицейские машины. Мы знали, кто приехал, поэтому делали вид, что работаем с большим рвением, и предупредили остальных заключённых. За третьим баракom на

Выносят мёртвых. Линогравюра К.Буша, бывшего заключённого Саласпилского лагеря.

строительной площадке узник варил еду на костре. Это заметил один из толстомордых эсэсовцев, подбежал и двумя пистолетными выстрелами в затылок убил его на месте. Так представился нам начальник гестапо и СД в Латвии — штурмбаннфюрер Ланге.

В недавно законченном здании комендатуры поселился комендант лагеря — обершарфюрер СС Никкель. Сект возглавил маленький лагерь в Юмправмуйже. Мы от этой перемены ничего не выиграли. Наоборот — больше стало зверств, больше избиений, меньше еды.

С последним эшелонem прибыли врач и переводчик. Врач был доктор Винер из Вены, примерно шестидесяти лет, больной и нервный человек. В третьем бараке оборудовали для него приёмную комнату — шестиметровую каморку рядом с отсеком для больных. «Врач без лекарств», — так называли его.

Следует сказать, что доктор Винер действительно старался, но это мало помогало. Из-за отсутствия медикаментов и перевязочных материалов люди умирали на глазах. Доктор Винер переживал, однако ничего не мог поделать.

Пришла весна. Приятно пригревало солнце. А заключённые становились всё слабее, веки у них так опухали, что не видно было глаз, головы покрылись струпами. На коже появились открытые раны.

Поодаль от других построек закончили сооружение нового барака. Изнутри он отличался от других. Казалось, что строится склад. Это был Саласпилский «универмаг», как мы позднее окрестили это помещение.

На станцию Саласпилс прибыло несколько вагонов с чемоданами. Нас послали туда, открыли вагоны и заставили нести чемоданы в новый барак. Иногда нам удавалось один-другой чемодан открыть. Мы искали что-нибудь съестное и нередко находили.

Некоторых заключённых эсэсовцы поймали за этим «грабежом» и на месте расстреляли, но голод был сильнее страха смерти, и проверка чемоданов про-

должалась. В «универмаге» тем временем были оборудованы полки и вешалки для одежды.

Искали специалистов-текстильщиков. Вызвался Пауль Фельдгейм. Его сразу же назначили заведующим «универмагом», и вместе с двумя помощниками он приступил к сортировке чемоданов.

Чего там только не было!

Кучи фотографий, гвозди, подмётки, всевозможные канцелярские принадлежности, словари, специальная литература, докторские дипломы, новая и поношенная одежда, фотоаппараты, теодолиты, малые счётные машины, логарифмические линейки, различные медицинские аппараты, оборудование часовой мастерской, зубоорудия, даже целое зубоорудийное кресло с соответствующими ручными и электрическими сверлами, патефоны и пластинки и, наконец, действительно нужные вещи: бельё, верхняя одежда, обувь и продовольствие.

Последнее нас интересовало больше всего. Фельдгейму было приказано продукты сдавать охранникам, но он часть из них отправлял больным, нам тоже кое-что перепало. Фельдгейм распаковал и несколько швейных машин. Его помощники все красиво расставили, и вскоре барак стал походить на первоклассный магазин.

Никкель ежедневно приходил сюда и проверял содержимое Саласпилско-го «универмага». Этот универсальный магазин должен был стать бесплатным «закупочным» пунктом для господ эсэсовцев и других «избранных третьей империи».

Пепик Фогель, Эмиль Зейдеман и я — мы ещё держались. Еду старались доставать любым способом: то что-нибудь продавали, то нам помогал Фельдгейм. Мы не сдавались. Мечтали о возмездии и победе. Но кто доживет до того времени?

Пепик Фогель через латыша-грузчика обменял два красивых свитера на продукты питания, к тому же он узнал, что прибывающие в Латвию эшелоны с евреями останавливаются около леса, и там эсэсовцы расстреливают людей. Грузчик назвал даже места, где происходят эти зверства. Так вот откуда взялись чемоданы и набитые одеждой вагоны! Поскольку одежда не была запачкана кровью, нам стало ясно, что несчастных перед расстрелом раздевают. Пепик Фогель не хотел этому верить. Мыслимо ли такое? Он говорил: «Если вообще есть бог, то как он может на это смотреть!»

ЭПИДЕМИЯ СЫПНОГО ТИФА

В сырых бараках расплодился вши, и вскоре в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Но у врача Винера не было медикаментов. Ежедневно от этой болезни умирали десятки людей. У могильщиков работы было по горло. Отделение для больных было переполнено, и тифозные лежали рядом со здоровыми. Объявили карантин, в результате лагерь долгое время не получал продовольствия. Варили последний гнилой картофель. Случаи заболевания

участились. Против дизентерии не помогал даже отвар ренейника, после которого начинался страшный понос, ослаблявший людей ещё больше.

Эпидемия длилась примерно недели три и унесла половину заключённых. В это время в лагере орудовала только полиция безопасности.

Нельзя себе даже представить, как выглядели люди, перенёвшие это время. Кости да кожа. Гражданским рабочим во время эпидемии не разрешалось появляться в лагере. Не приходил и наш Янис, а значит не было никакой возможности выменять продовольствие.

После ликвидации эпидемии лагерь наполовину опустел. Но вскоре эсэсовцы прислали новые жертвы. Никкель снова занял своё место в комендатуре. Появился ещё один эсэовец — ротенфюрер Теккемейер, один из самых безжалостных фашистов, каких мне довелось встретить. Он постоянно был вооружен здоровенной дубинкой и хорошо умел пользоваться ею. В лагере не было заключенного, который не испытал бы её на своем горбу. Поэтому его и прозвали «Стукас».

Вскоре в комендатуре поселилась новая знаменитость — эсэовец Эйкемейер. Одновременно в лагерь прибыл и переводчик Пинкасович, по национальности поляк, попавший в Ригу с венским эшелонам.

Он хорошо знал немецкий, польский и русский языки. Пинкасович прибыл вместе со своим болезненным сыном, который, хотя и не работал, но переносил все лагерные невзгоды. Пинкасовича с сыном поместили в небольшой комнатке нового барака, где жил врач. Разумеется, он не довольствовался только лагерной пищей.

Пинкасович успешно торговал с руководителем строительства Качеровским и его друзьями, а также заключёнными, у которых ещё было что продать или обменять.

Каждый день я забегал к Фельдгейму, чтобы раздобыть что-нибудь из одежды для продажи или обмена, ибо у меня самого уже ничего не было. А Пауль никогда не отпускал с пустыми руками. Без его помощи я не вырвался бы живым из этого ада.

Лагерь беспрерывно расширялся и «благоустривался». К оборудованию относились также виселицы и специальная скамья для порки заключенных. Палачом Эйнштейн рекомендовал некоего Везена, которого, видимо, знал раньше. Это был длинный, здоровенный и безжалостный человек. Никкелю он тоже нравился, поэтому его немедленно назначили лагерным палачом. Кроме того, Эйнштейн, разумеется с согласия Никкеля, из среды заключённых выделил 10 лагерных полицейских. Почти все они были из Германии. Остальным Эйнштейн не доверял. В полицейском бараке были оборудованы скамейки для наказания заключенных, карцеры и другие средневековые средства пыток.

За лагерем похоронная команда уже рыла вторую массовую могилу. Покойников сваливали одного на другого и обливали хлорированной известью. Когда ряд заполнялся, его засыпали.

В середине лагеря воздвигли высокую деревянную башню, на которой находились охранники с пулемётами и биноклями. Вокруг проволочного заграждения построили вышки поменьше, где тоже находилась охрана.

... Меня ожидала большая радость — Янис, наш плотник, снова стал работать в так называемом врачебном или больничном бараке и меня, Пепика Фогель и ещё одного заключённого взял к себе. Стояла уже осень, часто лил дождь, а мы работали в бараке, к тому же не спеша, ибо здесь не надо было опасаться, что нас застигнет Никкель или Теккемейер. После эпидемии в лагере было сравнительно тихо, но мы в страхе ждали, когда эсэсовцы снова начнут бесноваться. И долго ожидать не пришлось.

Однажды в дождливую субботу в лагерь «позабавиться» приехал убийца Ланге. Никкель, желая ему услужить, приказал одного заключенного повесить и нескольких выпороть. Жертв выбирал Эйнштейн. Несчастливыми оказались те, о которых знали, что они выменивают продукты у гражданских рабочих-латышей. Повешенного оставили висеть трое суток, а выпоротых отнесли в бараки. Некоторые из них умерли, не приходя в сознание. Врачу не разрешили сделать им перевязку. Раны загноились, и многие скончались от заражения крови.

Эти субботние «представления» стали обычаем и продолжались почти до самой ликвидации Саласпилского концентрационного лагеря.

МОЯ «КАРЬЕРА»

Как-то в комендатуре испортилась пишущая машинка. Эйнштейн обегал все бараки, но найти механика не смог. Тогда вызвался я. Никкель приказал немедленно доставить меня в комендатуру. Я осмотрел испорченную машинку, пошел в «универмаг», взял у Фельдгейма маленькую сумочку, вложил в неё плоскогубцы, пинцет, отвертку и бутылочку масла. Бегом вернулся в комендатуру и приступил к работе. К вечеру пишущая машинка была в порядке. Никкель записал мою фамилию, номер барака и отпустил. Так для меня началась новая жизнь.

Пишущие машинки, требующие ремонта, привозили даже из Риги. В комендатуре накапливались пишущие и счётные машинки, швейные машины и даже зажигалки, бинокли и ещё кое-что. Меня назначили лагерным механиком. В приёмной доктора Винера Эйнштейн велел оборудовать для меня небольшую мастерскую со столом, тисками и креслом. Эсэсовцы захотели, чтобы я чинил и часы. Будильники и карманные часы не доставляли особых трудностей. Хуже было с дамскими ручными часиками, которые трудно было держать в огрубелых руках.

Вскоре отведённое мне помещение стало тесным, и Никкель распорядился перенести мастерскую в «универмаг» Пауля Фельдгейма. Здесь мне выделили комнатку три на четыре метра, с топчаном и матрацем, гладко выстроганным столом и двумя новыми тисками — большими и малыми. От Фельдгейма я получил два больших чемодана с оптическими стёклами, готовые очки и очки для подборки стёкол. Так я стал ещё и оптиком.

Я знал, что в бараке Ц-3 от голода умирает венский часовой мастер Гольц. Выбрав удобный момент, я попросил Никкеля разрешить ему работать вместе со мной. Один я уже не справлялся. Никкель согласился и освободил Гольца от строительных работ. Он-то и познакомил меня с секретами часового дела. Остальное мне давалось легко, ибо 10 лет я проработал на крупнейшем механическом заводе Праги. К сожалению, работать с часовым мастером долго не пришлось. Гольц заболел и вскоре умер.

Снова я работал один с раннего утра до позднего вечера. Насколько мог, помогал товарищам по бараку. Как в лагере, так и в Риге мою работу оценивали положительно. Понемногу условия жизни улучшились. Янис тоже часто приносил продукты, ничего не требуя взамен.

ПЕРВЫЕ ИЗ ЛАТВИИ

В лагерь прибыл первый эшелон с местными жителями — латышами и русскими. Их поместили в только что построенный барак. После прибытия новых заключённых лагерь стал быстро расширяться. Бараки росли, как грибы после дождя.

Всякие связи с вновь прибывшими были строго запрещены. Нас очень интересовало, как они отнесутся к нам. Скоро мы узнали, что это политические заключённые. Вначале они держались несколько недоверчиво, но очень корректно.

Однажды на станцию Саласпилс прибыло два вагона, из которых выгрузили около 60 ржавых швейных машин. Мне предстояло их наладить. Никкель только предупредил: «Через два месяца они должны быть в полном порядке!» В первую очередь я взялся за машины, которые казались хоть сколько-нибудь пригодными. Нужные детали снимал с наиболее испорченных. И так мне действительно удалось большую часть швейных машин отремонтировать настолько, что ими можно было пользоваться.

В лагерь поступили первые заключённые женщины. Большинство из них были латышки, остальные — русские. Швейные машины установили в новом бараке. Так возникла Саласпилская швейная мастерская.

Исправленные машины в целом работали хорошо. На каждой значилась фамилия прежнего владельца. Несчастные, очевидно, надеялись, что швейные машины помогут им на чужбине заработать кусок хлеба...

Теперь швейные машины должны были работать на фашистов.

Вскоре я научился довольно хорошо говорить по-русски и даже немного по-латышски. Со швеями у меня установились хорошие отношения.

С заключёнными нееврейской национальности, даже с женщинами, обходились так же грубо. Я заметил, что в наказание их заставляли делать различные «упражнения».

Так, например, с быстротой молнии надо было ложиться на землю, столь же быстро вскакивать, снова ложиться и снова вскакивать... Больше всего эсэсовцам нравилось заставлять людей делать подобные «упражнения» в дождь,

когда образуются большие лужи. Можно представить, как несчастные потом выглядели!

Хотя это было строго запрещено, заключённые иностранцы и советские люди всё же встречались. Возникли первые связи между двумя группами заключённых. Сначала мы были очень осторожны, так как Теккемейер, увидев заключённых вместе, бил всех, кто попадался под руку.

С повязкой «лагерный механик» на рукаве я мог свободно продвигаться по всему лагерю. Эту возможность я хорошо использовал. Новые заключённые передавали вести из внешнего мира, главным образом о положении на фронте. Я передавал эту информацию дальше.

Особенно приятным было содружество с заключёнными ремесленниками, среди которых были как латыши, так и русские. Работали они в новом бараке, куда наконец перевели из «универмага» и мою мастерскую. В мастерских работали сапожники, портные, шорники. Среди них я чувствовал себя хорошо.

РАДИО В ЛАГЕРЕ!

Однажды Никкель вызвал меня в комендатуру. Испортился радиоприёмник. Неисправность я обнаружил быстро, но так как решил заполучить приёмник в свои руки, то сказал, что в комендатуре исправить его невозможно, надо нести в мастерскую. Так и вышло. Я решил не возвращать приёмник, пока не послушаю все радиостанции, которые меня интересовали, а главное — Москву. Включил даже Берлин, ибо хотел знать, что говорит враг. Гитлеровцы все ещё хвастались своими победами, хотя о «молниеносной войне», как это обещал их фюрер, уже не могло быть и речи. Само собой разумеется, что все полученные сведения на следующий же день я передавал товарищам по бараку. Так продолжалось несколько дней, пока не пришлось возвратить приёмник в комендатуру. Потом на ремонт мне приносили маленькие двухламповые «Скауты», многоламповые «Суперхеты». Заключённые ежедневно приходили ко мне за новостями, чтобы затем передать их дальше. Отрадно, что среди такого множества людей, которые знали об этом, не нашлось ни одного предателя.

Теперь примерно половину дня я работал в швейной мастерской, вторую половину — в бараке ремесленников. Часто засиживался до поздней ночи.

В последнее время перестали привозить евреев, зато всё больше эшелонам прибывало с латышами и другими советскими гражданами. Людей этих доставляли в лагерь и небольшими группами, нередко даже по одиночке.

Эсэсовцы приезжали в лагерный «универмаг» за «покупками», и Никкель щедро раздавал то, что ему не принадлежало. Приезжали и эсэсовские дамы — проститутки. Они выбирали себе кожаные сумочки, губную помаду, одеколон, духи и другие вещи, когда-то принадлежавшие евреям. Расовая ненависть у них не простиралась столь далеко, чтобы брезговать еврейскими вещами. Фельдгейма я навещал ежедневно, ибо он снабжал меня лезвиями, мылом и зубной пастой. Многое из этого я относил и своим товарищам по бараку.

В лагере было построено что-то вроде бани, хотя на самом деле это здание предназначалось под прачечную.

В саласпилеском больничном бараке работал латышский врач доктор Бдилс. Он был очень хорошим врачом и порядочным человеком. В мае 1943 года гитлеровцы его расстреляли.

В этом бараке находились также два зубных техника: Герман из Чехословакии и Шлотшовер, если не ошибаюсь, из Вены. Оба они были хорошими специалистами, и к ним шли даже эсэсовцы.

Барак, где помещались политзаключённые, ведал некий Видужс. Он с удовольствием заходил и в швейную мастерскую, выискивал разные недостатки, допытываясь, кто из женщин чаще всех ломает иголки. От меня, разумеется, он ничего не узнал. Видужс всегда носил с собой плетку, которой безжалостно сёк несчастных женщин.

Каждый вечер, а иногда и в обед, я встречался с товарищами по бараку, чтобы сообщить им новейшие сведения о событиях на фронте. Не всегда я мог обрадовать их, но, чтобы поддержать в них настроение, я время от времени был вынужден придумывать весть о наступлении Советской Армии. Это было не совсем правильно, но ничего другого нельзя было сделать. Я знал, что эта ложь когда-нибудь станет правдой.

Каждый вечер товарищи с нетерпением ждали меня, и если я задерживался, приходили за мной.

Полной радости и надежд была для нас весна 1943 года. Битва у Волги! Разгром фашистов!

Но победы Советской Армии у Волги ещё больше ожесточили эсэсовцев. Они обращались с нами всё более безжалостней. Фашисты лютовали как бешеные, а наши согнутые спины словно выпрямлялись. Мы знали, ещё будут жертвы, может быть убьют и нас, но уже был виден конец. Теперь только выдержать! Мы призывали всех заключённых соблюдать осторожность, по легкомыслию не отдавать свою жизнь кровожадным эсэсовцам. Это понимали все. Каждому хотелось выстоять, но удалось это только немногим.

ЧЁРНАЯ СУББОТА

Хочу рассказать об одной субботе, которая очень ярко сохранилась в моей памяти. Гитлеровцы снова замыслили «что-то особенное». Уже в понедельник из трёх барakov вызвали заключённых, совершивших мелкие проступки. Их заперли в тёмный карцер. Для полноты наказания привели ещё четырёх мужчин, которые меняли свою одежду на продовольствие. Никкель приказал и этих людей заключить в карцер. Там всю неделю их усиленно охраняли. Все мы с ужасом ожидали дальнейших событий.

В субботу, сразу после обеда, из Риги прибыло несколько машин с эсэсовскими офицерами. Среди них были также Ланге и Краузе. Это кошмарное представление организовали Никкель, Теккемейер и Эйкемейер. Весь лагерь должен был выстроиться на площади.

Явились также восемь гестаповцев, которые обычно приводили приговоры в исполнение. Из карцера привели четырёх заключённых, пойманных при обменной торговле. Их руки были связаны за спиной. Было зачитано обвинение по поводу запрещенной торговли с местными жителями, и Никкель продиктовал: «Расстрелять!»

Карательная группа прицелилась, раздалось восемь выстрелов. В один миг были уничтожены четыре жизни. Люди, как подкошенные, рухнули на землю, только один ещё шевелился. К нему подбежал Теккемейер и дважды выстрелил в голову из пистолета. По этой части он был специалистом.

После исполнения приговора выступил Эйнштейн. Он зачитал сочиненную Никкелем речь, которая звучала примерно так: питание в лагере сильно улучшилось и почти сравнялось с тем, что получает немецкий солдат, который ежедневно сражается и рискует своей жизнью во имя «фатерланда». Значит, в обменной торговле нет необходимости, и любителей лакомств ожидает то же самое, что и этих четверых. Я подумал: если это правда, что немецких солдат на фронте кормят не лучше, чем нас, тогда войне скоро конец!

Затем из карцера вывели остальных «провинившихся» и каждому присудили 25-50 ударов кожаной плетью. Их поочередно привязывали к специально сконструированной скамье. Началась порка. Мужчины сначала стонали, потом затихли.

После этого вывели красивого парня лет девятнадцати. Его обвинили в «саботаже». Немедленно исполнили приговор — 50 ударов плетью. Затем Никкель подошел к Эйнштейну и что-то сказал ему. Оказалось, что этого ужасного наказания убийце мало. Полицейские поволокли лежавшего без сознания парня к виселице, и лагерный палач Вольф Везен вздернул его. В назидание остальным труп висел трое суток.

Расстреляли ещё двух заключённых, насколько помню, тоже за обменную торговлю. К месту казни они шли мужественно и после зачтения приговора воскликнули: «Вы, кто останется в живых, отомстите за нас и наших товарищей!» Потом они стали громко читать молитву. Никкель приказал немедленно стрелять.

Вскоре удовлетворённые эсэсовцы уехали.

Такие кровавые представления повторялись часто. Как-то наш лагерь посетил убийца миллионов Эйхман и просмотрел «представление» до конца.

В РИГУ

В Рижском гетто тоже имелась небольшая швейная мастерская, а механика там не было. Работало уже несколько швейных машин, и Краузе поручил Никкелю отправить меня в Ригу. На следующее утро прибыл шофер Юрьян на грузовике, доставлявшем в лагерь продукты. Я сложил свои инструменты и запасные части в маленький чемоданчик и забрался в машину. При мне была справка, адресованная комендатуре гетто. Первыми людьми, которых я там встретил, были три девушки, возвращавшиеся с работы. На звонком чешском

языке они спросили, откуда я прибыл. Когда я произнес слово «Саласпилс», они были удивлены, ибо в гетто шли слухи, что лагерь ликвидирован и все его узники уничтожены. Слухи эти возникли потому, что в гетто пришло несколько грузовиков с наваленной в них одеждой. По всей вероятности, её привезли с какого-нибудь эшелона, который был остановлен и уничтожен в лесу.

Меня отвели в швейную мастерскую, находившуюся неподалеку от улицы Ерсикас. Она была маленькой, темной и, по сравнению с нашей, очень жалкой. Стульев там не было, женщины сидели на ящиках. Всего в мастерской работало двенадцать человек. Они латали старую одежду и обмундирование полиции безопасности, а также шили дождевики и белые маскировочные халаты для солдат.

Я сразу же взялся за работу. По моим расчетам, пробуду в гетто дня три. Об этом я сообщил и в комендатуру. Мне велели поселиться и получить питание в «Пражском доме» на улице Ерсикас, что меня очень обрадовало. Хотелось всё разузнать о маме, и это мне удалось.

Однажды, это было в начале марта 1942 года, комендатура зарегистрировала всех лиц старше 60 лет. 14 марта утром на поверке зачитали список с фамилиями этих людей. Они, мол, поедут в рыбацкий поселок, что в устье Даугавы, чинить рыболовные сети. Среди тех, кто утром 15 марта отправился в путь, была и моя мать. Старикам разрешалось брать с собой всё, что они желали. Всего было вывезено около 600 человек. Мама сбежала и вернулась в помещение, но эсэсовец заметил это и последовал за ней. Она спряталась за печь. Эсэсовец нашел её, выволок за волосы и втолкнул в переполненную грузовую машину. Во второй половине дня машины вернулись, нагруженные обувью и одеждой.

Было ясно — весь транспорт уничтожен. Боль сдавила сердце, но делать было нечего. В гетто тоже жилось несладко. Краузе лютовал, как зверь. Мне рассказали такой случай. Краузе дал работницам швейной мастерской починить свои кожаные перчатки. Одна из девушек по неопытности сожгла одну перчатку. Как только Краузе узнал об этом, то велел отвести её на кладбище, поставить на край вырытой могилы и расстрелять.

На третий день утром, когда швейные машины были налажены, Юрьян отвез меня обратно в Саласпилсский лагерь.

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ТЮРЬМУ

В комендатуре стали поговаривать о том, чтобы перевести меня в Рижскую Центральную тюрьму. Так пожелал Никкель. Там тоже была большая швейная мастерская и нужен был механик. Краузе противился этому, но уже на следующий день Юрьян отвез меня в Ригу. В лесу у станции Румбула пылали костры, от которых валил густой дым.

Я спросил, что там жгут, но Юрьян не ответил. Приехав в Ригу, остановились, и Юрьян вошёл в какой-то дом. Я остался в открытой грузовой машине

совершенно один. Беги, беги, пока есть время! — сверлила мысль. Но куда, к кому? В этом городе у меня не было знакомых. Вернулся Юрьян. Мы поехали в Центральную тюрьму. Заехали во двор, шофер повел меня в канцелярию и подал работнику документы, полученные от Никкеля. Тот занёс в большую книгу мою фамилию и причину прибытия. После тщательного обыска меня через большой двор отвели в швейную мастерскую, которая находилась на третьем этаже одного из зданий. В помещении примерно 25 метров длиной стояло 60 швейных машин. Женщины были погружены в работу. Сразу же приступил к работе и я. К вечеру большая часть машин была исправлена. В тот же день Юрьян отвез меня обратно в Саласпилский лагерь.

Такие поездки в дальнейшем повторялись довольно часто. Мне они совсем не нравились, лучше было работать в лагере среди друзей и товарищей.

В лесу около станции Румбула всё ещё пылали костры. Один латыш рассказывал, что там сжигают трупы из массовых захоронений.

В лагере у меня было очень много работы. Швейные машины, пишущие машинки, различные часы, очки, зажигалки и радиоприёмники, которые меня интересовали больше всего. Последние известия придавали нам уверенность в счастливом будущем. Немцы отступали!

Четырнадцать дней у меня находился приёмник, который брал многие радиостанции. О слышанном я рассказывал товарищам по бараку, они в свою очередь передавали сведения дальше.

Положение в лагере всё ещё оставалось ужасным. Заключённые умирали от разных болезней и голода. Репрессии продолжались. Людей мучили и вешали ни за что.

Сюда по-прежнему прибывали чемоданы. Это неопровержимо доказывало, что немцы привозят в Латвию новые жертвы, но эти несчастные лагеря не достигали. Их уничтожали ещё в дороге.

ПЛАЧУЩИЙ ЭСЭСОВЕЦ

Один шофер СС, немец, часто привозил из Риги на ремонт различные часы, зажигалки — вообще всё, чем обычно спекулировали эсэсовцы. Но он вёл себя иначе, чем остальные. Почти всегда привозил хлеб и колбасу, иногда даже печенье и сигареты. А когда у него ничего не было, он дарил мне хоть пачку махорки. Часто выражал недовольство фашистским режимом. Сам, мол, социал-демократ. Во время войны был зачислен шофёром в части СС и одет в форму с черепом.

Однажды этот немец, ожидая, пока я починю его часы, стал рассказывать о тяжелой жизни в фашистском «тылу». «Прочтите это письмо, тогда лучше всего поймете, каково положение у нас в Германии», — сказал он, протягивая мне письмо от своей жены Эллы. Я прочел: «За последние три месяца перебралась уже в четвёртое место. Все дома, в которых жила, за короткое время разбомбили, и я снова и снова вынуждена была искать крышу над головой. У меня осталось лишь то, что было на мне и что иногда выделяет

Зимняя помощь. Наша маленькая доченька все время болеет. У неё течет из ушей, и я не знаю, как мы всё это переживём! Это нас бог наказал. В настоящее время живём в сарае, в 6 километрах от Ганновера. В самом городе не осталось камня на камне. Ежедневно налёт за налётом. В Ганновере больше ничего есть».

С двойственным чувством читал я это письмо жены эсэсовца. Вспомнил сказанные когда-то Гитлером хвастливые слова: «Дайте мне десять лет времени, и вы увидите, как я преобразу Германию!» Это обещание понемногу сбывалось. Я вернул письмо немцу, который сидел на стуле и хныкал: «Ах, Элла, моя Элла!»

ПОСЛЕДНЯЯ ПОВЕРКА

Однажды над Саласпилским лагерем совсем низко сделал широкий вираж советский истребитель. Мы отчётливо видели красную звезду. Это было хорошим предзнаменованием! Его мы восприняли с глубоким волнением. Неужели фронт так близко?

Эйнштейн звал на поверку. Это была последняя поверка в еврейских бараках. На сей раз Эйнштейн сообщил решение комендатуры: иностранцы будут эвакуированы!

Я уже укладывал свои вещи, когда в мастерскую зашел Теккемейер и сообщил, что я остаюсь, так как остается и швейная мастерская. Через час началась эвакуация. Печально было смотреть на жалкие создания, заполнившие машины. Здоровые стояли на ногах, больные лежали. В лагере из евреев остались дантисты Герман и Шлотшвер, Пауль Фельдгейм, Йозеф Фогель, Эмиль Зейдеман и я. Фогеля и Зейдемана выпросил у Никкеля Фельдгейм.

Теккемейер ежедневно приходил в мастерскую, долго стоял за моей спиной и наблюдал, как работаю. Ежедневно он приносил старые часы, ибо на них, очевидно, хорошо зарабатывал.

К Фельдгейму всё ещё приезжали эсэсовцы и «приобретали» для себя и своих размалёванных подруг вещи убитых евреев. Один эсэсовец заверял, что «фюрер» обещал обязательно победить.

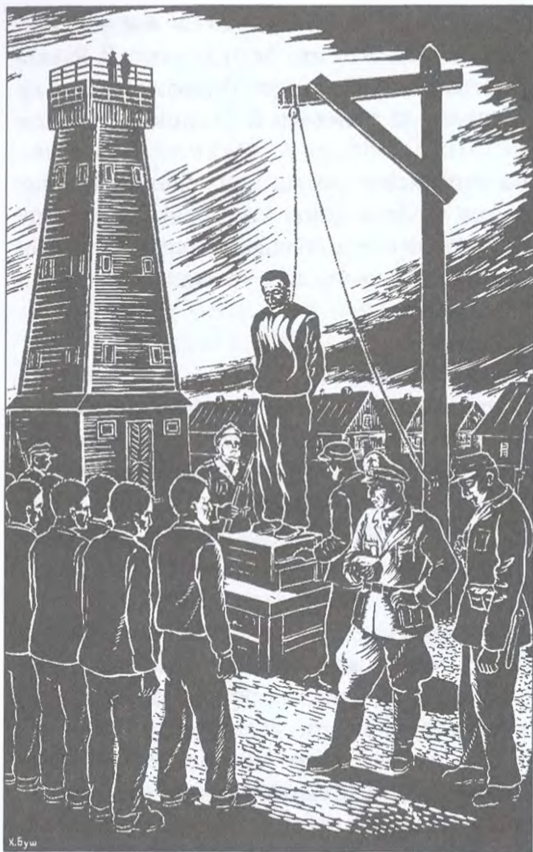
ФРОНТ ПРИБЛИЖАЕТСЯ!

Медленно, но неудержимо приближался фронт. Об этом передавала Москва, сообщал и Лондон. Немецкие самолеты ещё совершали налёты на СССР, но все реже и реже.

Однажды в воскресенье, когда в лагере царила тишина, откуда-то издали донесся гул. Что это могло быть? Временами гул утихал, затем раздавался снова. То не был гром. Некоторые товарищи думали, что это, возможно, артиллерийские учения.

Вечером я слушал радио. Советские войска одерживали всё новые победы.

Местные радиостанции — Рига, Кулдига, Мадона и Лиепая ещё передавали популярные песни нацистов «Лили Марлен» и «В поход на Англию». Судя

Очередная «акция». Литографюра К.Буша. только выйду на волю. Я этого ещё не знал, да и не был ещё свободен. Чувствовалось приближение свободы, но до этого ещё многое предстояло выдержать.

СНОВА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ТЮРЬМУ!

Как-то Никкель вызвал меня в комендатуру. Он сказал: «Завтра поедешь в Центральную тюрьму, в этот раз на более продолжительный срок». Для меня это было большой неожиданностью, ибо я надеялся остаться в лагере до его освобождения. Центральная тюрьма была опасным местом для каждого заключенного, и особенно для еврея.

Пришлось сразу же собираться. Инструменты свои я сложил в большие ящики, и к вечеру всё было готово. Прощаясь с друзьями, я надеялся, что ещё когда-нибудь увижу их.

Мне было тогда невдомёк, что вижу своих друзей в последний раз, что ни одному из них не суждено будет выйти из лагеря смерти. Назавтра после обеда грузовая автомашина отвезла меня в Центральную тюрьму. В день отъезда

по эфиру, дела у немцев ещё шли хорошо. Но в тот же вечер радио сообщило о прорыве Восточного фронта и стремительном продвижении Советской Армии на запад. Меня лихорадило у радиоприёмника.

Сообщил товарищам: «Ребята, приближаются спасители!»

Но тут же вкралась мысль: как спастись? Останется ли здесь вообще кто-либо в живых? Что предпримут фашисты? А они пока вели себя так, будто ничего не случилось. Только артиллерийская канонада с каждым днём слышалась всё отчетливее.

На следующий день в лагерь приехал Ланге и расстрелял двух заключённых, которые в тот момент выпрямили согнутые на работе спины. Ланге орал: «Саботаж!»

Ежедневно я ходил в швейную мастерскую, мы там толковали об ожидаемых переменах. Женщины спрашивали, куда я подамся, как

сильная канонада слышалась особенно отчетливо, казалось, что фронт совсем близко. Участились и налеты.

Рига походила на военный лагерь — всюду войска и эсэсовцы. Проехали через город и остановились у ворот Центральной тюрьмы. Я был удручен. Пришлось долго ждать, пока меня не позвал какой-то охранник. Обыскали с ног до головы, потом заключили в одну из камер среднего блока. Никто со мной не разговаривал, никто ничего не спрашивал. Вечером получил уже хорошо знакомый черный кофе и кусок хлеба. Утром снова черный кофе и хлеб, а в обед суп из рыбьих голов, как в Саласпилсе.

Так я прожил больше недели. Однажды лязгнул ключ в замке, и в камеру вошёл охранник. Он спросил, я ли механик Саласпилского лагеря. Когда я подтвердил это, он повел меня в швейную мастерскую.

ГЕСТАПО

Несколько дней спустя незадолго до обеда ко мне подошли два суровых на вид эсэсовца. Один строго спросил, не я ли часовой мастер из Саласпилса. Я подтвердил. Они стали по обе стороны от меня, и так мы поспешно вышли. Женщины испуганно посмотрели нам вслед, ибо мои провожатые выглядели очень свирепо.

Во дворе стояла легковая автомашина. По знаку, поданному эсэсовцами, я забрался в неё. Скоро мы остановились у большого здания рядом с парком (ул. Реймерса). Это было гестапо. Меня ввели в канцелярию. Нас встретил совсем молодой эсэсовец — гауптшарфюрер Палхубер. Он коротко сказал, что тут много неисправных часов, которые надо отремонтировать. У меня будто камень с плеч свалился. Однако у меня не было с собой инструментов, а без них я ничего не мог сделать. Эсэсовцы нашли выход. Каждое утро они вели меня в какую-то мастерскую к старому часовщику, где я весь день пользовался его инструментами.

ЭВАКУАЦИЯ

Советская Армия приближалась, всё явственнее слышался грохот орудий, налёты следовали один за другим. Однажды ночью на горизонте появилось зарево пожара. Из Саласпилса привезли нескольких женщин. Они рассказали, что лагерь эвакуирован. Значит, Саласпилский лагерь смерти больше не существует! Ожидалась и эвакуация тюрьмы. Как и куда?

В один из последующих дней, когда орудия били совсем близко, пришёл приказ об эвакуации.

Заключённых построили на большом тюремном дворе, начался отбор. Что с нами будет, никто не знал. Появилась банда эсэсовцев во главе с Матлом и Эйгелем. Заключённых вызывали по фамилии и разбивали на две группы. Одна группа была численно значительно больше другой, в неё определили всех женщин. Во второй группе было примерно 60 мужчин, среди них четыре цыгана. Мне велели стать туда.

Вскоре грузовые машины первую группу увезли. Мы остались во дворе, с ужасом ожидая дальнейших событий. Нас отвели в средний блок. Рядом со мной шел совсем молоденький латыш. Он был приговорен к смертной казни за поджог и спросил, что я сделал. Мне не хотелось говорить, во рту пересохло, я только махнул рукой и тихо произнес: «Что будет, то будет...» Невооруженный человек в руках профессиональных убийц, что он мог сделать? Меня заключили в камеру на первом этаже. В здании скоро воцарилась тишина. Только в коридорах раздавались шаги тюремщиков: стук-стук, стук-стук... Я лежал на жесткой полке и ждал, что будет дальше. В голове бродили разные мысли. Советская Армия уже так близко, и именно сейчас — конец?.. Меня бросало то в жар, то в холод. Слышал только биение собственного сердца. Заметил прикрепленные к стене железные кольца — два для рук и два для ног, а вокруг коричневые и черные пятна, вероятно, кровь замученных.

От усталости и голода я наконец задремал. В этот момент кто-то громко постучал в дверь, открыл оконце и крикнул: «Не спи, собака!» Дверь распахнулась, и в камеру ввалились пьяные Матл и Эйгель. «Оставь в покое эту собаку, — сказал Матл, — через час ему все равно конец», — и наклонившись ко мне, рявкнул: «Через час тебя расстреляют!» Меня это особенно не удивило, я был готов ко всему.

На следующее утро в камеру вошел эсэсовец Палхубер. Он спокойно сказал: «Собери самые необходимые инструменты, через час уезжаем». Я быстро собрался, и вскоре маленькая грузовая машина одним из последних увезла меня из Рижской Центральной тюрьмы. В машине находились хлеб, искусственный мед, маргарин и другие продукты. Снова я почувствовал страшный голод. Жизнь требовала своего! Отрезал хлеба, помазал искусственным медом и стал есть.

На рижских улицах было мало народу. Выстрелы раздавались совсем близко — на окраине уже шли бои. Грохотали орудия, лязгали гусеницы тяжелых танков. Над головой кружились самолеты. Теперь бы бежать! Но меня охраняли. Переехали мост через Даугаву и завернули во двор какого-то завода.

За боем наблюдали со второго берега. Временами гранаты разрывались совсем близко.

Когда стемнело, поехали дальше. В городе пылали пожары. Миновали здание, горевшее, как факел, и присоединились к бесконечному потоку машин. Немцы отступали. Проехали Тукумс и к утру достигли Лиенаи. Въехали во двор гестапо. Меня заключили в погреб, где я просидел три дня. На четвертый день меня поселили в небольшую пристройку во дворе гестапо, которая находилась рядом с эсэсовской комендатурой. Там я был один. Из еврейского лагеря, находившегося в Риге на фабрике «Лента» и теперь переправленного в Лиенаю, привезли двух мастеровых. Это были Отто Шульц и некий паренёк Макс, оба из Германии. Шульц был электромонтёром, Макс — слесарем и электросварщиком.

Вскоре мы оборудовали настоящую мастерскую и ремонтировали всё, что попадалось. Отто Шульц исправлял и радиоприёмники. Мы снова знали, что происходит в мире. Известия были хорошими. Героическая Советская Армия неудержимо продвигалась вперед. Мы же находились в «Курляндском котле». Уехать отсюда можно было только морем.

Заключенных с фабрики «Лента» разместили на одном заводе близ порта, их комендантом стал эсэсовец Брауер. Это был настоящий садист. Он приказал тюремному надзирателю, по профессии шорнику, изготовить несколько плетей и влести туда проволоку. Показывая их нам, Брауер говорил: «Ими я буду дрессировать заключённых!»

Заключённым жилось очень тяжело. Они работали на самых тяжёлых работах в порту, подгоняемые кнутом и руганью. Многих Брауер в прямом смысле слова забивал до смерти.

Здание бывшего рижского гестапо.

СВОБОДА

Час победы близился, но фашистские звери не отпускали своих жертв. Заключённых перевезли в новое место страданий, в лагерь Штутхов, где большинство умерло от заразных болезней и голода. Рабочие нашей маленькой мастерской оставались в Лиепае до последней минуты. От часового мы знали, что эсэсовцы нас не оставят в живых, поэтому только и ждали удобного момента, чтобы бежать. Шалегы не прекращались ни днем, ни ночью. Последнюю ночь мы провели не раздеваясь. Лиепая ждала своего освобождения. Неужели и мы доживем до счастливой минуты? Это был сложный вопрос.

Пришёл последний день плена. Эсэсовцы спешно готовились бежать. Мы помогли им укладывать вещи. Ежеминутно я поглядывал через решётку на пустую Республиканскую улицу. Быть или не быть! Вдруг на противоположной стороне улицы заметил какую-то женщину. Это была Тереза Давис, бывшая заключённая, швея из Рижской Центральной тюрьмы. Окликнул её. Она тоже узнала меня и подбежала к окну. Вкратце пояснил ей наше положение.

Сказал, что думаю бежать, но не знаю, где можно спрятаться до прихода Советской Армии. Тереза Давис сразу же обещала спрятать меня и моих друзей в квартире Алмы Зейме по Республиканской, 18. За разговором нас застал немецкий офицер. Он грубо напал на Терезу Давис и хотел её задержать, но она изловчилась и убежала.

Я тут же всё рассказал товарищам, но они уже договорились с латышом охранником, который сам предложил спрятать их в своей квартире.

Около 11 часов утра во двор гестапо вкатил легковая машина. Вылезли два эсэсовских офицера и вытащили связанного мужчину в форме СС. Силой они отвели его в сарай в противоположном конце двора. Офицеры вернулись к машине и поспешно уехали. Эсэсовцы Офер, Брауер и Нейман были взволнованы случившимся и поспешили в сарай. Надо было использовать возможность. Мы схватили свои пожитки и выбежали на улицу. Часовой-латыш был немало удивлен, но позволил нам уйти.

Я торопился на Республиканскую улицу, а мои друзья — к охраннику-латышу. Улицы были пустыми. Я вбежал в дом № 18. Алма Зейме жила на первом этаже. Не успел я постучать, как дверь открылась и меня встретила Тереза Давис. Алма Зейме сердечно поздоровалась и накормила меня. Я был в безопасности.

Следующей ночью мы приветствовали приход Советской Армии в Лиепаяу. Фашистская Германия капитулировала. Радости не было конца. С тех пор я видал свирепых и надменных гитлеровцев лишь как военнопленных.

В Лиепаяе благоухала весна — весна победы 1945 года. Несколько дней мы отдыхали. Бродили по дюнам, дышали морским воздухом и радовались, как дети. Свобода! Свобода!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Появилось распоряжение о регистрации всех вывезенных лиц. Я сразу же записался. Нам велели быть в любой день готовыми к отъезду. И скоро этот день настал. Я попрощался со своими латышскими друзьями и получил железнодорожный билет до Елгавы, где собирались все отъезжающие домой. Нас принял советский военный врач, который тщательно осматривал каждого и выдавал справку о состоянии здоровья. Утром следующего дня я выехал на родину.

В ПЛЕНУ КОРИЧНЕВОЙ ПАУТИНЫ

МИХАИЛ ЗЕЛЕНСКИЙ

Этот человек прошёл через Саласпилсский лагерь военнопленных и остался в живых... Он выступал в качестве свидетеля по делу бывшего начальника строительства Саласпилсского лагеря М. Качеровского.

М. Зеленский родился в 1919 году в г. Донецке Украинской ССР. После окончания семилетки и ремесленного училища он работал электриком в городском трамвайном парке. В 1939 году был призван на действительную службу — во флот. В 1941 году участвовал в обороне острова Сааремаа. В октябре попал в плен и несколько лет провел в Саласпилсском и других лагерях военнопленных.

Осенью 1944 года М. Зеленский бежал из плена и после освобождения Риги снова вступил в ряды Советской Армии. После демобилизации жил в Риге и работал заведующим отделом Центрального универмага.

ДОРОГА СТРАДАНИЙ

Мне шел двадцать второй год, я служил во флоте. Война застала меня в Эстонии, на острове Сааремаа.

Более трёх месяцев мы защищали его и оставили лишь ночью с четвертого на пятое октября.

Мне и ещё шестерым морякам посчастливилось найти на берегу небольшую рыбацкую лодку. Сели в неё и отчалили. Противник нас заметил, когда мы были уже далеко. Начался обстрел. В ту ночь на море бушевала буря. Огромные валы, временами поднимавшиеся как крутые горы, закрывали нашу лодчонку от гитлеровцев. Ни один из нас не был ранен.

Через несколько часов мы приблизились к латвийскому берегу. Что ожидает нас там?

Уже издали было видно, что на берегу выстроилась цепь вооруженных фашистов.

Единодушно решили: «Не сдадимся. Будем драться!» Каждый из нас имел винтовку и несколько ручных гранат. Надо пробиваться.

Едва нос лодки коснулся мели, мы открыли огонь из винтовок, пустили в ход ручные гранаты. Немцы этого не ожидали. Их цепь поредела. Отстреливаясь, мы вбежали в лес.

Три дня и три ночи провели в чащобах Дундагского леса. Днем зарывались в мох и спали, ночью двигались вперёд. Один из наших товарищей был ранен. Поочерёдно несли его. У меня тоже была рана на голове.

Небольшой запас продуктов, что несли в карманах, иссяк. Питались ягодами, орехами и грибами.

Советских военнопленных немцы подвергали пыткам и издевательствам.

уложил спать.

Вскоре мы уснули крепким сном.

Нас разбудил шум. Кто-то кричал:

— Руки вверх! Кто будет сопротивляться, получит пулю в лоб!

Проклятый сон? Бред? Я приподнялся, открыл глаза. Нет — действительность! Кругом вооружённые люди. На нас направлены стволы автоматов. Сопротивление означает смерть. Надо сдаваться... Обозвав бандитами, они связали нам тонкой, но крепкой верёвкой руки. Потом вывели из дому.

Нас захватили вооружённые фашистские приспешники.

Откуда они взялись здесь, в лесу? Не гостеприимный ли лесничий предал нас? Это загадка, которую не могу разгадать до сих пор.

Нас погнали обратно, к тому самому берегу, где несколько дней тому назад мы вырвались из немецкого окружения. Заперли в конюшню, где уже находилось около двухсот советских военнослужащих.

На следующий день нас посадили в грузовик и под вооружённой охраной повезли в Дундагу, загнали в тамошнюю церковь, которая на скорую руку была превращена в филиал тюрьмы. В шутку мы говорили, что попали ближе к богу, ибо понимали, что с таким питанием, какое давали военнопленным, мы долго не протянем. На день мы получали сухарик и кружечку черного

К вечеру четвёртого дня мы достигли небольшой поляны и увидели домик. Спрятались под густой елью и стали наблюдать, кто там живёт.

Вдруг послышались шаги. К нам приближался мужчина средних лет с корзинкой в руке. Он ходил в лес по грибы. Молча, как тени, встали мы на его пути. Он вздрогнул, стал нас испытующе рассматривать и сразу понял, с кем имеет дело.

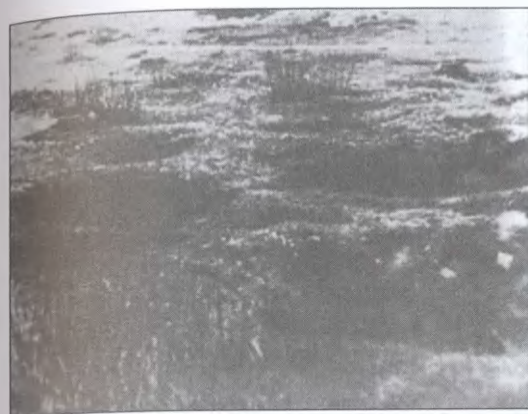
— Где немцы, дяденька? — спросили мы.

— Не видел, — ответил он.

Попросили хлеба, сказали, что уже трое суток не ели. Мужчина кивнул головой в сторону дома.

— Пойдёмте. Постараемся что-нибудь наскрести.

Это был дом лесничего. Хозяин угостил нас ужином, принес на кухню несколько охапок сена и

В этих ямах и норах когда-то жили люди. Десятки тысяч пленных фашисты выгнали на открытое поле близ шоссе Рига — Даугавпилс, в 18 километрах от Риги. Спасаясь от зимнего холода, люди зарывались в землю. Ямы были заметны ещё в 70-е годы.

усиленной охраной немцев и шуцманов мы плетёмся по шоссе Рига — Даугавпилс. Нас примерно 600 военнопленных. На восемнадцатом километре сворачиваем с шоссе налево. По заросшему травой, давно неезженному проселку нас ведут в старый парк, где на осеннем ветру сурово шумят могучие дубы и липы. Но почему у деревьев белые стволы? Разве могли мы догадаться, что кору с голоду обгрызли люди! Нашу колонну остановили на площади за парком.

— На колени! Стать на колени! — на ломаном русском языке кричал очкастый немец.

Команду мы не понимали. Не знали, что делать.

— Молитесь богу, черти такие! Как в церкви. Вот так! — Немец преклонился и протянул руки к небу.

— Коммунисты в церковь не ходят. Они молиться не умеют, — смеялся маленький, толстый фельдфебель с выдупленными глазами.

— Ничего, научим... Выдрессируем.

Четыре часа стояли мы на коленях и мерзли. Встать не смели, пошевелиться тоже. Так гитлеровцы хотели нас унижить, показать свою власть.

Стоя на коленях, я заметил, что костлявая лошадка везёт сюда телегу с бочкой. Телсга остановилась недалеко от нас. Вокруг неё моментально стали собираться люди. Оборванные, грязные, обросшие, некоторые даже босиком. Откуда они взялись? Поблизости ведь нет ни одной постройки.

Оборванцы вылезали из-под земли. Да, да. Из-под земли! Люди здесь жили, правильней сказать — умирали в норах. Это были наши товарищи — попавшие в плен бойцы Советской Армии. Месяц назад их согнали сюда под от-

навара, который назывался здесь кофе.

На допрос никого не вызывали. Только время от времени в церковь заглядывали гитлеровцы, с сознанием превосходства осматривали нас, обругивали и избивали. В мрачной неизвестности, сидя на цементном полу, мы проводили часы, дни, недели. Однажды утром нас отвели на станцию и загнали в вагоны, каждый вагон охранял немец и три шуцмана. Начался путь в лагерь военнопленных.

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Мы в Риге. Нас выгоняют из вагонов и строят в колонны. Под

крытое небо. Спасаясь от холода и дождей, люди зарывались в землю, от голода обгрызали стволы старых лип на высоту человеческого роста. Костлявая лошадка привезла военнопленным обед. Каждый заключённый получал черпак вонючей жидкости.

После обеда на шоссе напротив парка остановился черный лимузин. Стража засуетилась. Второпях приводили в порядок мундиры, травой очищали забрызганные сапоги. Из автомашины вылезли и шли к нам гитлеровский офицер и переводчик.

— Встать! — заорал фельдфебель. У нас онемели ноги, мы не могли стоять. Строй у фельдфебеля получился довольно шаткий.

— Коммунисты и евреи — два шага вперед, марш! — повторил переводчик команду офицера.

Роковых шагов никто не сделал.

Гитлеровец повторил команду.

Никто не пошевелился. Казалось, все приросли к земле.

Тогда фашисты сами стали выбирать жертвы. По лицу. Кто им не нравился — вон из строя. Так отобрали около ста человек и увели. Их никогда больше не видели.

Остальных под вечер отвели в Саласпилский лагерь военнопленных, который находился по ту сторону шоссе, на берегу Даугавы.

На следующее утро надо было построиться на первую поверку. Во дворе лагеря горело несколько костров. Возле них лежали трупы, которые за ночь вынесли из бараков.

Похоронная команда, выполняя приказ, стаскивала с трупов одежду и складывала в кучу. Дальнейшее тоже происходило по строгому распорядку и приказу: мертвым на одну ногу набрасывали петлю и вытаскивали труп за ограду из колючей проволоки. Там тела сбрасывали в кучу, точно так же, как и снятую с них одежду. Нас ознакомили с внутренним распорядком в лагере. Пояснили, что рабочий день здесь не ограничен.

В первый день заставили носить доски с лесопилки, которая была оборудована на берегу Даугавы. Настилали нары в бараках для военнопленных. Затем нас гоняли рубить кусты по ту сторону шоссе. На расчищенной площадке начали строить бараки и дом для охранников. Здесь создавался лагерь, будущий Саласпилский лагерь смерти.

Силы таяли не по дням, а по часам. Пища становилась все хуже, а работать приходилось все тяжелее и дольше. После работы, когда надо было возвращаться в лагерь, многие еле волочили ноги.

Один из нашей группы пытался бежать. Он добрался только до Даугавы. Там свалился от бессилия. Его схватили и убили.

За людей нас не считали. Никто не спрашивал, как нас зовут. Даже номеров не пришили к одежде. На работу и с работы гнали, как стадо скота. Фашисты знали, что мы обречены на смерть, и, стало быть, незачем зря тратить время и нитки.

Охранники лагеря были настоящими зверьми. Казалось, они постоянно жаждут человеческой крови. Утром, когда мы шли строить бараки в Саласпилский лагерь, и вечером, когда возвращались назад, каждого, кто отставал или падал, настигала пуля в спину или в голову. Я тоже однажды чуть не свалился эсэсовцу под ноги. Одно счастье, что товарищ вовремя подхватил и подержал меня за плечи.

Мы помогали друг другу, как только могли и умели. Но не всегда удавалось спасти друзей. Ещё сегодня у меня болит сердце, когда вспоминаю случай с одним советским моряком. Я вместе с ним сражался в окопах на острове Сааремаа, вместе на рыбацкой лодке переправился на латвийский берег. Вместе нас арестовали шуцманы, вместе мы попали в Саласпилский лагерь. Рыжих — так звали моего товарища — был евреем. Его отец до войны работал в Ленинграде часовым мастером. Рыжих был приятный парень, интеллигентный, умный. В тот день, когда среди заключённых искали евреев, ему посчастливилось. Шуцман, которому был поручен отбор, его не заметил. Но это не означало, что опасность миновала. Как спасти товарища? Вечером в бараке все вместе посоветовались.

— Послушай, Рыжих! Твои документы у немцев? — спросил кто-то.

— Нет. Уничтожил, — звучал ответ.

— Великолепно! В таком случае ты Бадридзе.

— Правильно! — поддержали другие. — Он и похож на кавказца.

Лицо Рыжих озарилось улыбкой. Он понял наш замысел.

— Значит, договорились? — заключил кто-то из моряков. — Впредь мы будем звать тебя Бадридзе. И почаще, чтобы все слышали.

Однажды, недели через две, когда начали возводить первые бараки для Саласпилского лагеря смерти, шуцман крикнул Рыжих:

— Эй, черный, принеси головешку с костра. Рыжих направился за головешкой.

— Бегом! Что ползёшь, как вошь!

Взяв головешку и прикурив, шуцман внимательно посмотрел на парня.

— Как тебя, дружок мой, звать? — спросил он, лукаво прищуря глаз.

— Бадридзе.

— Ба-адридзе? — шуцман пригладил усы. — Значит, еврей.

— Грузин.

— А не врешь?

За Рыжих ответили товарищи. Все как один заверяли, что Бадридзе говорит правду.

— Так, так... — Шуцман о чем-то размышлял. — Тогда ты можешь спеть мне ту грузинскую песенку... Ту, ту...

— «Сулико»! — подсказал другой шуцман.

— Правильно! Давай. Только по-грузински.

На стройплощадке воцарилась тишина. Все смотрели на бедного Рыжих. Он глубоко вздохнул и, путая русские, еврейские и грузинские слова, начал петь.

В лагере для военнопленных. К. Буш.

Рыжих увели. На другое утро мы увидели его в лагере привязанным к дереву. После обеда его расстреляли.

Наступила зимняя стужа. У военнопленных не было теплой одежды. Холод стал тем бичом, который в первую очередь сеял смерть среди тех, кто жил в ямах в старом парке. За нашей оградой тоже поднимался штабель трупов. Когда штабель стал достаточно большим, за лагерем вырыли яму. В неё ряд за рядом сваливали трупы и засыпали их землей.

Однажды утром в лагерь заехал грузовик. Группе военнопленных, в том числе и мне, не выдали завтрака. Поедем на работу в Ригу, там нас накормят.

В городе мы пилили и кололи дрова до вечера, но никому и в голову не приходило кормить нас.

В лагерь вернулись совершенно без сил. В тот момент, когда мы плелись мимо кухни комендатуры, какой-то эсэсовец вылил ведро с помоями — костями, картофельными очистками, корками хлеба. Изголодавшиеся пленные вмиг набросились на остатки пищи. Эсэсовец что-то крикнул, и сбежались охранники с дубинками. Пленных избили так сильно, что многие остались лежать на земле.

Через несколько дней, наблюдая за подобными сценами, я понял: эсэсовцы умышленно устраивают такие потехи. Остатки пищи они старались выбрасывать в тот момент, когда мимо проходили измученные голодом пленные. Пока один гитлеровец высыпал содержимое из ведра, другие уже поджидали за дверью с дубинками.

К весне не менее восьмидесяти процентов заключённых заболели сыпным тифом. Болезни способствовали грязь и вши, которые расплодились в огромном количестве. Больных поместили в специальные бараки, которые находились в так называемой «запретной зоне».

Я тоже пролежал там без сознания четырнадцать дней. Вначале даже врача не присылали к нам. Но когда болезнь стала грозить уничтожением всей рабочей силы, немцы начали думать как ограничить распространение тифа.

Казалось, всё кончится благополучно. Но подошёл начальник строительства Саласпилсского лагеря смерти Качеровский, который наблюдал за этой трагикомедией.

— Кончайте фокусы! — прервал он песню и, повернувшись к шуцману, добавил: — Даже здесь они не могут обойтись без обмана. Чуть не надул вас, не так ли?

Потом он кивнул Рыжих: — Ты пойдешь со мной.

В первую очередь оборудовали баню. В ней выложили из кирпичей некое подобие ванны. «Ванну» эту заполняли водой, и в нее одновременно залезало мыться по десять человек. Когда вода становилась коричневой, как в болоте, её меняли.

Барак тифозных больных стал посещать врач. Это был старый седой немец в очках. Глядя на него, я начинал верить, что на свете есть и хорошие люди. Он никогда не ругал нас, никого не бил тростью, на которую опирался при ходьбе. Он даже приветливо улыбался, когда его приветствовали. Лагерное начальство и охранники никогда не отвечали на наши приветствия, хотя мы всегда должны были с ними здороваться. Вежливый доктор однажды даже ломоть хлеба сунул мне в руку.

После выздоровления я встретил этого добродушного немца на территории лагеря. Он спросил:

- Хочешь работать на кухне водоносом?
- С удовольствием, — ответил я.
- Хорошо. Договорюсь.

Я стал работать водоносом на кухне охранников. Это означало, что я вытнул в жизненной лотерее счастливейший билет — жизнь.

Весной в лагере искали трудоспособных военнопленных для полевых работ. Так я стал батраком в хозяйстве балтийского немца лесничего Пауля Фриденберга, недалеко от Балдоне.

Отправляясь в деревню, я лелеял двоякую надежду: отъестся на деревенских харчах и податься к партизанам. Однако это, казалось, никогда не осуществится, ибо Пауль Фриденберг был невообразимо скуп. С жадностью скареда он считал каждый кусок в полном смысле этого слова. Вечером я неизменно получал тоненький ломтик черного хлеба и поллитра обрат.

Как светлое и теплое солнышко, вспоминаю работницу лесничества Анну Рункулис, у которой было своё небольшое хозяйство. Она часто приглашала меня к столу и кормила досыта.

И я набрался сил.

По соседству работали и другие военнопленные Саласпилсского лагеря. Осенью, когда началась молотья, мы собирались и стали думать о побеге в Латгалию к партизанам. Был уже выработан конкретный план действий, который

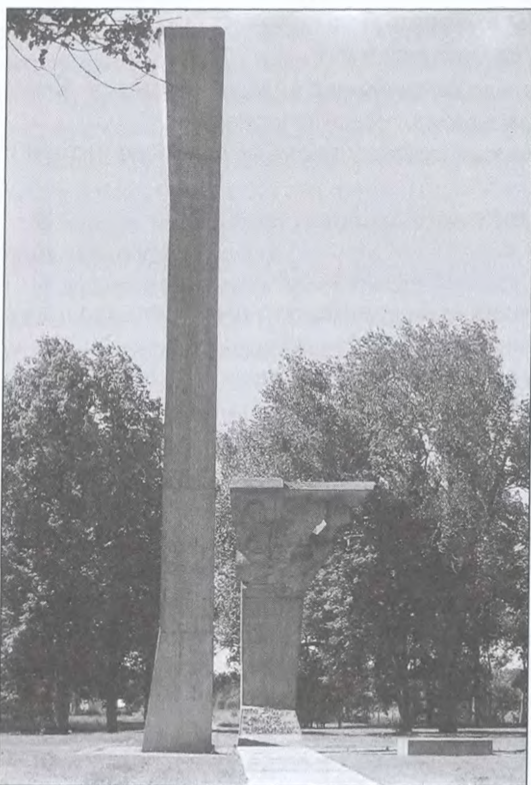
Вчера они отдали последние силы, чтобы выкопать большую яму, сегодня их самих бросают в неё.

мы хотели осуществить в ближайшие дни. Но, к сожалению, он расстроился, потому что один из наших всё выболтал своей подружке, а та, не желая терять дружка, раскрыла наш замысел хозяину. В конце концов всё дошло и до Фриденберга. Молотить меня больше не пускали, а на ночь запирали в комнату.

Однако Фриденберг недолго возился со мной. Он боялся, что я убегу. Итак, в один прекрасный день Фриденберг уступил меня хозяйке хутора «Оши» Отилии Клявиниеце. Она оказалась порядочным человеком, хорошо кормила, разрешала встречаться с товарищами. И снова разрабатывался план побега к партизанам. Но и он расстроился. Неожиданно меня и других военнопленных, работавших в окрестностях Балдоне, отправили обратно в Саласпилс. Так свобода осталась за проволочной оградой.

РЕШАЮЩИЙ ЧАС НАСТУПАЕТ

Летом 1944 года исход второй мировой войны был ясен и самим гитлеровцам. Фронт стремительно продвигался на запад, всё ближе и ближе к фашистскому логову — Берлину. Мы, пленные, с каждым днем становились

Памятник погибшим военнопленным.

бодрее, а наши мучители — мрачнее. По-видимому, они боялись, что придется ответить за все зверства.

В середине лета меня вместе с другими увезли из Саласпилса на работу в Рижский порт. Его гитлеровцы содержали в образцовом порядке, чтобы в случае необходимости можно было беспрепятственно бежать в «фатерланд».

Работать здесь приходилось больше, чем в Саласпилсе, зато нас одели в какие-то старые лохмотья и выдали обувь — деревянные туфли. Нас всех тщательно сосчитали и каждому нашили на одежду номер.

Ночью мы спали в бараках, построенных в районе порта. Кроме нас здесь ютились ещё небольшие группы заключённых, они были тоже из Саласпилского концентрационного лагеря и работали на городской скотобойне. Иногда они тайком приносили в

Сегодня на земле, пропитанной кровью тысяч замученных людей идёт строительство элитных домов. Будут ли терзать их обитателей ночные кошмары?

ся по улице Дунтес. Там уже работал военнопленный Адам Сухарко. Мы быстро подружились.

Как-то вечером, во время уборки стойла, Адам нагнулся к моему уху:

— Москву послушать хочешь?

От неожиданности я вытаращил глаза.

— Умеешь держать язык за зубами? — задал Адам другой вопрос и, не дождавшись ответа, сказал:

— Ладно, жди вечера.

Вечером, когда лошади были накормлены, Адам повел меня за конюшню. Он раздвинул две доски в высоком деревянном заборе, и мы пролезли в соседний двор.

— Там живет знакомая женщина. — Адам указал на трехэтажный деревянный дом. — Пойдем.

— Она не выдаст нас?

— Что ты! — отмахнулся Адам. — Она ненавидит немцев.

Мы поднялись на второй этаж. Адам три раза постучал и дважды нажал кнопку звонка. Дверь открыла молодая темноволосая женщина. Увидев меня в оборванной одежде, она вздрогнула.

— Не бойся, Вилма, Это мой друг Миша, — познакомил нас Адам.

Вилма Мачевская ввела нас в свою квартиру. Проверив, плотно ли закрыты окна, она зажгла свет. Сели. Вилма поставила на стол чайник и хлеб с маслом.

Когда мы перекусили, хозяйка включила радио. Говорила Москва! С невыразимой радостью и волнением слушал я голос Родины. Советское Информационное бюро сообщало, что продолжается освобождение нашей страны, что советские войска уже вошли в Латвию.

Трудно выразить словами то чувство, с каким я вернулся в тот вечер в конюшню. Радовался победам Советской Армии, радовался, что на свете есть хорошие и честные люди — такие, как Вилма Мачевская.

бараки коровьи ноги. Это было рискованно, ибо при входе в порт каждого тщательно обыскивали. Если что находили, виновного избивали.

Но люди рисковали. Мясо они обычно резали на мелкие кусочки и прятали на груди. Добытое таким путем дополнительное питание заметно улучшило наш вид и здоровье.

В конце июля меня перевели на работу в конюшни транспортной части вермахта, находившиеся

Советские военнопленные на рижской улице.

леко от Риги.

С опаской оглянувшись вокруг, не подслушивает ли кто-нибудь, Фриц проговорился, что скоро начнется эвакуация и всех военнопленных сгонят на суда и увезут. Мы серьезно обдумали его слова и решили: надо бежать. Вечером открыли свои замыслы Вилме.

— Сколько вас? — спросила она.

— Четверо.

— Я знаю небольшой погребок на улице Казармас. Его хозяйка уехала в деревню, а ключи оставила мне, — сказала она. — Двое там могли бы спрятаться. Остальных отведу в другое место. Там есть надежные люди.

Около полуночи к Вилме явились четверо военнопленных — Иван Коломеец, Николай Руденко, Ефим Зенцов и я. Через час, когда все были укрыты в надежном месте, мы больше не считали себя военнопленными.

Фриц не врал. Скоро в Риге началась эвакуация. Гитлеровцы хватали людей на улицах, сгоняли на пароходы и увозили в Германию. Участились налеты советской авиации на Ригу. От артиллерийской канонады уже содрогался пригород.

В погребок мы просидели несколько недель. Всё это время Вилма регулярно приносила нам еду.

Пришло утро 13 октября 1944 года. Через небольшое оконце к нам проса-

Мы нарочно остались в конюшне, чтобы охранники стали нас искать. Так и произошло. Чтобы проверить, что мы так долго делаем, дежурный открыл дверь конюшни, но увидев нас с вилами в руках, ушел, насвистывая. По-видимому, он был доволен, что мы так старательно работаем.

Однажды сентябрьским утром гитлеровцы отвели нас на картофельное поле недалеко от конюшни. Надо было срочно убрать урожай и доставить в порт. Когда картофель был ссыпан в мешки и его увезли, немцы начали пьянствовать. Один пожилой немец по имени Фриц, заметно захмелев, расхаживал с бутылкой красного вина в руках. Он стал болтать и, разоткровенничавшись, рассказал, что русские уже неда-

чивались бледные лучи света. На улице стояла мертвая тишина. Внимательно осматриваясь вокруг, мы вышли на улицу. Полной грудью вдохнули осенний воздух. Кто-то шел... Женщина.

— Эй, милые! — увидев нас, крикнула она. — Встречайте своих. Наши танки уже по эту сторону моста.

Мы обимались и утирали слезы радости.

Вскоре я явился в военкомат, надел военную форму и отправился на Курземский фронт.

День Победы — 9 мая 1945 года — встречал в Дундаге. Около той самой церкви, в которую в 1941 году меня заключили гитлеровцы. Только на этот раз мы поменялись ролями.

Поникшие «завоеватели» сидели на весеннем солнышке, а я их охранял. Мы строго соблюдали международные законы о военнопленных и обходились с ними по-человечески.

В начале августа воинская часть, в которой я служил, должна была покинуть Советскую Латвию. Эта весть заставила меня на кое-что решиться. Я пришёл к командиру полка и попросил предоставить мне два дня отпуска по важным, неотложным семейным делам.

Когда после отпуска я вернулся в свою часть, в кармане у меня был документ, гласивший, что «Вилма Мачевская и Михаил Зеленский 13 августа 1945 года зарегистрированы в рижском городском ЗАГСе».

После демобилизации я вернулся в Ригу. Живём мы на улице Дунтес, в том самом доме и в той же квартире, где летом 1944 года я слушал голос свободной Москвы.

У нас растёт дочурка Инара. От всего сердца желаю, чтобы ей никогда не пришлось пережить те ужасы, которые выпали на нашу долю.

Дорога смерти. По ней гнали людей на встречу мукам и гибели...

КРОВАВЫЙ ПИР НА БЕРЕГУ ДАУГАВЫ

СТАНИСЛАВ РОЗАНОВ

Вначале пастух, потом — батрак. Таков путь этого сына малоземельного крестьянина Мердзенской волости до 1936 года. Затем он переезжает в Ригу. В 1940 г. С. Розанов вступает в рабочую гвардию. В августе 1941 года гитлеровцы арестовывают его и помещают в Рижскую Центральную тюрьму, а в октябре вместе с 24 другими заключёнными отправляют на каторгу. Он работает у пилорамы, установленной на берегу Даугавы рядом с лагерем военнопленных. Здесь пилят лес для будущего Саласпилского концентрационного лагеря, куда вскоре заключают и самого С. Розанова.

В Саласпилсе С. Розанов находится до июля 1944 года. Затем его вывозят в Германию — в Нейенгамский лагерь, откуда в 1945 году он совершает побег и становится солдатом Советской Армии. В 1946 году демобилизовался и вернулся в Ригу. В дальнейшем работал оператором на Рижском приборостроительном заводе.

Прошли последние дни июня 1941 года. Продолжалась эвакуация государственных учреждений и предприятий. Нацистская «пятая колонна» всё чаще совершала диверсионные нападения. Не имея возможности выступать открыто, она старалась сеять панику среди гражданского населения и отступающих войск Красной Армии.

Со дня организации рабочей гвардии я был начальником отделения охраны 10-го батальона. В нашу задачу входила охрана заводов «Сарканайс квадратс», «Везувс», верёвочной фабрики и других предприятий Московского района.

Вскоре пришла весть, что немцы находятся уже у городских границ и концентрируют большие силы для форсирования Даугавы напротив острова Долес. Получили последнее распоряжение — в критический момент отойти к Валке. Однако сделать это мы не успели, путь к отступлению был отрезан.

Четыре дня спустя я снова появился в Риге. Оказалось, что меня уже искали, поэтому я не остался в своей квартире, а поселился у знакомого. Мы понимали, что надо выбираться из Риги, ибо для проверки всё чаще оцеплялись целые кварталы города.

В Московском районе, между железнодорожным полотном и улицей Латгалес, было создано еврейское гетто. Утром и вечером евреев гнали на работу. На груди и на спине у них были нашиты жёлтые звезды. На аэродроме Спилве работали военнопленные. Немецкая охрана безжалостно расправлялась с каждым, кто из-за слабости не мог выполнить задание. Тех, кто пытался передать военнопленным кусок хлеба, арестовывали и бросали в тюрьму.

Однажды я встретил на улице своего сослуживца. Он рассказал о положении на заводе «Саркапайс квадратс». Там у меня было несколько хороших знакомых, поэтому я набрался смелости и отправился на завод. Встретил всех, кого хотел.

Вкратце переговорили о самом важном и решили в дальнейшем поддерживать более тесные связи. Но меня заметил бывший айзсарг Линкевич. Он поднял тревогу.

Поблизости оказалось ещё несколько шуцманов. Меня задержали и под конвоем отправили в 9-й полицейский участок, который находился на улице Даугавпилс.

В участке сидели и пьянствовали четверо мужчин, одетых в форму старой латвийской армии, только без знаков различия. Лицом к стене в комнате стояли около двадцати арестованных.

Толкнув меня к пьяным, старший конвоя неестественно громким голосом доложил:

— Привел одного красного комиссара на исповедь, господин капитан.

Последний окинул меня осоловелым взглядом и крикнул:

— К стенке! Потом проворчал:

— Этого мы сегодня же вечером отправим в сосны, — и протянул конвою стакан водки.

Опрокинув чарку, полицейский-доброволец крикнул, приложил руку к головному убору, чётко повернулся и вышел.

Пьянка продолжалась. Все четверо хвастались своими кровавыми делами.

Прошло часа два. Двое пьяниц уже стали клевать носом. Остальные так заболтались, что даже забыли о нас. Я заметил, что время от времени кое-кто из арестованных исчезает в коридоре. Подвинулся ближе к выходу и в следующий миг с кажущимся спокойствием уже шагал по коридору.

У выходной двери стоял на посту безобидный на вид человек в форме айзсарга. Он посмотрел на меня и сказал:

— Вот видишь, не всех ведут в сосны. Проверяют, не сделал ли чего плохого, и отпускают.

Я кивнул головой и вышел.

В последующие дни думал, что делать дальше. Решил пробираться в родные края — Латгалию. Я был уверен, что оттуда смогу попасть к партизанам.

По счастливой случайности я встретил знакомого Миронова,

В Саласпилсе ежедневно расстреливали и морили голодом сотни военнопленных. Их трупы оставались лежать неделями, месяцами.

который работал на станции Шкиротава. Он обещал посадить меня в поезд вместе с рабочими дорожно-ремонтной колонны. Этот план вселял новые надежды.

В указанный день я долго бродил по кривым улочкам Шкиротава, пока наконец не вышел на дорогу напротив станции, которая вела в вагонный парк. Взглянув на сторожевую будку у переезда, неожиданно заметил на ограде кусок белой материи. Я застыл на месте — это был условный сигнал опасности. Что случилось? Куда теперь мне податься?

Решил идти нижней дорогой. Перескакивал с одной стороны размокшей от дождя дороги на другую. Вскоре из вечерних сумерек вынырнула велосипедистка. Это была девочка. Она внимательно посмотрела на меня и произнесла:

— Остерегайтесь патрулей!

Это предостережение встревожило меня ещё больше. Спрятаться здесь было нигде. Поблизости не было даже порядочного куста. Впереди показался небольшой сарайчик, за ним сад. Я, было, приготовился перепрыгнуть через канаву, как глаза вдруг ослепил свет карманного фонарика. Раздался суровый окрик:

— Руки вверх!

Подошли двое вооруженных мужчин, обыскали. Нашли только паспорт.

— Пошли.

Меня толкнули вперед. За мной следовали конвоиры. Через некоторое время мы пришли в тот же самый 9-й полицейский участок.

На сей раз порядок был другой. Мне велели сесть. В соседней комнате слышался разговор, из которого я понял, что днем раньше на станции Шкиротава был взорван эшелон.

Меня допрашивали недолго. По телефону связались с полицейским участком, по месту моей прописки, после чего отвели в префектуру. Там я увидел такую же, как и ранее картину. Лицом к стене стояло несколько десятков арестованных, других допрашивали следователи.

Меня подвели к столу, за которым сидел рыжеволосый здоровяк. Он засыпал меня вопросами: что я искал в Шкиротава? Где скрывался два месяца?

— Ну, быстрее говори, быстрее! Или сначала с тебя надо шкуру спустить?

Он ударил меня ногой и вытолкнул в коридор. Там меня схватили двое и волоком потащили в погреб.

Звякнул замок. В помещении темно. Вскоре я услышал голоса. Говорили по-русски. Моими товарищами по несчастью оказались советские летчики, сбитые где-то в окрестностях Риги. После неоднократных зверских пыток их приговорили к смертной казни, которой они и ожидали.

Значит, это камера смертников? Неужели и меня ждёт то же самое? Возможно, уже этой ночью?

За две недели летчики многого натерпелись, но духовно не были сломлены. Об этом свидетельствовало их поведение. Вопреки многократным предупреждениям надзирателей они пели песни, с гордостью рассказывали о

героизме наших бойцов на фронте. Казалось, они делали это ради меня, старались подбодрить.

— Русский человек всегда должен быть сильным! — говорил один из них.

— Мы люди особого закала.

Эти слова глубоко запали мне в память. К утру летчикам надели наручники и увели.

На четвёртый день меня отвели в Центральную тюрьму... Водили от одного корпуса к другому, пока наконец я не оказался в 21-й камере 3-го корпуса.

Был ясный сентябрьский день, а в камере стоял полумрак. Когда надзиратель запер за мною дверь, я ступил несколько шагов вперёд и остановился в недоумении. Помещение было переполнено. Моя растерянность заметно развеселила заключённых.

— Не грусти, друг. Трудно первые десять лет. Мне указали свободное место на нарах.

— Несмотря на большой конкурс, попадают и здесь свободные места, — пошутил кто-то.

Но вскоре разговор стал серьёзным. Все живо интересовались событиями на воле. И это понятно, ибо в тюрьме не было ни газет, ни писем.

Наступил обед. В камеру принесли суп. На каждую пару заключённых — литровая миска похлебки. Казалось, что суп приготовлен из силоса, который скармливается скоту. На дне каждой миски оставался песок.

Вечером состоялась поверка. В сопровождении надзирателя вошел старший по корпусу Озол.

— Новенький пусть выйдет шаг вперед!

— Так. — Озол осмотрел меня с головы до ног. — Даже галстук повязал. И схватив меня за него, стал трясти.

— Ну погоди, скоро повяжем тебе конопляный. Он тебе лучше подойдет.

Таково было мое первое знакомство с убийцей Озолсом, который во дворе тюрьмы вешал и расстреливал заключённых.

Камера была рассчитана на 40 человек, а нас было вдвое больше, поэтому спали по два. Вдвоем спать теплее. Зато перевернуться с боку на бок было трудно. В тонких матрацах — почти в порошок стертая солома. В щелях гнездились клопы, блохи, вши, которые всю ночь не давали покоя.

Утром мы с нетерпением ожидали свою порцию хлеба. Голод с каждым днём давал себя знать всё больше. Я гнал мысли о еде, но они упорно возвращались, как ночью насекомые.

Тревожные минуты мы переживали, когда после вечерней поверки в камере появлялся помощник начальника тюрьмы, называл несколько фамилий и приказывал собираться «со всеми вещами». Мы знали, что люди эти приговорены к смерти и переводятся в четвертый корпус.

Заключённому Лакше было около 60 лет. О судьбе своей семьи он ничего не знал. После допроса его принесли в камеру изуродованным до неузнаваемости: с выбитыми зубами, вырванными волосами. Два дня Лакш лежал без

Рига, ул.Заяля. Этот дом был построен сапёрами вермахта осенью 1941 года. По некоторым данным здесь размещался особый военно-санитарный отряд, где проводились медицинские эксперименты над советскими военнопленными.

совершенных мною «против человечества». одновременно составляя протокол допроса.

Закончив, велел мне расписаться. Я отказался. Гитлеровца это очень удивило. Но когда я снова отказался, его лицо, как будто покрытое пергаментом, стало розовато-коричневым, зрачки глаз расширились. Он вскрикнул и ударил рукояткой пистолета по столу.

За спиной у меня вмиг встали два атлетически сложенных молодчика. Один из них толкнул меня на второго, тот опять назад. Они били и толкали меня до тех пор, пока я без сознания не упал на пол. Когда очнулся, следователь ещё раз предложил мне расписаться. Говорить я уже не мог, поэтому только покачал головой. Тогда мучители начали обрабатывать меня кулаками. Вторично я очнулся уже в камере.

Наступила ранняя зима 1941 года. Утром, как всегда, камеру проветривали, но отапливать и не думали. К голоду прибавился холод. Чтобы хоть немного согреться, приходилось постоянно двигаться по камере, но на это тратились и без того слабые силы. В начале ноября в камеру вошел старший по корпусу Озол и приказал всем построиться. Проходя вдоль строя, он каждого долго и внимательно рассматривал.

Через несколько часов меня вызвали и отвели в 12-ю камеру. Там находилось 25 человек. Что с нами будет дальше? Мы терзались самыми различными догадками.

На следующий день нас повели в раздевалку, отняли гражданское платье и выдали полосатую арестантскую одежду.

Первой мыслью было: мы приговорены к каторжным работам.

сознания, потом его унесли из камеры. Больше мы его не видели.

В камере становилось всё больше людей, истощенных голодом и изуродованных во время допросов; они не могли подняться со своих нар, не могли отогнать вшей, которые ползали по лицу, не могли даже съесть наш ничтожный голодный паек — 200 граммов хлеба. Наконец и меня вызвали на допрос. За столом сидел угрюмый немецкий офицер. Он говорил на ломаном латышском языке. Стало быть, прибалтийский немец.

Следователь перечислил целый ряд всевозможных преступлений, говорил он медленно, спокойно,

В неизвестности прожили почти неделю. И вот однажды утром всех вызвали в коридор, проверили по списку и вывели во двор. Там была грузовая машина и около десяти шуцманов. Старший охранник приказал сесть в машину и в дороге не смотреть по сторонам, не разговаривать между собой, не меняться местами.

— Поняли, что сказал? — строго предупредил он. — За малейшее нарушение виновный будет расстрелян без предупреждения.

За воротами тюрьмы нас ожидали ещё два грузовика с гестаповцами. На одном был установлен пулемёт.

Вскоре подъехала легковая автомашина, которая возглавила колонну. За ней следовал грузовик с пулемётом, потом наш. За нами шла машина с вооружённой охраной.

Свернув на Московскую улицу, мы вскоре увидели необычную картину. Улица была полна народом, который двигался в сторону завода «Сарканайс квадратс». Мужчины, женщины, дети. Это были евреи из гетто. На тротуарах по обеим сторонам стояла цепь немцев и шуцманов.

Людей было так много, что машины не могли проехать. Поэтому мы продвигались вперед вместе с людским потоком.

За заводом «Сарканайс квадратс» ещё одна колонна двигалась в сторону Саласпилса. Дорога для гражданских лиц была закрыта. По обочинам стояла стража. Колонны сопровождали гестаповцы на лошадях и овчарки. Куда гнали этих узников гетто? Среди них было много пожилых и больных людей, которые не могли передвигаться без помощи других. Здоровые вели их под руки. Того, кто падал, гестаповцы оттащивали в сторону и расстреливали.

Одна молодая женщина вышла из строя, чтобы поправить младенцу пеленки. Шуцман вонзил ей в спину штык. Женщина упала, крепко прижав к груди ребенка.

Шуцман вырвал его из рук умирающей матери, отбросил в сторону. Гестаповец стал натравливать на малыша собаку. Та подбежала, понюхала, но не стала его трогать. Взбешённый немец хлестнул собаку плетью, затем вынул пистолет, прицелился и выстрелил в ребенка.

Мы приближались к Румбуле. Услышав пулемётные очереди, стали понимать, что здесь происходит, ощутили всю трагедию этих медленно движущихся людей.

Около Румбулы колонну направили в сторону леса, откуда раздавались выстрелы. Сквозь дробь пулемётов доносились крики отчаяния, вопли женщин, плач детей.

В метрах 20-30 от дороги с поднятыми руками стояли совершенно голые люди — мужчины и женщины. К ним прижимались дети, тоже раздетые. Был сильный мороз. Люди дрожали от страха и холода. Неподалёку возвышалась огромная куча одежды. Обречённые на смерть должны были там раздеваться. Некоторые бросали свою одежду убийцам в лицо. Другие отказывались

добровольно раздеваться. Их фашисты раздевали силой. Как только подошло определённое количество несчастных, убийцы окружали их и гнали дальше, к месту расстрела.

Дорога впереди была свободна. Скоро мы очутились на берегу Даугавы. Там нас построили.

Из легковой машины вылезли два гестаповских офицера и высокого роста мужчина в гражданской одежде. Эти трое подошли к нам и внимательно осмотрели каждого. После короткого молчания первый офицер заговорил. Гражданский переводил. Офицер сказал:

— Вы видели, какая судьба ждёт противников нашей власти. Мы их уничтожаем, как вредные сорняки. Вам дана возможность искупить своё преступление честным трудом. За это вы должны благодарить нашего фюрера и правительство Германии. Тот, кто вздумает работать спустя рукава или не выполнять приказы начальства, будет расстрелян. А если кто-нибудь попытается бежать, будут расстреляны все остальные. Понятно?

Мы молчали.

Один из наших товарищей, по фамилии Хинер, попросил слова. Он сказал, что все мы хотим работать и будем работать так, как потребует начальство, пусть только нам создадут хоть сколько-нибудь нормальные условия жизни.

Гестаповец усмехнулся.

— Так, так.

Спросил, как зовут говорившего, и заметил:

— Каждому будут созданы соответствующие условия. Гражданский засмеялся.

— Какие условия! Удобные жилища, приличную одежду, вкусную пищу. Ну что ж, создадим...

Позднее мы узнали, что один из офицеров был начальник гестапо и СД в Латвии Ланге, другой — комендант будущего концентрационного лагеря Никель, а гражданский — начальник строительства лагеря Качеровский.

Несколько дней спустя Ланге вызвал Хинера, отвел в сторону и расстрелял (*О трагической судьбе Волдемара Хинера его родственники узнали лишь после опубликования воспоминаний С. Розанова. За несколько дней до расстрела В. Хинер сумел отправить жене письмо, в котором между прочим писал: «Можешь себе представить, как я чувствую себя, если за день съедаю кусочек хлеба и мисочку баланды... Ах, как бы я сейчас съел всё то, что бабушка даёт своей свинье...» В. Хинера фашисты арестовали за то, что при Советской власти он — до того простой рабочий — был назначен заведующим мельницей [Прим. ред.]*).

Первой нашей задачей было подготовить место для пилорамы. Уже на следующий день под усиленной охраной несколько человек послали в Рембатскую волость за пилорамой. Скоро привезли ещё два агрегата.

Начальник строительства бегал как угорелый, обзывал нас вредителями, грозил сообщить Ланге, что мы работаем спустя рукава, даже на хлеб себе не зара-

батываем. Свирепо ругался. Мы якобы растеряли по дороге какие-то части от пилорамы.

Работа действительно подвигалась медленно. Не помогали ни ругань, ни побои. Прошло почти три недели, прежде чем пилорамы начали работать. Нас заставили их обслуживать.

Нужны были люди, чтобы вытаскивать бревна из Даугавы. На этих работах использовали военнопленных, которых в Саласпилс прибыло уже несколько эшелонов. Их здесь насчитывалось несколько тысяч человек. Вначале пленных разместили в бывших казармах, а позднее выгнали в чистое поле.

Эти несчастные были полностью отданы на милость природы. Им негде было укрыться ни от холодного осеннего ветра, ни от дождя и снега. С помощью котелков, мисок пленные зарывались в землю, как звери, чтобы хоть как-нибудь спастись от холода. Над каждой норой оставлялось отверстие. На ночь его закрывали ветками или куском одежды, чтобы хоть немного сохранить тепло.

И так жили люди, которым приходилось вытаскивать брёвна из ледяной воды! Они скорее походили на тени — грязные, неделями не мытые, усыпанные вшами, обросшие волосами и бородой, без обуви, с обмотанными тряпьем ногами, в легкой летней одежде, большинство из них не имело шинелей и даже головных уборов.

Гонимые голодом, на высоте человеческого роста они обгрызли кору у всех деревьев в лагере. Вокруг не было ни одного уцелевшего куста, ни одного стебелька. Каждый день умирали сотнями. За несколько месяцев в лагере погибли десятки тысяч военнопленных.

После первого же сильного мороза истощённые люди были не в силах зарывать трупы. Их выносили за ограду и складывали в штабеля. Каждое утро на берег Даугавы выгонялось 600-700 военнопленных. Распорядился этими людьми руководитель работ. Охрана загоняла пленных в ледяную воду за бревнами.

Того, кто не мог достаточно ловко работать, хлестали обрезками кабеля. За бревно хваталось сразу 15 и более человек, но оно не двигалось с места. По колено в холодной воде, без рукавиц, голодные, заочевевшие, они с нечеловеческими усилиями вытаскивали бревна на берег. Другие катили их к пилораме. Если кто-нибудь падал без сил, его расстреливали на месте. Каждое бревно стоило нескольких человеческих жизней.

Бревна распиливались на планки и доски. Из них в первую очередь построили сарай для пилорамы, ремонтную мастерскую и склад инвентаря. Затем доски надо было нести за два километра к болоту, где военнопленные уже очистили от кустарника большую площадь.

Что там будут строить?

Ходили разные слухи. Говорили, что на новом месте будут воздвигнуты бараки для военнопленных, а пока что бесконечным потоком туда двигались группы пленных. Вчетвером, впятером несли одну доску.

По обеим сторонам дороги стояли охранники и подгоняли носильщиков. Если кто хоть на миг останавливался, чтобы перевести дух, на того натравливали собак. Того, кто падал без сил, пристреливали. Каждая пядь земли здесь была пропитана кровью.

Обед пленным привозили из лагеря. Посуды у них не было. Отвратительно пахнущую жидкость повар наливал во что попало — одному в армейский котелок, другому — в жестяную банку, брезентовый мешочек, даже шапку или в подол гимнастерки. Полученную порцию надо было съесть за две минуты. Кто не успевал, у того «посуду» выбивали из рук. В начале декабря мороз усилился. Многие военнопленные были так истощены, что больше не могли работать. Их раздели догола и велели встать на лед. Там они стояли до тех пор, пока не падали и замерзали.

Около каждой пилорамы горел костер, на котором разогревали машинное масло для смазки механизмов. Пленным строго запрещалось приближаться к огню. Непослушных безжалостно избивали, а то и пристреливали. Пользуясь случаем, когда эсэсовцев и руководителя работ не было поблизости, несколько военнопленных, гонимых холодом, подошли погреть оковевшие руки. Тут охранники и решили сыграть «шутку». Они подкрались сзади и пинками ног втолкнули несчастных в костер.

— Теперь грейтесь!

Однажды шуцман заметил, что пленный грызет мерзлую свеклу. За это его раздели, поставили на пригорок и застрелили. Издеваться над людьми нравилось и начальнику строительства Качеровскому. Увидев как-то, что двое пленных жуют кусочек хлеба, полученный от гражданских рабочих, он строго спросил, где они взяли хлеб. Когда те не ответили, Качеровский передал их эсэсовцам «за нарушение трудовой дисциплины». Пленных расстреляли на месте.

В середине декабря пилорамы больше простаивали, чем работали. Не помогали ни побои, ни расстрелы. Пленные больше не могли работать, они еле-еле шевелились. Расстрелянных раздевали и там же, на берегу, сваливали в кучу. После работы появлялась «скорая помощь» — сколоченные из досок огромные сани, в которые впрягались 40-50 наиболее крепких военнопленных. Начальник охраны считал тела, потом разрешал везти их на «кладбище». Так назывался большой штабель трупов там же за оградой лагеря.

Часто заявлялся к нам и Ланге. Каждый раз его с большим почтением встречал начальник строительства. Чтобы показать своё усердие, Качеровский в таких случаях особенно лютовал. Заметив, что кто-то из военнопленных старается вытащить близлежащие бревна, не залезая в реку, он подбежал к нему и стал бить концом кабеля по голове, лицу — куда попало. Не было случая, чтобы Ланге перед отъездом не застрелил пять-шесть военнопленных. Он всё время не выпускал пистолета из рук.

Но скоро эсэсовцам было не в кого стрелять — пленные умирали в своих норах. Лагерь превращался в кладбище.

Чтобы работы не остановились совсем, мобилизовали окрестных жителей. Они работали вместе с нами, политзаключенными. Это немного облегчило наш режим. Гражданские были очень отзывчивыми, и они нам немного помогали съестным. Мы узнали также, что планы фашистских захватчиков взять Москву и до холодов дойти до Урала рухнули.

Приближался Новый год. После двух месяцев непрерывной работы «высокое начальство» разрешило этот день праздновать.

В Рижскую Центральную тюрьму нас вечерами отвозили только первые две недели. Потом мы поселились в домике за колючей проволокой, на самом берегу Даугавы. Он, очевидно, был рассчитан на небольшую семью, так как состоял из двух комнаток. Теперь в нем жили и готовили себе пищу 25 человек.

Мы тоже готовились к Новому году. Гражданские принесли нам немного картофеля, несколько селедок и даже кусочек баранины. Работу окончили раньше обычного. Наш товарищ по комнате Боле таинственно заметил:

— Если всё удастся, как задумано, то и после Нового года мы несколько дней отдохнем.

Боле работал точильщиком пил. Они портились довольно часто из-за осколков, застрявших в бревнах. Что это были за осколки, разумеется, знали немногие. Качеровский лез из кожи вон, крича, что это саботаж. Доказать что-либо было трудно, ибо бревна проходили через десятки рук.

Боле был также хорошим электриком. Что он замышлял, мы тогда ещё не знали. Подробнее он рассказал нам об этом, когда в сарае, где стояла пилорама, всё уже было подготовлено к аварии.

Шуцманы и эсэсовцы в тот вечер начали пить довольно рано. Сарай особо не охранялся, он находился в зоне общей охраны. Вскоре из караульного помещения стали доноситься песни и крики. Время от времени как бы в предупреждение раздавались выстрелы.

В яму. Рисунок Александра Грибулиса. В 1941 году он работал в Сигулдской МТС. Во время фашистской оккупации его арестовали за участие в выпуске стенной газеты. Из Рижского гестапо его вместе с другими заключёнными ежедневно возили на принудительные работы в Саласпилс. Позднее мобилизованные на работу ремесленники были поселены на хуторе «Эглитес» вблизи Саласпилса, и А. Грибулис долгое время был свидетелем трагедии заключённых в лагере людей. После войны он пытался всё виденное воспроизвести в рисунках.

Приближалась полночь, когда из сарая вырвались клубы чёрного дыма. Вскоре показалось и пламя. Прошло немного времени и запылало всё сооружение. Шудманы, эсэсовцы, схватив винтовки, кричали:

— Бунт! Бунт!

Не встретив на улице ни одного бунтовщика, они ворвались к нам в домик. Приказали всем встать, пересчитали. Все были на месте.

Тогда они выгнали нас тушить пожар. Но тушить уже было нечего. Оказалось, что досчатый сарай сгорел. Пламя спало, торчала лишь обгоревшая пилорама.

Второго января прибыла комиссия гестапо и Качеровский. Как обычно, явились рабочие строительной конторы. Нас в то утро из дома не выпускали. После пожара лесопилку охранял специальный наряд. До прибытия комиссии к ней никого не подпускали. Сначала лесопилку со всех сторон сфотографировали. Потом принесли из ближайших домов багры и лопаты. Нам велели тщательно проверить обломки и кучу пепла. Возле каждого из нас стоял гестаповец. Когда всё было проверено вдоль и поперек и ничего особенного не найдено, гестаповцы уехали. Рабочих тоже отпустили домой.

Лесопилку пришлось строить заново. Пилорамы сильно обгорели. Из Риги привезли некоторые запасные части, новые инструменты. Но восстановить все три пилорамы не удалось. К 10 января работу возобновил лишь один агрегат. В первые дни бревна вытаскивали из воды, подносили и распиливали только люди из нашей группы.

Бывали дни, когда начальник строительства лагеря появлялся лишь на короткое время, как бы мимоходом, а иногда не приходил совсем. Мы уже думали, что работы до весны будут вообще прекращены. На таком морозе, какой стоял в начале 1942 года, работать было невероятно трудно. Однако дальнейшие события развивались иначе.

В середине января сюда пригнали несколько сотен евреев. Все они были хорошо одеты, выглядели здоровыми. На спине и груди у них виднелись желтые звёзды. Они были из Чехословакии.

Вновь прибывших разместили в бараке, где уже жили евреи из Германии. Так начал создаваться Саласпилский лагерь. Теперь евреи вытаскивали брёвна из воды, доставляли их на пилораму и носили готовый материал к месту будущего лагеря. Они были сильнее измученных голодом военнопленных, поэтому работа шла немного лучше.

Боясь оставить свои ценности в бараках, евреи брали их с собой. В последующие дни охранники стали приносить с собой разную поношенную одежду. Заметив еврея своего роста, они приказывали ему раздеться и одеть тряпье. Так они забирали одежду со всеми ценностями. Того, кто сопротивлялся, расстреливали. Трупы тут же на месте раздевали, обыскивали карманы, забирали часы, портсигары, изо рта выламывали золотые зубы.

Прибыл Ланге. Его, как всегда, сопровождали комендант и начальник строительства. В это время вытаскивал бревно из воды еврей невысокого роста,

у которого из верхней одежды сохранился лишь жилет — он был в одном белье. Увидев приезжего, он оставил своих товарищей по работе и подошёл к Ланге.

Высказав свои претензии о самоуправствах охраны, проситель вытащил из кармана жилета лист бумаги и хотел подать его Ланге. Раздался выстрел, и несчастный упал к ногам убийцы. В тот день Ланге застрелил шестерых евреев.

Так чехословацкие евреи познакомились с порядком «новой Европы». Кто-то из них ещё надеялся пополнить свой гардероб вещами, которые должны были прибыть с багажом. Но скоро и эти надежды рухнули.

Однажды нас, политзаключенных, отвели к железной дороге. На путях стояло несколько товарных вагонов. Там уже орудовали Ланге, комендант, Качеровский и несколько гестаповцев и эсэсовцев. Вагоны были забиты чемоданами, дорожными сумками, корзинами, пакетами. Была даже кое-какая мелкая мебель. На каждом предмете на чешском и немецком языках была написана фамилия владельца, его прежний адрес. Все прибывшие вещи нам приказали доставить на склад создаваемого лагеря. Затем под наблюдением эсэсовцев мы всё распаковали и рассортировали. Верхнюю одежду складывали в одно место, бельё — в другое, отрезки тканей — в третье. Отдельно сложили ценности: золотые и серебряные изделия, хрустальную посуду.

Потом Ланге указал, что сложить обратно в чемоданы. Это, разумеется, были самые ценные вещи. Позднее чемоданы погрузили на машины и увезли. Так же поступали с вещами, которые прибывали вслед за еврейскими эшелонами из Германии, Польши, Австрии, Франции, Бельгии, Румынии, Голландии и других стран. Разгружать и сортировать вещи заставляли и самих иностранцев.

На территории лагеря скапливались огромные горы одежды. Ни начальство, ни охранники вначале сю не интересовались, ибо в первую очередь они старались прибрать к рукам ценности. Но когда убийства в Румбуле закончились, охранники стали рыться и в этих ворохах одежды и обуви.

Вскоре на берегу Даугавы началась «лихорадка» — охота за золотыми зубами. Как только новая группа евреев прибывала на работу, начиналась «проверка». Несчастливы были те, у кого находили золотые зубы. Отдельные золотые зубы эсэсовцы выламывали просто так, а у кого их было больше, тех расстреливали и отбирали золото уже у трупов. Всё это делалось без всякого стеснения — на глазах у всех. Эсэсовцы знали, что их действия начальство не считает нарушением, что Саласпилский лагерь предназначен для уничтожения людей, а работа, на которой заняты заключённые, — лишь средство для достижения этой цели.

Не прошло и месяца, как евреи настолько ослабли, что едва волочили ноги. У них уже не было сил носить доски от лесопилки до центра строящегося лагеря смерти. А только за это грозила смерть. Евреям, как и военнопленным, лагерное начальство назначило старост. Они должны были присматривать за людьми своей группы, следить за тем, чтобы группа выполняла лагерь-

ный распорядок, аккуратно выходила на работы. Сами старосты освобождались от физической работы. О проделанной работе ежедневно докладывалось руководству лагеря. В недельных рапортах надо было указывать отдельно о каждом человеке, как он выполнял своё задание. Общие правила были таковы: тому, кто работал очень хорошо, один раз в неделю разрешалось закончить работу на два часа раньше; тот, кто работал хорошо, получал один свободный час.

За удовлетворительную работу раз в неделю наказывали десятью ударами по голой спине, за плохую — десятью ударами ежедневно. Оценка «очень плохо» означала смерть через повешение.

Пока люди ещё не были слишком истощены, были редкими даже телесные наказания. Понемногу положение менялось. Тяжёлая работа, сильные морозы, плохая одежда, голод делали своё. Скоро многие заключённые едва держались на ногах, шли на работу шатаясь. Вытаскивая бревна из воды, люди падали и там же оставались. Их безжалостно пристреливали.

Каждая группа должна была выполнять свое дневное задание. Если группа не выполняла его, искали виновных. Охранники, угождая начальству и стараясь заработать премию, вносили в донесения старост свои коррективы. Оценки старосты группы, что кое-кто работал «удовлетворительно» или «плохо», переделывались на «очень плохо».

Для телесного наказания имелись специальные скамьи. Работавших плохо и удовлетворительно раздевали догола и клали на скамейку. Один эсэсовец садился на голову наказуемого, другой — на ноги, третий бил концом кабеля.

После телесного наказания приводились в исполнение смертные приговоры.

Экзекуция обычно производилась в присутствии всех заключённых, которых полукругом выстраивали около места казни.

За очень плохую работу 20 февраля должны были быть повешены шесть евреев. Всё же вечером их не предали смерти. Назавтра смертников отправили вместе с другими на работу. К концу дня прибыл Ланге. Он обошел весь берег, но никого не застрелил.

— Начальство в хорошем настроении, — рассуждали мы.

После сигнала об окончании работы всех построили лицом к Даугаве.

Перед строем появились Ланге, Никкель, Качеровский. Из строя вызвали тех, кто плохо работал, и поставили на лед. Подошли шутцманы с автоматами. Прозвучал приказ раздеться. Пока осуждённые раздевались, со склада инструментов принесли вёдра. Охранники стали черпать из реки ледяную воду и подавать ведро по цепи вперед. За первым ведром следовало второе, третье... Вёдра переходили из рук в руки, пока не доходили до раздетых людей. Там воду выливали на головы осуждённых.

Дул пронизывающий северный ветер. Мороз достигал 25 градусов. Тишина. Слышен только всплеск воды. Попытки продолжались до тех пор, пока несчастные не заочесали в своей ледяной одежде.

Смерть через повешение казалась садистам слишком обычной, они изыскивали всё новые приёмы казни, более впечатляющие. В жертвах недостатка никогда не было. Чтобы быстрее покончить с муками, приглашенные на чужбину люди сами просили старших групп написать, что они плохо работают.

Были также совершенно неожиданные инциденты. Однажды вечером, когда эсэсовец хотел облить водой осуждённых, один молодой еврей вырвал у него ведро, обрушил его на голову эсэсовца, потом бросился в прорубь и исчез в пучине Даугавы.

На миг охранники растерялись. Их поразило мужество юноши. Опомившись, эсэсовцы ещё жесточеннее стали обливать свои жертвы.

Однажды в воскресенье не явились на работу рабочие стройконторы братья Харалд и Хуго Линдберги. На следующий день начальник строительства отправил их в Ригу, но вскоре обоих братьев привезли из подвала гестапо жестоко избитыми. Одеты они были в полосатую арестантскую одежду. С тех пор они считались политзаключенными. Поселили их с нами в домике на берегу. Теперь нас стало двадцать семь.

Рабочие условия у нас были не лучше, чем у евреев. Разница состояла лишь в том, что мы получали не только тюремную норму — 200 граммов хлеба, но дополнительно ещё 100 граммов, а вечером несколько картофелин или 50 граммов крупы.

Кое-чем помогали нам и наёмные рабочие. Так мы хотя и не были сытыми, но слишком острого голода не ощущали.

До прихода братьев Линдбергов ежедневно выходили на работу 24 человека. Один из нас оставался дома готовить обед. Качеровский считал нас сильнее измученных евреев, поэтому назначил одного из них на нашу кухню. Это был 15-летний еврейский мальчик Йозеф, который от тяжелой работы совершенно обессилел. Он должен был доставлять топливо и воду, утром варить кофе из поджаренной свеклы, в обед готовить суп из силоса и мерзлого картофеля, вечером кипятить воду.

В новых условиях паренёк стал заметно поправляться. Во-первых, он находился в тепле, во-вторых, был более сыт. Скоро исчезла и его удрученность. За работой Йозеф что-то тихо напевал.

Как-то днем, идя на обед, мы увидели около нашего домика Ланге. Он, как обычно, держал в руках пистолет и к чему-то прислушивался. Подняв дуло пистолета, Ланге велел нам остановиться. Мы тоже стали слушать. Из кухни раздавалась песня. Это был Интернационал.

Когда песня затихла, Ланге велел открыть дверь. На чурбане у топки сидел мальчик и мешал угли. Увидев Ланге, он вскочил на ноги. Убийца вызвал паренёка на улицу и заставил спеть песню ещё раз. Хотя у Йозефа на этот раз песня не звучала так отчетливо, он старался спеть её с улыбкой на губах. Окончив, он поклонился Ланге, словно благодаря за оказанное внимание. Ланге велел ему продолжать работу. Пистолет он сунул в карман. Мы облегченно вздохнули.

Мальчик в замешательстве вбежал в кухню, схватил ведро и помчался к Даугаве за водой. Ланге провожал его взглядом, все ещё стоя на том же месте. Йозеф зачерпнул воду в проруби и поспешно направился назад. Вдруг Ланге выхватил пистолет и выстрелил. Йозеф упал...

Нам Ланге сердито крикнул:

— Сейчас же на работу!

Возвращаясь вечером домой, мы увидели, что парнишка всё ещё лежит рядом с ведром. Он был мертв.

Йозеф был сиротой. Его родителей за принадлежность к какой-то левой партии фашисты расстреляли ещё в Чехословакии, в первые дни оккупации. Йозеф пел в хоре мальчиков, неоднократно участвовал в концертах за рубежом своей родины. На кухне мы снова работали сами.

Однажды на территории Саласпилсского лагеря в еврейских бараках поднялся переполох. Исчезли три человека. Всех выгнали наружу и построили. Считали и пересчитывали ещё и ещё. Но троих всё равно недоставало — значит бежали. Комендант послал щуцманов на поиски. Через несколько часов те вернулись одни.

Приехал Ланге. Всех евреев согнали в бараки. Нам приказали отправляться в свой домик на берегу Даугавы. На следующий день тоже никого не гнали на работу. После обеда к нам явились щуцманы и приказали немедленно отправляться в Саласпилсский лагерь.

На так называемой площади виселиц мы увидели согнанных евреев из обоих барачков. Нас гнали туда же. Недалеко от виселицы стояла крытая грузовая машина, с винтовками в руках выстроились щуцманы. Мы поняли — беглецы пойманы.

Комендант Никкель дал знак, и из машины вывели трёх беглецов со связанными руками. Лица их были в крови. Несчастных подвели к виселице, где в строю стояли все старосты групп. Никкель громким голосом зачитал смертный приговор. Начальник охраны перевел его на латышский, чтобы и мы поняли.

Беглецов подвели к месту казни, раздели догола и привязали к столбу виселицы. Тогда Никкель стал читать новый приказ руководства гестапо: за то, что староста группы, из которой бежали беглецы, своевременно не заметил подготовку к побегу, он приговаривается к смертной казни через повешение. За этим приказом следовал другой: для того чтобы старосты впредь всегда бдительно выполняли свои обязанности, каждый третий из них приговаривается к расстрелу.

Комендант подошел к строю старост и вытолкнул вперёд каждого третьего. Затем заставил их встать на четвереньки. После этого Ланге подходил к каждому и выпускал ему пулю в затылок.

В дальнейшем старосты групп в вечернем рапорте начальнику строительства докладывали, что все заключённые работали старательно.

Коменданта удивила новая тактика старост групп. Он и ругал, и избивал, и приказывал охранникам колотить их. Но старосты по-прежнему докладыва-

ли, что в их группах все работали хорошо. Исключением был, если не ошибаюсь, некий Мандель, который с недоверием относился к своим соотечественникам и больше всего боялся, чтобы его не отстранили от обязанностей старосты и не заставили работать наравне со всеми.

Как-то на вечерний рапорт приехал Ланге. Когда староста первой группы, как обычно, сообщил, что в его группе все работали хорошо, Ланге его застрелил. Второй староста доложил то же самое. Ланге застрелил его тоже. Следующий бесстрашно повторил то же самое, что и двое первых. Ланге изо всей силы пнул его ногой. Затем стал о чем-то совещаться с Никкелем.

К Ланге с листком бумаги подбежал Мандель и сообщил, что в его группе двое работали очень плохо, Ланге иронически усмехнулся, вынул из кармана пачку сигарет и бросил её усердному старосте. Мандель низко-низко поклонился.

В тот вечер в лагере повесили обоих плохо работавших из группы Манделя. Вешать заставили самого Манделя, табуретку из-под ног осуждённых выбивал охранник.

Утром Мандель уже не вывел свою группу на работу. Нашли повешенным. Его подлость уже давно не знала границ, и предатель получил по заслугам.

В начале марта число политзаключённых на берегу Даугавы увеличилось ещё на одного человека. Вновь прибывший был одет в потрёпанную одежду. Он рассказал, что два месяца его продержали в подвале на улице Реймерса, потому что фашисты пронюхали, что он поддерживает связь с подпольщиками. Его неоднократно подвергали пыткам, но своих товарищей он не выдал. Он ругал фашистов и их приспешников-щуцманов. Перед арестом новичок якобы работал на лесопильном заводе Брауна. Чтобы вредить фашистам, часто загонял в брёвна гвозди.

Когда мы слушали его слишком откровенные разглагольствования, у нас невольно возникало сомнение. Уж очень много он болтал. Говорит, что работал на лесопильном заводе, а почти ничего не понимает в пилораме. Отсидел два месяца в подвале гестапо, а нет на нём ни царапинки, и он не истощён. Тут что-то не то, рассуждали мы.

Как-то заключённых снова погнали выгружать вагоны с еврейским добром. В домике остался только дежурный — я и новичок. Товарищи поручили мне выяснить, что это за птица.

Немецкие евреи, депортированные в Ригу, на станции Шкиротава. Декабрь 1941 года.

В разговоре с ним я заметил, что он слишком часто и неосторожно высказывается о фашистах; своим легкомыслием он может погубить и себя и остальных. Это, можно было заметить, смутило новичка, он признался, что, действительно, вёл себя слишком неосторожно. Всё это, видите ли, потому, что нервы его совершенно расшатаны. Видя зверства фашистов, он не может владеть собой.

21 марта был сильный мороз. Я работал у пилорамы, а новичок пошёл к берегу реки. Там он о чём-то начал разговаривать с Качеровским. Вскоре Качеровский прибежал к пилораме, велел мне взять лом, лопату и отправляться на стройплощадку Саласпилсского лагеря.

Я шагал впереди, Качеровский за мной. Когда мы пришли на территорию лагеря, Качеровский приказал остановиться, отмерил площадь в пять шагов длиной и пять шириной, посмотрел на часы и сказал:

— Здесь выкопаешь яму глубиной два метра. Даю три часа времени. Не выкопаешь, самого здесь заруют. Подозвал шуцмана и приказал:

— Следите, чтобы работал. Будет бежать — стреляйте без предупреждения.

Я стал долбить ломом мёрзлую землю. Лом отскакивал, как от железа. Было ясно, что за три часа ямы мне не выкопать.

Обдумав это неожиданное поведение Качеровского, я пришёл к выводу, что новый передал ему наш разговор, и тот придумал, как уничтожить меня. Всё равно обратно в домик на берегу мне не вернуться.

Много разных мыслей мелькало в голове. Почти механически я долбил мёрзлую землю. Время шло, а работа почти не подвигалась. Вскоре я заметил, что евреи уже собираются на обед. Значит, кончилось данное мне время. Стало жарко. Неужели уже настал последний час?

Подошла грузовая автомашина. Мне приказали садиться. В кабине шофера я увидел Качеровского. Тронулись в сторону Даугавы. У поворота Качеровский вылез и махнул рукой. Машина двинулась по шоссе в сторону Риги. Меня повезли обратно в Центральную тюрьму.

ЭТОГО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

КАРЛ САУСНИТИС

Родился в 1911 году в Смилтенской волости, в семье сельскохозяйственного рабочего. Учился в Смилтенской гимназии и в театральной училище в Риге. Работал в редакции газеты «Лиесма» в Валмиере. В 1941 году его арестовывают и помещают в Рижскую Центральную тюрьму, откуда с первой группой заключённых 7 мая 1942 года переводят в Саласпилский концентрационный лагерь. С 1945 года К. Сауснитис работает в редакции газеты «Циня» (литературный псевдоним Петерис Этерис). Был председателем секции сатиры Союза журналистов Латвийской ССР.

ПЕРВЫЕ

Пора цвести первым весенним цветам, а оба берега Даугавы выглядят мрачно — их всё ещё лизжут грязные паводковые воды. Не видно и солнца. Чёрные облака, как мешки сажи, плывут так низко над шоссе Рига — Даугавпилс, что кажется, они вот-вот заденут макушки столетних лип Саласпилского лагеря военнопленных, под которыми ползают истощённые люди и зубами впиваются в каждый пробившийся росток.

Тяжело, очень тяжело жилось в фашистском плену измученным голодом воинам Советской Армии. Многие из них уже лежат на спине, уставившись застывшими глазами в тёмное небо. Покойники. Некому даже стащить их в яму. Все более крепкие их товарищи на работе. Под охраной вооружённых конвоиров они вместе с евреями носят доски от пилорамы, находящейся рядом с лагерем на самом берегу Даугавы. Человеческая цепь длиной с километр тянется через шоссе и сворачивает в лес. Там, на песках за железнодорожным полотном, строится особый городок с низкими бараками, которые как клопы жаждут теплой крови. В четырёх бараках уже живут евреи, а один новый ещё пустует. Скоро будут готовы и другие — рабочие начальника строительства лагеря Качеровского уже поднимают стропила. С работами спешат. Из лагеря выгнаны все, кто только может двигаться. В доску пошире вцепилось пять-шесть человек, и все же они еле-еле поднимают её. Стоит сильнее подуть ветру, как люди падают вместе со своей ношей и не могут больше подняться. Длинная доска, из которой, словно слезы, выступают капли смолы, давит на руки и ноги носильщиков и кажется тяжелее цементной глыбы. Люди пыхтят и стонут, ползут и валяются в грязи, пока, ругаясь, не подбегают гестаповец и не начинает стрелять. Тогда и полуживые поднимаются на ноги и, пошатываясь, плетутся дальше.

— Правее! Взять правее! — из уст в уста передают команду конвоиры. Живая цепь, как змея, прижимается к кустарнику, чтобы пропустить пять крытых брезентом грузовиков, которые, тяжело покачиваясь, движутся по

ухабистой лесной дороге в сторону нового лагеря. Через дыры, проколотые и прогрызенные в грязном брезенте, мрачно и с опаской смотрят широко раскрытые глаза.

Кого там везут? Кто они такие?

Это были мы — двести заключённых, которые первыми из Латвии прибыли в Саласпилский лагерь смерти. Это произошло 7 мая 1942 года.

Работа в лагере. Линогравюра К.Буша.

Нас высадили из машин и построили на песчаном бугре посреди поросшего вереском болота.

Впервые мы улыбнулись друг другу. Да, улыбнулись, ибо груз неизвестности свалился! Короткое и резкое сообщение надзирателя в Рижской Центральной тюрьме: «Приготовиться! Завтра в десять часов сдать все тюремные вещи!» — теперь нас больше не пугало. А прошлую ночь мы не спали. Ворочались с открытыми глазами на голых железных нарах и молча гадали: что нас ждет — жизнь или смерть? Ведь тюремные вещи — глиняную мисочку, алюминиевую ложку и похожее на портянку полотенце отнимали лишь перед расстрелом или освобождением, что случалось очень редко. Да и разве отпустят всю камеру разом домой...

Тревожные мысли этой тюремной ночи на короткое время нарушил мангальский рыбак Фриц Фельд-Мильберг. Под утро он вскочил со своего места и открыл окно камеры. Потом забрался на стол и стал размахивать руками. Мы уже встревожились: неужели у Фрица сдали нервы... Но нет — вокруг маленькой синей лампочки, которая горела в камере над столом днём и ночью, трепетала маленькая серая бабочка. Фриц хотел выпустить её на свободу, но бабочка не расставалась с синей приманкой.

— Пстой, Фриц, — сказал кто-то, — вот так надо — полотенцем.

Оба заключённых осторожно наматывают вокруг лампочки полотенце, чтобы бабочка опустилась на него. Потом можно будет вытрясти полотенце через оконную решетку, во двор тюрьмы.

Но бабочка не понимала добра. Она ещё отчаяннее билась возле синей лампочки. Были слышны тихие удары крыльев, на стену падали большие беспокойные тени.

— Эй, вы там, осторожнее! Не раздавите! Пусть лезет на стол тот, у кого ловкие руки! Но не помогали ни советы, ни предупреждения заключённых, обступивших стол. Бабочку поймать не удалось. В конце концов она исчезла.

Воцарилась тягостная тишина. Казалось, в эту минуту решается судьба узников. Молчание нарушил старый портной Янис Ансис, добравшийся до стола на своих распухших ногах. Он воскликнул:

— Ведите меня к окну, к окну! Насекомое у меня в волосах! Услужливые руки тянули Ансиса к окну, а он командовал:

— Ртом! Сдувайте ртом!

Горячая волна взволнованного дыхания оторвала бабочку от волос Ансиса, и через железную решетку она пропала в утренних сумерках.

— Улетела! Молодчина! — Портной ещё долго радовался выпущенной на свободу бабочке. Своей же свободе Ансису радоваться не пришлось: через три месяца он умер.

Через несколько часов, так же быстро и неожиданно, как бабочку, выгнали из тюрьмы заключённых. Однако нас не выпустили на свободу, а посадили в автомашины и повезли по шоссе Рига — Даугавпилс. Миновав зловещие Румбульские сосны, машины на семнадцатом километре свернули в лес. Здесь мы и стояли теперь в ожидании своей дальнейшей судьбы.

Саласпилс нуждался в нас. Находящиеся здесь умирающие с голоду военнопленные и привезенные сюда евреи из Чехословакии, Польши, Австрии и других оккупированных немцами стран были слишком слабы, чтобы работать. А рабочие руки рабов требовались. Надо было строить бараки, ограждать колючей проволокой себя и других, прокладывать большую кольцевую дорогу, которая, подобно петле виселицы, сжимала центр лагеря. А каменоломни, торфяные болота, известковые и цементные фабрики...

Сегодня мы стояли ещё без работы, и вокруг толпились конвоиры, сопровождавшие нас сюда. Проверяли и пересчитывали уже в который раз, а число 200 никак не получалось — то меньше, то больше. А в это время фашисты ходили вокруг комендатуры, словно разъяренные тигры в зоологическом саду в ожидании, пока им подадут пищу.

Поодаль от других, опершись на толстую палку и дымя трубкой, стоял и смотрел на нас гестаповец с гладким, невыразительным лицом. Казалось, что кожа на костях его щек натянута или отшлифована — не было видно ни морщинки, ни одной человеческой черты. Это был один из самых безжалостных лагерных убийц — ротенфюрер Теккемейер. Он всегда стоял в этой позе на лагерной площади или перед комендатурой. Казалось, что он в глубоком раздумье ничего не видит и не слышит. Но стоило заключённому хоть в самом отдаленном углу лагеря положить лопату и присесть, как Теккемейер, пронзительно улюлюкая и размахивая палкой, бросался туда. Тяжело избив или даже убив измученного непосильной работой узника, палач утирал пот, набивал трубку табаком и снова принимал прежнюю позу.

И на сей раз Теккемейер зашевелился лишь тогда, когда к нему подошел охранник и доложил, что доставленные из тюрьмы заключённые сосчитаны и построены. Ротенфюрер сделал несколько шагов в нашу сторону и загудел:

— Шапки снять!

Спокойным шагом, будто прогуливаясь, к нам приближался комендант Саласпилского лагеря обершарфюрер Рихард Никель — высокого роста берлинец, с большим, похожим на грушу носом. Казалось, он даже улыбался. Поз-

Ротенфюрер Теккемейер на фоне узников Саласпилса.

лейтенант Бруно Тоне. Этот приспешник гитлеровцев суровой зимой 1941/1942 года, отправившись с латышскими добровольцами на восточный фронт, отморозил ноги и за это хотел мстить всему миру, особенно нам, заключённым.

Будучи не в состоянии сам обойти территорию лагеря, он приказал носить себя на специальных носилках, над которыми из отнятой у евреев цветастой ткани было сооружено что-то наподобие балдахина. «Мопс, поди сюда!» — так Тоне подзывал по одному человеку из каждой рабочей группы и огревал их палкой по голове. С заключёнными он вел себя, как жестокий восточный владыка, зато перед Никкелем, хотя тот был ниже по званию, юлил, как щенок. Обершарфюреру Никкелю стоило только поманить его пальцем, и Тоне, загребая костылями, спешил на зов, оставляя за собой в песке две борозды от искалеченных ног.

В этот раз комендант использовал обер-лейтенанта в качестве переводчика.

— Кто знает немецкий язык, шаг вперед — марш! — командовал Тоне.

Выскочил вперед только один человек, по национальности немец, — Пауль Шиллинг, хотя из двухсот человек, как позднее выяснилось, немецкий язык знали многие.

— Так точно — знаю! — Шиллинг вытянул руки по швам. Его назначили старостой барака.

— У кого высшее и среднее образование — два шага вперед — марш!

Из этих людей назначили старших групп.

Когда были зарегистрированы плотники, столяры, сапожники, портные и другие специалисты, назначены рабочие на кухню и уборщики барака, заключённых распределили по группам. Затем Никкель махнул рукой, и из бараков иностранцев сюда устремилась толпа мужчин с чемоданами и простынями. Это

же мы часто видели улыбку этого чудовища. С этой улыбкой он приговаривал к смертной казни, выцарапывая на бумаге, как Наполеон, только букву С.

С этой же улыбкой на лице он вичнал и расстреливал людей, хлестал их собачьей плетью. Бросив безразличный взгляд на колонну узников, Никкель вынул из кармана отобранный у евреев золотой портсигар, закурил папиросу и низким басом прорычал:

— Эй, обер-лейтенант!

Опираясь на косяк двери комендатуры, на костылях вышел во двор и приковылял старший

были парикмахеры и портные. Они должны были привести нас в порядок, ибо с нами, как сообщил Тоне, ещё будет говорить сам начальник гестапо и СД Латвии господин доктор Ланге.

Когда парикмахеры начали нас стричь, казалось, что они хотят вырвать волосы вместе с корнями. Мы уже думали, что это особые пытки в Саласпилсе, но мастера шептали:

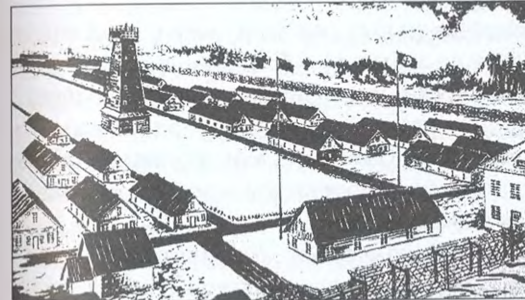
— Потерпите, пожалуйста. Мы совсем не парикмахеры!.. Стригли нас, оказывается, жестянщики, скрипачи, инженеры, киноактеры. Чтобы хоть на день освободиться от тяжёлой, изнурительной работы, измученные люди выдали себя за брадобреев.

— Наиболее подходящим для парикмахерского ремесла являюсь я, — ещё не утратив чувства юмора, заметил некий владелец антикварного магазина из Брно. — Я двадцать лет «стриг» покупателей.

— А почему всё делается бегом?

— Таков приказ коменданта, — пояснил кто-то. — Когда гитлеровец зовет, еврей должен бежать. Кто не слушается, того вешают.

Из еврейских бараков доносились крики ужаса и отчаяния. Туда, коротая

время, забрёл Теккемейер. Сейчас он кого-то избивал своей палкой. Когда несчастный остался лежать на земле, ротенфюрер, дымя трубкой, пошёл назад.

Из простыней умерших «портные» вырезали и нашили нам на спину и грудь белые ленты, шириной около восьми и длиной 30 сантиметров. Они с любопытством спрашивали, не знак ли это нашей веры...

Тоне пригрозил пальцем и сказал, как будто расслышал вопрос: — Запомните, белый знак — хорошая цель для конвоиров, если вздумаете бежать или улизнуть с места работы!

Наконец нас привели в порядок — остригли и нарядили в одежду из мешковины. Мы снова построились. Всё было готово к встрече высокого начальства. Но в этот момент мимо нас просехала похоя на полевую кухню двуколка с котлом. Её тащили восемь человек.

Так выглядел Саласпилсский лагерь смерти. Этот общий вид по памяти нарисовал Карлис Буш. Двухэтажное здание (справа) — лагерная комендатура. Слева от неё караульное помещение. На площади между комендатурой и караульным помещением заключённым объявляли о наложении телесных наказаний. Порка производилась в конюшне — гараже, расположенном за комендатурой. В бараках, построенных вокруг кольцевой дороги, ютились узники, там же находились столярная, сапожная, швейная и другие мастерские. В самом центре лагеря — сторожевая вышка с пулемётом. Отсюда можно было обстрелять любую точку лагеря на случай бунта.

Туда, коротая время, забрёл Теккемейер. Сейчас он кого-то избивал своей палкой. Когда несчастный остался лежать на земле, ротенфюрер, дымя трубкой, пошёл назад.

Из простыней умерших «портные» вырезали и нашили нам на спину и грудь белые ленты, шириной около восьми и длиной 30 сантиметров. Они с любопытством спрашивали, не знак ли это нашей веры...

Тоне пригрозил пальцем и сказал, как будто расслышал вопрос:

— Запомните, белый знак — хорошая цель для конвоиров, если вздумаете бежать или улизнуть с места работы!

Наконец нас привели в порядок — остригли и нарядили в одежду из мешковины. Мы снова построились. Всё было готово к встрече высокого начальства. Но в этот момент мимо нас просехала похоя на полевую кухню двуколка с котлом. Её тащили восемь человек.

Они везли обед заключённым, занятым на переноске досок или ремонте дороги. Было видно, что эти люди едва волочат ноги. Они были совершенно истощены, с распухшими от голода глазами. Один из них, увидев Теккемейера, упал со страха. «Прочь! Прочь!» — кричал Теккемейер, избивая тащивших двуколку дубинкой. Люди рванулись, как лошади, получившие неожиданный удар кнутом, и резко двинули тележку вперед. Чтобы не быть раздавленным, упавший попытался ухватиться за двуколку. Но это ему не удалось. Рука попала в колесо и с треском сломалась. Видя, что случившееся задержит высокого гостя, Теккемейер ещё яростнее стал колотить палкой. Собрал последние силы, возчики уволокли тележку за угол вместе с пострадавшим.

Перед нами уже стоял доктор Ланге, имя которого бесчисленное количество раз с ужасом упоминалось в Рижской Центральной тюрьме. Мы думали, что увидим настоящее исчадие ада с рогами и когтями, но ошиблись. Нас внимательно рассматривал статный мужчина с шрамом от рапиры на лице. На его безукоризненно сшитом мундире не было ни складочки, ни соринки. Лакированные сапоги сверкали, как зеркало. Ветер донес к нам давно забытый нежный аромат парфюмерии. Полной противоположностью внешнему виду были дела и совесть этого человека.

Ланге заговорил с нами, гордо закинув голову, вслушиваясь в свой голос и любуясь им. Он посоветовал никогда не забывать о большом доверии, оказанном нам немецкой полицией безопасности, пославшей нас сюда на работу. «Мы всё забыли, — подчеркнул он, — поэтому будьте трудолюбивыми и послушными. Иначе будете сурово наказаны. Смотрите, вон виселица. На ней будет висеть всякий, кто не захочет работать и слушаться или тайком принесет в лагерь хлеб, как это сделал тот повешенный!»

Мы инстинктивно повернулись в указанную сторону. Действительно, недалеко от кухни стоял вкопанный в землю столб с перекладиной. На ней, тихо покачиваемый ветром, висел человек.

В свой барак мы должны были идти мимо повешенного. У него руки были связаны за спиной и ладони как-то странно повернуты вверх. Казалось, он ещё хочет тайком получить от кого-то кусок хлеба.

МЫ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ

Ночь. Первая ночь в Саласпилском лагере. Приземистый без потолка барак набит людьми до самой крыши. Низкие четырехэтажные нары похожи на складские полки, забитые одним-единственным товаром — униженными, замученными, бесправными людьми.

А люди ворочаются в своих деревянных гробах и с возмущением вспоминают как бы из жалости сказанные начальником гестапо и СД Ланге слова:

«Мы всё забыли...»

Какое издевательство! Нас арестовали, бросили в тюрьмы, пытали, изуродовали, десятки тысяч уничтожили, а теперь убийца «великодушно» заявляет: мы вас прощаем!

Но мы, заключённые, не забыли и никогда не забудем, что изверг сделал Человеку! У нас всех перед глазами стоит время, проведенное в фашистской тюрьме. Кажется, что все это было только вчера...

Рига... Фашистские оккупанты, только что ворвавшиеся сюда, разгуливают, как нахохлившиеся петухи. Я приехал в столицу и остановился у знакомых на улице Суворова. Собрался уже обратно домой, но...

Однажды утром дверь задрожала от тяжелого удара.

— Откройте! Полиция!..

Ворвались два субъекта. У обоих на руках повязки. Полицаи-добровольцы. Один проверяет мой паспорт.

— Почему не прописан?

— Не успел. Только что приехал.

— А! Из красной Валмиеры сбежал. Наверное, там у патриотов ногти сдирали. Теперь у самого земля горит под ногами. Пошли!

...Полицейский участок. За столом сидит, подавшись всем корпусом вперед и вытянув руки до самой чернильницы, коренастый мужчина. Как кошка, приготовившаяся к прыжку.

— Красный? — бросает он. Притворяюсь, что не понимаю вопроса.

— Советую не хитрить, а выкладывать всё как есть. Нам уже многое известно. Вот... Он сунул мне листок бумаги. Читаю:

«За стеной моей квартиры скрывается какой-то страшный человек, ибо он крутит радио и слушает русских. Прошу забрать этого коммуниста...»

— Соседка обозналась. Я беспартийный.

— Точно так же говорил комиссар, которого вчера поставили к стенке. — Хозяин полицейского участка махнул рукой и велел увести меня.

Я в префектуре. Меня вталкивают в подвал. В тесном помещении уже около сорока человек, а прибывают всё новые и новые. Чтобы втиснуть больше людей в подвал, нам приказывают раздеться догола, встать рядом друг с другом. Начинаем задыхаться. Когда пытаемся приоткрыть дверь, часовые бьют прикладами по рукам и колотят штыками. «Недоразумение», — думаю я, вспоминая письмо соседки, и наивно верю, что скоро всё выяснится и меня отсюда выпустят.

Но надежды рухнули. Держась за стенку, в подвал ввалился страшно избитый человек. На лбу у него зияет глубокая рана, будто нанесенная ножом. Почему с ним так безжалостно обошлись?

— Не знаю. — Человек облизывает окровавленные губы. — Они тоже не знают. Даже не спросили, как меня звать.

— Ни за что так изуродовать человека, — встревожился я.

— Даже расстреливают ни за что, — спокойно отвечает кто-то из угла подвала. — Когда Советская Армия оставила Ригу и начали орудовать местные добровольцы, одна банда, в поисках жертв, ворвалась на Рижский вокзал. Около кабинета начальника станции стоял седой старик.

«Что ты тут делаешь?» — спросили налетчики.

Жертвы перед расстрелом в Бикерниеском лесу. Лето 1941 года.

ба человека была решена. Его сразу арестовывали, пытали и часто совершенно без всякой причины расстреливали.

На второй день нас построили в колонну по четыре во дворе префектуры. Её подвалы были забиты людьми. Чтобы освободить место для новых жертв, такие колонны ежедневно гнали через весь город в Центральную тюрьму, Бикерниеские сосны. Мы повернули в сторону тюрьмы...

Центральная тюрьма... Нас регистрируют и обыскивают. На деньги и ценности составляют акт. Мы облегченно вздыхаем, мол, самоуправство кончилось.

Трагизма ситуации не чувствует и некий заведующий обувной мастерской. Он протягивает регистраторам свою визитную карточку и говорит:

— Господа, я здесь по недоразумению. В моей мастерской ничего незаконного не происходит. Когда формальности окончатся, я каждому из вас сошью по паре ботинок.

«Господа», совсем ещё молокососы, переглядываются и ухмыляются. Осматривают визитную карточку и спрашивают:

— Много у тебя этой кожи?

— Для всех вас хватит.

— Тогда не беда. Сами возьмем.

Когда тюремные надзиратели повели заведующего обувной мастерской в камеру, регистраторы издевались:

— С этим надо формальности кончать быстрее. Он сам того желает.

Через неделю сапожник уже лежал в Бикерниеском лесу...

Регистрация ещё не закончилась, как в соседней камере раздались крики и стоны. Значит, и здесь избивают...

Первым из нашей камеры вызвали на допрос юношу Озолса. В камеру он вернулся с разорванной одеждой, полуживой. Его били собачьими плетьюми, резиновыми дубинками, перчатками для бокса. Один удар угодил в глаз. Из него текла кровь и прозрачная жидкость. После экзекуции жертва должна была слизать кровь с пола.

За что его так мучили и через неделю расстреляли? На каком-то собрании он выступил против войны, осудил политиков, которые развязывают эту

«Что делаю? Отвечаю за порядок на вокзале». Этого было достаточно. Старика вывели во двор как «советского деятеля» и убили.

В действительности он был уборщиком...

В разговорах с заключёнными выяснилось, как самовольно и жестоко действовали фашисты в Риге. Достаточно было указать пальцем: коммунист, активист, сотрудник стенной газеты — и судьба

ужасную бойню народов. Вот «преступление», за которое фашисты так жестоко наказывали!

С этого момента людей из нашей камеры стали пытаться каждый день. Заключённого Ревеля, убийцы поставили на колени и заставили молить бога, чтобы он раздобрил допрашивающих и они не убили бедного узника, а отпустили домой. Текст молитвы подсказывали сами мучители. Наконец двое сгрести Ревеля за шиворот и изо всей силы ударили об острый косяк двери. Заключённый вернулся в камеру с рассеченной щекой и бровью. Как только у Ревеля зажили раны, его расстреляли.

Когда извергам обычные приемы избияния надоедали, они старались придумать что-нибудь новое. Так появился «допрос друга».

Увидев заключённого, допрашивающий притворялся удивленным и вежливо спрашивал:

— А как, дружок, ты здесь оказался?

Заключённый не знал допрашивающего, он думал, что произошло недоразумение. Но почему это недоразумение не использовать в своих интересах? И он пытался ответить столь же сердечно и вежливо: «Ну, так получилось» или тому подобное.

Допрашивающий после такого ответа вскакивал на ноги и орал:

— Что? Ты, свинья, осмеливаешься называть меня другом? Ну тогда отпразднуем эту дружбу!

В тот же миг распахивалась дверь соседней комнаты и четыре гестаповца набрасывались на арестованного. А допрашивающий причитал жалким голосом и старался уговорить гестаповцев, чтобы не забили до смерти его лучшего друга...

На следующий день из камеры, где находился одуроченный заключённый, вызывали на допрос другого. За столом сидел тот же следователь и снова начинал с «шутки»:

— А как, дружок, ты здесь оказался?

Узник уже знает ловушку, в камере об этом все предупреждены. Он спокойно отвечает:

— Извините, вы обознались. Я вас не знаю.

— Ах не знаешь! — «Друг» подмигивает. — Ну тогда познакомимся.

Опять врываются палачи из соседней комнаты, и на несчастного сыплются удары со всех сторон. Подобные провокации происходили и при «угощении папироской».

Когда заключённый заходил к следователю, тот вежливо улыбался, кивал головой:

— Пожалуйста, закурите!

На столе в открытом металлическом портсигаре ряд соблазнительных папирос. Такая вежливость необычна и подозрительна, но какой курильщик откажется от приятного дымка? Дрожащая рука тянется за папиросой, пальцы уже прикасаются к белому мундштуку, как крышка портсигара механически захлопывается и острые края её сдирают кожу вместе с мясом на руке, кото-

рую узник пытался отдернуть. Следователь хохочет от удовольствия:

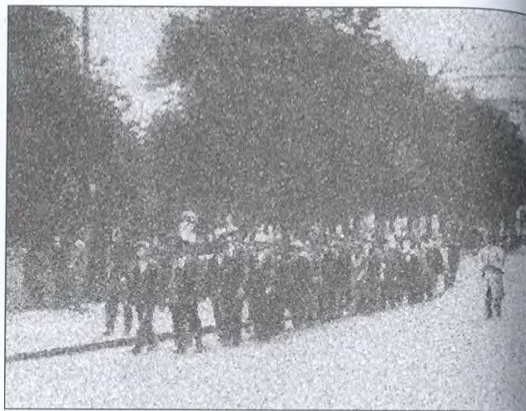
— Ну, значит закурил. Теперь можешь и выпить, — и заставляет несчастного выпить содержимое плевательницы.

Убийцы имеют сильных союзников: им помогают уничтожать людей и издеваться над ними голод, вши, болезни.

Уже с самого начала в тюрьме царил голод. Живя месяцами без бани, умывания, чистой одежды, люди обовшивели. Вши распространили тиф. Тифозной вши на помощь пришла дизентерия, которую влекли за собой «новый порядок» или «зеленый ужас», — так мы называли баланду из полугнилых капустных листьев, собранных весной на огородах. Этими отходами, в которых мы нередко находили и пустые ржавые консервные банки и старые подмётки, нас кормили несколько месяцев подряд. У людей от голода отекали ноги, опухали глаза, пропадал слух.

В тюрьме начался карантин. Надзиратели и санитары больше у нас не показывались. Их пугали тифозные вши, которые ползали повсюду, переходили от мёртвых к живым. Их пугал невыносимый запах. Чтобы мы могли попасть в уборную, двери камер открыли, загородив только коридор, в конце которого через решетки вталкивали ящик со скудным хлебным пайком. Мы были предоставлены на милость природы. Камеры превратились в настоящие места пыток. На грязных спальных местах рядом с мертвецами стонали больные. Смерть шагала из камеры в камеру. Как призрачные тени, тянулись вокруг пустого стола живые, поднявшиеся с больничных нар. Они разговаривали сами с собой, просили хлеба у покойников. Если кто-нибудь умирал с хлебом в руках, другие подходили к нему и силой выворачивали у мертвеца пальцы. Людям нестерпимо хотелось есть.

...Камера интеллигентов... Так называли корпус мастерских, куда согнали из других камер и заключили писателей, художников, журналистов, инженеров, юристов, учителей, студентов и других представителей интеллигенции. Делалось это не для того, чтобы улучшить условия жизни, а чтобы легче их было уничтожить. В тюрьме не иссякал дух сопротивления. Были случаи, когда арестованный не давал себя истязать и, схватив тюремную скамью, перед смертью расправлялся со своими убийцами. С тех пор тюремные скамьи и стулья были привинчены к полу, а интеллигенцию стали изолировать от остальных заключённых.

Тысячи мирных жителей пособники гитлеровцев увели в тюрьмы, на расстрел. Снимок сделан в Риге 2 июля 1941 года (мост через городской канал на ул. Бривибас).

Художник Янис Айжен, работавший декоратором в Театре оперы и балета, в тюрьме был тихим и замкнутым. Вечерами, когда крыши Риги золотили лучи заката, он становился беспокойным. Вместо хлеба он просил палитру и кисти. Но не было ни хлеба, ни красок. Его продолговатое лицо становилось всё бледнее. Он начал кашлять. С последнего допроса Айжен вернулся заметно повеселев. Следователи обещали его скоро отпустить домой. Через две недели художника вместе с другими отвезли в лес и расстреляли.

Подобная судьба постигла и учителя Роберта Лукса, который был литератором. Его повели на так называемый увеселительный допрос. Это случилось около двенадцати ночи, когда допрашивающие обычно возвращались с попок в рижских кабаках, прихватив с собой собутыльников. На «развлечения» вызывали 20-30 заключённых. Под звуки радио избивали и унижали людей.

Лукса привели в камеру с рассечённой губой. Из одного уха тоже текла кровь. Прислонившись спиной к стене камеры, он отнял от губы окровавленный носовой платок и с иронией сказал:

— Господа пригрозили меня убить, если оставлю в их комнате хоть каплю своей красной крови. Наверное потому, что крови там уже было более чем достаточно — пол залило, как на бойне.

Через несколько дней Лукса ночью вызвали вторично. Это была его последняя ночь.

Не склонив своей седой головы перед насильниками, умер известный историк и общественный деятель, депутат Верховного Совета Латвийской ССР Лиекнис. До последнего вздоха он читал нам в тюрьме лекции по истории. Однажды в полночь, когда мы снова собрались вокруг его постели, историк раскрыл мрачайшую страницу в истории латышского народа — стал рассказывать о вторжении в нашу страну немецких псов-рыцарей. В эту ночь проскрежетал замок тюремной двери и вошел надзиратель со списком. В нем значилась и фамилия Лиекниса.

— Товарищи, — спокойно сказал историк, — как видно, это мой последний урок истории. Но верьте, последний час фашистов — наследников псов-рыцарей — тоже недалёк.

Не дождался пули физически хрупкий поэт-баснописец Фриц Стурис, талант, расцветший в тюрьме. Его учил известный историк-литератор, писатель и критик Рудольф Эгле, человек, который не терял бодрости духа и работоспособности даже в тюрьме. Тем, кто интересовался литературой и хотел слышать его мнение, надо было высоко забираться: Эгле лежал в сколоченной из досок нише под самым потолком. Молодые тюремные поэты несли ему править свои стихи, написанные тайком на бумажных лентах. Писатель никому не отказывал в помощи (*Из тюремных поэтов, которых Рудольф Эгле учил теории поэзии, кроме Фрициса Стуриса следует ещё упомянуть Яниса Атаварса, Отомара Куна и Карла Сауснитиса.*)

Ночью, когда надзиратели спали, авторы читали заключённым свои лучшие произведения. Их слушали все 230 узников так называемой интелли-

гентной камеры. На тайных вечерах с тихим пением песен и декламациями выступали и заключённые артисты — оперный певец Александр Вилюман и актер Оттомар Куп.

Первая такая литературная ночь состоялась в середине октября 1941 года. Карл Сауснитис прочитал тогда своё сочинение:

ПОСВЯЩЕНИЕ ТЮРЕМНОЙ ВШИ

Видно, любишь ты меня упорно,
От меня никак не отстаёшь.
Притаившись в шве рубахи чёрной,
Скромный пир свой ты готовишь, вошь.

Голод. Мрак. В бессоннице суровой
Раны на лице моём горят.
На щеке рубец тёмно-багровый —
Это всё, чем я сейчас богат.

Раз уж крови суждено пролиться,
Без вражды, пусть в радостной волне
Не для хлеба сердце будет биться,
Лучше подари улыбку мне.

Был мой каждый мускул гол и гладок,
Ты теперь такого не найдёшь,
Вот когда ты пировать могла бы.
Жадная до крови нашей вошь!

Что ж ты ищешь в этом мёртвом мире,
Где вот-вот последний вздох замрёт?..
У фашиста поселись в мундире,
Пей ты кровь его, ведь он-то нашу пьет.
(Перевод с латышского Григория Горского).

Это стихотворение и работы других авторов были записаны в общую тетрадь, тайком принесённую в камеру заключённым, работавшим в переплетной мастерской тюрьмы. Во время очередного обыска тетрадь нашёл убийца Фрициса Стуриса старший тюремный надзиратель Микельсон (в конце 1944 года трибунал приговорил его к высшей мере наказания). Следовало ожидать жестоких репрессий, но... на следующий день тетрадь принес обратно в камеру заключённый инженер-химик Арвид Биксна (замучен в концентрационном лагере), работавший в тюремных мастерских. Тетрадь на столе начальника Центральной тюрьмы заметил тюремный архитектор, прочитал и понял, что

авторам грозит опасность. Он сунул тетрадь в карман и позднее отдал её А. Вискне. Так он тюремным поэтам спас жизнь и вместе со стихами прислал гонорар — шесть красивых яблок, аромат которых заполнил всю камеру.

Сохранилось и другое стихотворение К. Сауснитиса (перевод Г. Горского).

РУКИ ПАХНУТ ХЛЕБОМ

Мешок под головой, лежу;
Едва успев прикрыться,
Я руки на груди сложу,
Чтоб хлебу помолиться.

Дыхание земли самой
Храню под одеялом,
Чтоб было навсегда со мной,
Чтоб чудо не пропало.

Ведь эти руки, хлеб держа,
Кусочек отломали,
Последней крошкой, дрожа,
Голодного кормили.

Жду, руки на груди сложив,
Чтоб к хлебу быть поближе:
Быть может, рожь цветущих нив
Я в светлом сне увижу.

Оба эти стихотворения были написаны в тюрьме на папиросной бумаге, спрятаны в обувь и таким образом занесены в Саласпилсский концентрационный лагерь, откуда нелегально отправлены на волю.

Как и Фрицис Стурис, трагической смертью погиб и Янис Атварс. Фашисты расстреляли его в ноябре 1941 года [Прим. ред.]).

Однажды посмотрев своими добродушно прищуренными глазами на истощённого юношу, который походил на ошипанного коршуном цыплёнка, писатель громко высказал ему своё одобрение:

— По внешнему виду ты хилый мальчик, а внутри у тебя, кажется, бродит сила богатыря.

Богатырской силе не суждено было расцвести. От голода Фриц Стурис становился всё слабее, и тогда старший тюремный надзиратель Микельсон безжалостно избил его. Друзья отнесли юношу на постель. Он больше не поднялся. Разве мы можем это забыть?

...Что, уже рассвет? А кто там стучит в дверь? Допрос? Нет, это охранник открывает ногой дверь Саласпилсского барака. Раздаётся команда:

— Подъём!

Через десять минут мы должны встать в строй и идти в Сауриешские камеломни. Там нас ждет новое место работы — наполненные талой водой, холодные и мрачные ямы. Мы из них будем доставать камни.

НИКОГДА

Из барака в барак, задыхаясь, бегут вестовые. Со стороны комендатуры доносится хриплый голос, отдающий короткими обрывочными приказами. Перед бараками, стуча деревянными башмаками, выстраиваются заключённые.

— Вперёд! Шагом марш!

Тысячеголовая серая масса зашевелилась и начинает плестись в сторону комендатуры.

Сквозь поднятое деревянными башмаками облако пыли из уст в уста передаётся весть: всем построиться у комендатуры. Значит, снова публичное наказание — повешение или расстрел.

На этот раз повешение... Там, на площади, как предостерегающий перст, поднялась перекладина виселицы. Наказывать будут парикмахера комендатуры Язепу Канепе. Он пытался бежать, но его поймали. Его повесят в назидание другим.

Когда заключённые полукругом стали около виселицы, лагерную тишину словно ножом разрезал длинный и пронзительный гудок автомашины. Часовой его знает. Он выбегает из своей будки и открывает широкие, овитые колючей проволокой ворота.

В Саласпилский лагерь смерти вкатывает автомобиль коменданта Курта Краузе. Размахивая руками, как крыльями, ему навстречу спешит староста лагеря Альберт Видужс.

Как только машина останавливается, он открывает дверцу, вытягивается струной и, выкатив от усердия глаза, на исковерканном немецком языке начинает давно вбитый в голову доклад:

— Господин комендант! В ваше отсутствие в Саласпилском трудовом и воспитательном лагере было всё в порядке. На работах — 2360 человек, больных — 212, в карцере — 7, умерших — 38, из них 36 детей...

Курт Краузе поднимает руку. Это значит, что староста лагеря должен замолчать.

— Сегодня детскому барaku выдать из еврейских вещей белые простыни, — распоряжается комендант. — После обеда сюда прибудет кинорежиссер Лалениекс. Он снимает фильм «Забота о детях». После этого простыни сдать обратно на склад. Продолжайте.

Видужс выпрямляет плечи и заканчивает доклад:

— Господин комендант! По вашему приказанию специальная виселица построена. Для исполнения приговора всё готово. Особых происшествий нет.

— Сколько сегодня будет повешено? — как будто мимоходом спрашивает Краузе, поправляя ошейник своему любимому псу Ральфу, который, выско-

Этот кусок веревки — петля с виселицы, лишившая жизни многих заключённых. В 1942 году один смелый узник, проходя рано утром на работу мимо виселицы (для устарения она стояла у самой дороги), выбежал из строя и ножом отрезал кусок от петли. Вербку вынес из Саласпилсского лагеря техник В. Мелькис, работавший по вольному найму в строительной конторе лагеря. Этот страшный кусок веревки, сплетённый из 360 хлопчатобумажных ниток и покрытый парафином, до недавних пор хранился в Музее революции Латвийской ССР.

— Так точно, не напомнил. Виноват... Болван. — Видуж готов провалиться сквозь землю.

Унижение и покорность успокаивают Краузе. Немного подумав, он спрашивает:

— Ну, а как с прежним парикмахером?

— Всё в порядке! — Видуж просиял и щёлкнул каблуками. — Как уже говорил, виселица готова, ждём только вашего приказа.

— Дурак... — Комендант сморщился. — Я спрашиваю, где сейчас находится прежний парикмахер?

— В карцере, господин комендант.

— В сознании?

— Так точно — в сознании! — бойко отвечает староста лагеря, а сам ёжится. А если парикмахер ночью умер? Вчера ведь его основательно обработали. Голова пробита, один глаз вытек. А когда ротенфюрер Теккемейер вскочил ногами ему на грудь, как будто что-то хрустнуло...

— Привести! — Краузе махнул рукой. — Пускай сначала побреет меня. Потом можно и повесить.

— Но, господин комендант!.. Неужели вы?.. Я боюсь...

чив из машины, зеваает и потягивается.

— Один. — Видуж делает глотательное движение и, опустив глаза, ждёт разноса.

Разноса не следует. Комендант поднимается по ступенькам в свою канцелярию. Староста лагеря облегченно вздыхает. Но только на короткий миг. Около двери канцелярии комендант поворачивает голову и как топором отрубает два слова:

— Парикмахера! Немедленно!

Видуж выглядит так, будто на него навалили тяжелую ношу. Он сгибается в три погибели и высказывает глубокое сожаление, что господин комендант ещё не соизволили подобрать нового парикмахера.

Пухлые, как у озорного мальчишки, щеки Краузе надуваются.

— Вы болван, Видуж! Почему об этом вчера не напомнили?

— Чего?
— Убийце дать бритву...
— А я не боюсь. — Краузе усмехнулся. — Он меня побреет, как никогда. Руки его будут легкие и нежные, как пушинки, бритва острая, как... — Комендант ищет подходящее сравнение, но, не найдя его, открывает тайну: — Я же вначале скажу, что дарю ему жизнь. Понимаешь?

— Понимаю, господин комендант!

— Так привести! Марш!

Комендант взмахнул плетью, Видужс подпрыгнул, как кукла, и, сверкая желтой кожей верховых брюк, помчался в карцер.

Парикмахера комендатуры Язеп Канепе в кабинет Краузе втащили двое охранников. Окровавленного, измученного, его прислонили к стене напротив мягкого кресла коменданта. Краузе сам не участвовал в экзекуции парикмахера. Он только отдал распоряжение. Теперь он мог притворяться ягненком.

— Видужс! — осмотрев изуродованного парня, воскликнул комендант. — Что вы сделали с моим парикмахером?

— Он, господин комендант, не назвал соучастников побега, — оправдывался Видужс. — Я хотел обойтись поркой в конюшне, но где там. Сто ударов — и хоть бы что. Вы знаете, какая тяжелая рука у господина ротенфюрера Теккемейера, но и это не помогло. Не выдает. Молчит.

— Постойте, постойте, как вы сказали: не выдает соучастников побега? — переспросил комендант. — А разве он бежал? Мой парикмахер бежал! Не может быть! Бегут только от плохого господина.

— Бежал и ещё взял с собой одиннадцать заключённых, — разоткровенничался Видужс. — Может быть, они уже у партизан. Нападают на наших.

Парикмахер ожил. Поднял голову. В здоровом глазу, кажется, что-то сверкнуло. Значит, остальные не пойманы. Они на свободе!

— Какая неблагодарность. — Комендант качает головой. — А я так доверял ему. Каждое утро допускал с бритвой к своему горлу. Разрешал душиться своим одеколоном. Он мог свободно ходить по всему лагерю, носить чистую одежду, белый халат. И ещё было плохо! Бежал!!! Чем это наказывается, Видужс?

— Виселицей.

— Видужс, вы с ума сошли! — Краузе начинает входить в роль. — Вы хотите, чтобы комендант выполнял служебные обязанности небритым, не надушенным! Не хотите ли вы сравнить меня с латышским мужиком? Нет, нет, парикмахера мы не будем вешать. Он мне нужен. Он сейчас же умоется, надушится и начнет своё дело. Ну, что ты на это скажешь, парикмахер?

Но парикмахер не отвечает.

Комендант в восторге от предстоящего редкого приключения. Нет, такой шутке сам штурмбаннфюрер позавидует. Подумать только! Преступник сходит с виселицы, старательно бреет своего господина и только после этого лезет в петлю. Исключительный, неповторимый номер!

Парикмахер молчит.

— Может, у тебя нет сил? Видужс, налейте коньяку. Будешь пить?

Парикмахер качает головой.

— Не вырвали ли вы ему язык, Видужс? — встревожился комендант.

— Нет, господин комендант. — Староста лагеря извивается, как червь. — Мы только так — по голове...

Язеп Канепе приоткрыл рот и, собравшись с силами, выплюнул в сторону коменданта сгусток крови:

— Прок-ля-ты-е!

Комендант вскочил на ноги, сжал кулаки, собака тоже оскалила зубы. Но оба сдерживаются. Не хотят запачкаться. Парикмахер весь в крови и грязный.

— Увести!

Когда беглеца поставили под виселицей, на карательной площади, хлопая плетью по блестящему голенищу, появился комендант лагеря. Согнанные сюда заключённые по приказу сняли шапки, опустили руки по швам. На расстоянии от коменданта держится староста лагеря с деревянной доской под мышкой. Комендант взмахнул плетью. Видужс подбежал к жертве и повесил ему на шею доску с надписью: «Каждого, кто попытается бежать, ждет смерть».

— Господин комендант, для наказания всё готово, — доложил Видужс.

Комендант обводит взглядом зелёные мундиры охранников, проверяет, все ли пуговицы застегнуты, осматривает заключённых, все ли сняли шапки. Затем он подходит к обреченному, приподнимает кнутовищем его опущенную голову, стараясь взглянуть в единственный глаз.

— Ну, дружок, разве не поспешил? Разве не сожалеешь теперь сам?

— Сожалею, господин комендант. — Юноша так вздохнул, что в груди что-то захрипело. — Очень сожалею.

— Вот видишь! — Комендант развел руками. — Но теперь уже поздно. Жизнь больше не вернуть.

— Не о жизни я думаю.

— Так о чем же?

— Очень сожалею, что нет сил. Я бы перерезал вам горло.

Коменданта передернуло, как от удара.

— Повесить! — крикнул он так громко, что пугается даже Ральф.

С ловкостью циркового артиста, который заранее знает каждое движение, Видужс втаскивает беглеца на опрокинутый ящик из-под консервов, заранее подставленный под виселицу. Подпрыгнув, накидывает на жертву петлю и ловко выбивает ящик из-под ног.

— Палачи! — бросает Язеп последнее слово своим убийцам.

Заключённые не успели отвести затаённое от ужаса дыхание, как изувечное и окровавленное лицо Язеп Канепе задергалось в предсмертной агонии. Видужс слабо натянул веревку, и ноги повешенного временами касаются земли. Он, опираясь на носки, начинает подпрыгивать, как мяч.

Белорусские крестьянки, пригнанные в Саласпилс за помощь партизанам, вскрикнули, стали всхлипывать.

— Не смотри, сынок. — Мать прижимает к себе голову восьмилетнего сына, стараясь прикрыть глаза мальчика ладонями.

— Не смотри, нехорошо, Васька...

Но в эту минуту к уху Васьки прикасается колючая небритая борода деда беззубый рот, глотая слова, встревоженно шепчет:

— Открой глаза, парень! Смотри, что они с нами... Запомни...

Исхудалые, но сильные руки старика вырывают Ваську из объятий матери и приподнимают выше, чтобы он видел через головы людей.

— Запомни, запомни всё, сынок! И не забудь!..

Не дыша, с раскрытым ртом Васька смотрит на сцену казни, чтобы никогда уже не забыть её. Никогда!

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Комендатура гудела, как растревоженное осиное гнездо. Обершарфюрер Никкель басом выкрикивал приказы, подгонял ээсовцев. Поставив в угол толстую палку и развалившись в кресле, ротенфюрер Теккемейер нашатырным спиртом стирал с мундира пятна крови — результат его утренней прогулки по лагерю. Заставить заключённых почистить одежду у него не было времени. Только что получено известие, что сюда выехал начальник гестапо и СД Латвии — штурмбаннфюрер Ланге. И ещё с гостями — дамами.

Со строительства барака отозвали двенадцать заключённых. Они подобрали перед комендатурой каждую соринку, граблями выровняли дорожку до самых ворот лагеря. С винтовкой на плече в барак вошел ээсовец, взял трёх заключённых и отправился с ними в лес.

— Будет представление, — проворчал он.

— Представление? — не понимали мы, ибо нас привезли сюда из Рижской Центральной тюрьмы всего две недели назад. — Что это за представление?

Из леса заключённые принесли берёзки. Их натякали на площади около виселицы, образовав что-то похожее на беседку. Из комендатуры принесли кресла.

Приказали явиться всем заключённым. Нас поставили тесным полукольцом вокруг беседки и виселицы. Вскоре заявили штурмбаннфюрер Ланге, его помощник Кауфман и три говорливые дамы, увешанные драгоценностями. Смеясь и шутя, гости расселись под берёзками, где в тот солнечный день было прохладно и хорошо. Началось представление, организованное фашистами себе на радость, нам — на устрашение.

Перед экзекуцией. Рисунок А.Грибулиса.

Из иностранных барачков (так называли бараки, где содержались евреи из Чехословакии, Австрии, Польши и других стран) охранники пригнали группу бледных, измученных людей. Построив их под виселицей, начальник охраны подбежал к гостям и доложил, что преступники доставлены.

Преступники!

Из беседки, раздвинув берёзки, высунулся бывший шофёр такси, а ныне комендант Саласпилсского лагеря Никкель. Он развернул лист бумаги и зачитал обвинение. Так вот что, оказывается, совершили «преступники»: один в рабочее время лодырничал, другой торговал вне лагеря, третий не поприветствовал коменданта, курил... Наказание для всех одно — смерть.

Засуетился палач, здоровенный детина, выбранный фашистами из самих иностранцев! У него тряслись коленки, но не выполнить распоряжения означало самому идти на виселицу. Этот трус стал убийцей своих соотечественников.

Первым повесили сгорбленного годами мужчину — за лодырничество. Таская доски с пилорамы к новостройке, он в бессилии упал и с минуту лежал на земле.

Когда палач надевал на шею опухшего от голода старика петлю, тот повернул голову в сторону беседки, крикнул высоким ломающимся голосом непонятные нам слова и прижал руки к груди. Так он и умер — с открытыми глазами, полными презрения к своим палачам.

Гости взвизгнули:

— Господин доктор, садьте впереди нас... Этот человек так страшно смотрит...

— Что вы. — Ланге пожал плечами. — Разве это человек!

Величаемый доктором господин говорил так громко, чтобы каждое его слово слышали и заключённые, стоявшие близ беседки. Он давал им понять, что здесь, в лагере, заключённых не считали и не будут считать за людей. Затем Ланге отодвинулся дальше от дам и обломал свисавшую ветку берёзы, чтобы лучше видеть место казни.

Людей убивали по испытанному на практике фашистскому методу. Когда первый повешенный был снят и его труп уложен на траву, ээсовец скомандовал живым, которые один за другим стояли около виселицы:

— Шаг вперёд — марш!

Обреченные делают ещё один шаг по направлению к смерти. Для стоящего впереди это последний шаг, остальным остается один, два, три — как кому.

Под петлю становится человек, наказываемый за запрещенную торговлю. На набережной Даугавы он выменял у рабочих пилорамы на последнюю рубашку кусок хлеба. Сегодня у него пиджак надет на голое тело. Он покупал жизнь, а купил смерть. И снова звучит команда:

— Шаг вперед — марш!

Третьего, известного во всей Европе австрийского музыканта, повесили за неприветствие. Он вовремя не снял шапку перед бывшим мясником, теперешним помощником коменданта лагеря ротенфюрером Теккемейером.

Колонна осуждённых становится всё короче, а число снятых с петли растёт. Однако доктор не удовлетворен: мало крови, мало предсмертных криков. Караемых так замучил Саласпилский лагерь смерти, что им всё стало безразличным. Им больше ничего не жаль. Даже жизни. Виселица их не пугает, не волнует. Кажется, они желают скорее уйти из этой грязной атмосферы. Вот обреченный на смерть залезает на скамью, поднимает голову и сам набрасывает себе петлю на шею. Ни одного крика испуга, ни одного нервного движения.

Но Ланге нравятся человеческие слезы, боль, страдания. Он жаждет крови. Прибыв в лагерь, он всегда направляется на охоту. Недавно он около пилорамы пустил пулю в голову чешскому юристу, присевшему на доски отдохнуть. Такая же участь постигла профессора Пражского университета, который, спрятавшись в вереске, варил картофель, тайком раздобытый у сочувствующих людей. Даже накануне своей свадьбы — это уже было к осени — Ланге приехал сюда, в лагерь, и стал вешать и расстреливать людей.

Доктор Ланге жаждал крови и в тот день.

— Прекратить! — раздаётся его команда из беседки, и палачи поспешно снимают петлю с шеи очередной жертвы.

Господа совещаются. Дамы сидят, от острых переживаний стиснув голову руками, и молчат.

В караульное помещение мчится вестовой. Спрятав трубку в карман, поднимается Теккемейер и расстегивает кобуру пистолета. Он направляется к повешенным, сложенным на земле и, как обычно, каждому вгоняет пулю в ухо. Вернувшись к дамам, он поясняет:

— Иначе нельзя, уважаемые. Люди большие симулянты и жулики. В лагере был случай, когда повешенный ожил, но притворившись мертвым, добрался живым и здоровым до кладбища! С того времени меня не проведешь... (Случай, о котором рассказывал Теккемейер, произошёл в мае 1942 года, очевидцы вспоминают:

За лагерной кухней поднимался лёгкий дымок. Там, стоя на коленях, какой-то невысокий смуглый еврей из Вены что-то долго варил в алюминиевом котелке. Он был так погружён в работу, что не заметил, как подошёл ротенфюрер Теккемейер.

Разжигать костер и варить пищу в лагере строго запрещалось. Теккемейер, не вынимая изо рта трубки, по-звериному рывкнул.

Варивший обед вскочил на ноги, сорвал шапку и вытянул руки по швам. Ротенфюрер пнул кованым сапогом закоптевший котелок. Он опрокинулся. На вереск полилась коричневатая жидкость, в которой плавали три-четыре кусочка подметки.

— Так, так, — помощник коменданта, нагнувшись, рассматривал содержимое котелка. — Саботаж...

— Простите, господин ротенфюрер. Есть хотелось... — У заключённого го начал дрожать небритый подбородок.

Теккемейер взгляделся в лицо смуглого мужчины и что-то вспомнил.

— Постой, постой. Мне твоя морда знакома.

— Я сапожник, господин комендант. — Он умышленно повысил ротен-
фюрера в должности. — Я на прошлой неделе вам новые сапоги...

— У меня с тобой были другие счеты. Тебя не наказывали в лагере?

— Наказывали, господин комендант...

— Пороли за неприветствие?

— Нет, господин комендант, я вас всегда приветствую.

— За что же тогда?

Короткое молчание.

— За варку супа из подметок, господин комендант. Из обрезков, кото-
рые на обувь не годятся. — Сапожник с сожалением посмотрел на опроки-
нутый котелок.

— Не вр! — Теккемейер замахнулся палкой. — За такие дела мы веша-
ем. Вчера ещё...

Сапожник обеими руками разорвал у рубашки воротник и запрокинул
голову. Казалось, что у него под подбородком повязана синяя полинявшая
лента.

— Господин комендант, вы уже вчера меня... Вот!

Теккемейер вынул изо рта трубку и с неподдельным любопытством стал
рассматривать синюю полосу.

— Верно, — со знанием дела констатировал он. — Но как это так:
тебя же вчера повесили!

— Господин комендант, меня только вешали, а не повесили. — Сапож-
ник опустил голову. — Когда меня сняли из петли, я был ещё жив. Я лишь
притворился мертвым, чтобы меня унесли. Заговорил я только около ямы.
«Дружочки, милые, — сказал я носильщикам, — мне повезло, я остался
жив!» Друзья ужасно перепугались. Потом начали ругаться: «Мошенник,
— говорили они, — а мы тебя тащили. Хотя бы от ворот шёл сам». Они
правы, я позволил им нести себя такой кусок, а сил у них мало. Мог ведь
от ворот идти.

Теккемейер слушал, не шевелясь. Тонкие губы нервно жевали мундштук
трубки, язык передвигал её из одного угла рта в другой.

— Так, так. А как ты попал обратно в лагерь?

Еврей безнадежно развёл руками.

— Некуда идти, господин комендант. Знакомых нет, языка не знаю. Уп-
росил могильщиков, чтобы разрешили идти обратно, только никому не го-
ворили... Так я снова работаю в мастерской, шью сапоги. Только с едой
плохо. Старший барака говорит, что я снят с довольствия. Не дает ни
хлеба, ни супа. Лишь потому и вожусь с этими кожаными лоскутами...

— Пойдём! — Теккемейер прервал рассказ и указал палкой в сторону
еврейского барака. — Ты покажешь мне вишневых.

Живой мертвец, ничего не понимая, заморгал глазами.

— Могильщиков покажешь, — пояснил ротенфюрер. — За обман коменданта их надо повесить. Сейчас же.

Сапожник упал на колени. Нет, товарищей выдать он не может. Он и так наказал их, заставив нести себя... У них было так мало сил...

— Хорошо, — спокойно рассудил Теккемейер. — Повесим тебя вторично.

Из барака прибежали двое полицейских и поволокли опустившегося на землю человека к месту казни. Однако вторично сапожника не вешали. Когда он отказался выдать своих товарищей, Теккемейер забил его палкой [Прим. ред.].

Из караульного помещения уже явились шестеро молодчиков, заспанных, угрюмых, наверное поднятых со сна. Не казненных ещё «преступников» перестраивают. Их ставят спиной к охранникам на значительном расстоянии друг от друга. Лязгают затворы винтовок. На сей раз жизнь будет измеряться не шагами, а секундами. Лишь несколькими секундами. Командир — светловолосый юнец старается принять торжественную позу. Зали. Видно, как от пуль подергиваются туловища. Один падает ничком, другой только покачулся. Третий подпрыгивает в воздухе, будто нечаянно наступил на раскалённое железо. Кто-то валится набок, вытягивает ногу и руку. Словно в шутку, дёргает ими...

— Смотрите, смотрите, как страшно и по-разному реагируют на ранение нервные центры! — в восторге восклицает Ланге, припоминая другие совершенно непостижимые случаи.

Однажды в Юмправмуйже он застиг заключённого, который тайком пёк на костре лягушку. Преступник так испугался, что с ним случился нервный паралич! Он совсем не почувствовал вонзающуюся в ухо пулю, стал извиняться и оправдываться. «Простите, господин штурмбаннфюрер, это не мясо...»

Первый залп скосил не всех, ещё стоит смуглый мужчина. Красные пятна, расплывающиеся на рубашке, говорят о том, что в его спину вошло несколько пуль. Но он не падает. Он резко поворачивается к стреляющим молодчикам, идёт к ним и протягивает руку для приветствия...

Залп. Все убиты. Представление окончено. Господа и дамы встают.

— У вас крепкие нервы, господин доктор. — Одна из дам спешит накрасить губы.

— У меня? Вешал ведь еврей, стреляли латыши, — наигранно удивлялся Ланге, пожимая плечами и оставляя дам на попечение Кауфмана. Он с Теккемейером должен ещё проверить расстрелянных. Не остался ли кто в живых.

Вечером около кухни комендатуры собрались охранники, которые приводили приговор в исполнение. Штурмбаннфюрер приказал выдать им дополнительно по сто граммов мармелада.

КОНЕЦ КАНГАРА

Настоящее имя этого палача было Кандерс, но мы его звали Кангарс (Кангарс — имя предателя из латышской легенды, ставшее нарицательным. [Прим. ред.]). В Саласпилсе он делал то же самое, что семьсот лет назад его тезка — предавал свой народ.

Этот мрачный, всегда насупленный, малоразговорчивый садист выполнял в лагере роль чиновника по особым поручениям. Он расследовал нарушения, совершаемые заключёнными: например, усталый узник присел на работе или пытался тайком отправить письмо родным. За малейшее нарушение комендант по предложению Кандерса присуждал до ста ударов и затем зачислял избитых ещё в штрафную группу. Фактически человек приговаривался к смерти.

Неизвестно, какими методами Кандерс принуждал даже невиновных людей признаваться. Из его кабинета заключённый выходил с выпяченными от ужаса глазами и дрожащими руками. Если у него спрашивали, что Кандерс сделал, тот не отвечал, а только хватался за голову.

— Ужас... Не спрашивай... Нельзя говорить...

Остался ли сегодня среди живых хоть один человек, кто по инициативе Кандерса получил сто тяжелых ударов и выдержал затем штрафную группу? Он мог бы открыть страшную тайну, связанную с кабинетом Кандерса. Сам Кандерс не может этого сделать. Его больше нет. Палача настигла смерть у его же инквизиторского стола летом 1943 года.

...Однажды, во второй половине дня (об этом рассказали заключённые, дежурившие в комендатуре вестовыми-бегунами), после короткого телефонного разговора заведующий канцелярией Бергер подошел к коменданту Никкелю и встревоженно доложил, что близ станции Саласпилс шатаются трое подозрительных людей. Человек, который сообщил об этом, полагает, что это парашютисты, и просит коменданта срочно вмешаться.

— Будем действовать, конечно, — проворчал Никкель и уже подпоясал ремень с пистолетом, но дойдя до двери, остановился в раздумье.

— Парашютисты? Но у них ведь оружие! Выделите сильную охрану и...

— Будет сделано! — Бергер незаметно ускользнул, боясь, что комендант назовет его имя.

Через час охрана привела в лагерь троих мужчин. Один из них, высокий атлет, был спокоен, казалось, даже усмехался. Двое пониже, в спортивных куртках, были явно взволнованы. Ну что это за парашютисты!

— Обыскать! — приказал Никкель конвоирам.

Охранники обыскивают задержанных с головы до ног. Потом ведут в комендатуру и передают в распоряжение чиновника по особым поручениям Кандерса. Самому коменданту Никкелю и заведующему канцелярией Бергеру сейчас некогда заниматься этими бродягами. Пусть Кандерс проделает чёрную работу — выяснит, что это за птицы. Никкеля и Бергера ждут более приятные дела.

Со всех барачков уже гонят в сторону комендатуры по два, по три узника. Их выстраивают на площади перед комендатурой. Пришёл час очередного объявления и исполнения приговоров. Кандерс снова поработал на славу: в двух рядах сорок человек. Каждый из них получит по 25, 50 или даже 100 ударов.

Теккемейер уже прохаживается по дорожке, размахивая плетью. Что за чудесная получается штука, если на стальную плеть натянуть тонкую резину! Серая потрёпанная одежда заключённых рассекается от одного удара. После

трёх ударов брызжет кровь. Тот, кто получил десять, пятнадцать, уже умолкает и теряет сознание. Больше двадцати пяти ударов никто не выдерживает. Поэтому после этого числа экзекуцию прерывают. Те, кому присуждено больше ударов, должны приходиться в конюшню и ложиться на скамью для порки ещё один, два, а то и три раза... Разумеется, когда заживут раны.

Орудия порки — резиновые дубинки держат в руках также Никкель и Бергер. Они с нетерпением ждут, когда можно будет пойти в конюшню. Порка людей — единственное физическое занятие и спорт лагерного начальства. К тому же тяжёлое. Поэтому тренировки всегда назначаются после сытного обеда и дневного отдыха.

Никкель сунул свою дубинку под мышку, вынимает из нагрудного кармана пиджака составленный Кандерсом приказ и читает: «Комендант Саласпилсского трудового и воспитательного лагеря...»

Он останавливается. Что такое? В комендатуре раздался выстрел? Что он, Кандерс, с ума сошёл! Это уже слишком. Второй выстрел. Фашисты в недоумении оборачиваются в сторону комендатуры.

На лестнице с пистолетом в руке появляется задержанный мужчина атлетического сложения. Он наводит его на палачей... Но почему нет выстрела? Оружие отказало! С напряженным лицом мужчина целится то в одного, то в другого фашиста, но пистолет не стреляет. Именно теперь, когда час мщения настал!

Саласпилские палачи так перепугались, что даже не шевельнулись! Прошло немало времени, прежде чем они опомнились и схватились за оружие. Несколько пуль впиваются в хребца. Как подкошенный, он падает.

На лестницу комендатуры выбежали и другие двое задержанных. Фашисты направляют пистолеты на них. Но стрелять уже нет необходимости. Оба стоят с поднятыми руками. Испуг переходит в злость. Фашисты раздевают парней догола, перед тем засыпав им в глаза песок. Потом связывают им руки за спиной и начинают избивать камнями, рукоятками пистолетов, ногами.

— Где оружие? Сдать оружие!

Никто не заметил, как атлетический мужчина зашевелился, уперся руками в песок и встал. Кто придал ему нечеловеческие силы вырваться из оков смерти? Ответ был написан на его лице: неугасимая ненависть к поработителям и убийцам. Смертельно раненый человек бросился на фашистов с кулаками, и они остались крепко сжатыми, когда его вторично свалили пули.

В тот день комендант издал особый приказ, в котором выразил сожаление по поводу того, что при исполнении служебных обязанностей погибли чиновник по особым поручениям Кандерс и обершарфюрер Дзенис. Комендант подчёркивал и одновременно предупреждал: если бы пал хоть один немец, в лагере был бы расстрелян каждый третий заключённый.

Гитлеровцы ценили себя очень высоко. Они несколько не смущались, что такой приказ унижает их латышских приспешников. Подобные случаи в лаге-

ре повторялись часто. Когда Саласпилсскую комендатуру принял Курт Краузе, староста лагеря Видужс, всегда и везде лебезивший перед господами, побежал открыть дверь новому начальнику. Однако Краузе эту услужливость истолковал иначе. Ему показалось, что Видужс хочет первым войти в комендатуру. Он пнул его ногой и рывкнул:

— Свинья! Как ты осмеливаешься лезть вперёд коменданта! Видужс отскочил как ужаленный и вытянулся:

— Так точно, господин комендант! Виноват!

Всё это происходило на глазах у других работников комендатуры и охраны. Этот оскорбительный пинок видели и многие заключённые, которые работали вблизи. Видужс потом отомстил им за это. До полуночи гонял он людей по кольцевой дороге, напрасно стараясь смыть свой позор.

Ежедневно подвергались унижениям и молча сносили их латышские добровольцы, которые несли службу охраны. Однажды, явившись в лагерь, Ланге, как обычно, вышел на «охоту». Стреляя какому-то еврею в упор в ухо, он забрызгал кровью свою белую замшевую перчатку. Ланге подозвал пальцем конвоира, оказавшегося поблизости. Не подпустив его к себе, он издалека бросил ему перчатку. Конвоир не поймал перчатку, и она упала в песок. Ланге поднял её сам и стал бить ею конвоира по обеим щекам. Эту сцену также видели многие узники.

— Если у охранника было бы хоть немного собственного достоинства... — смотрели мы, затаив дыхание.

Униженный, вымазанный в кровь, стоял доброволец, как ягненок, вытянув руки по швам. У него не было ни собственного достоинства, ни совести. На другой день стоило Ланге кивнуть головой, и он, задыхаясь, бежал мучить и убивать своих соотечественников. Это был отщепенец латышского народа...

Но что же произошло в комендатуре?

По всей вероятности, Кандерс, как обычно, начал допрос с пыток. Но на сей раз ему попался вооруженный, отважный, полный собственного достоинства человек. Да, вооруженный!

Никто не догадался, где он спрятал своё оружие. Но оно вдруг оказалось в его руках. Он выстрелил Кандерсу прямо в сердце. Палач успел написать только два слова: «Протокол допроса...» Услышав выстрел, в комнату Кандерса вбежал эсэсовец Дзенис, который в коридоре комендатуры охранял остальных двух задержанных. Ему тоже хватило одной пули.

Если бы задержанные воспользовались оружием обоих застреленных фашистов и напали на охрану, они могли уничтожить её и выйти из лагеря невредимыми. Почему они этого не сделали? Видимо, оба юноши в спортивных куртках встретились с парашютистом (так мы называем убитого по сей день, хотя не знаем, кем он был в действительности) случайно. Поэтому они и не вмешались в трагический конфликт. Они надеялись остаться в живых и подняли руки.

Ян Двожанский.

Продырявленного шестью пулями парашютиста бросили под досчатый навес и оставили там на ночь. Как только эсэсовцы ушли, у его ног появилась охапка вереска — единственных цветов в Саласпилсе. В ту ночь Саласпилский лагерь был встревожен и таинственен. Казалось, вокруг бродят тени. Пренебрегая опасностью, узники тайком вылезали через окна бараков и ползли к досчатому навесу. Все хотели видеть смельчака, лежавшего там со сжатыми от ненависти кулаками. Он как бы наказывал заключённым: «Держитесь! Борьба ещё не закончена!»

(Когда К. Сауснитис писал свои воспоминания, он ещё не знал имя отважного героя, вступившего в схватку с фашистскими палачами. Этот подвиг совершил насильно привезенный из Польши в Ригу польский патриот Ян Двожанский. В тот день он вместе со своим братом Юзефом Двожанским и Владиславом Майхшаком пешком пришёл из Риги на железнодорожную станцию Саласпилс, чтобы оттуда поехать к восточной границе Латвии для установления связей с партизанами. Поляки, очевидно, рассчитывали, что на маленькой станции им сесть в поезд будет более безопасно, чем на железнодорожном вокзале в Риге, но получилось наоборот: выбранный ими полустанок оказался воротами в гитлеровский ад — Саласпилский лагерь смерти. Каждый посторонний человек на этом «тихом» полустанке задерживался и тщательно проверялся. Не избежали этого и они. Рижские подпольщики снабдили польских товарищей надёжными документами, и они спокойно последовали за полицейским в участок для регистрации их пребывания на железнодорожной станции Саласпилс. Но «полицейским участком» оказался Саласпилский концлагерь, а «сельский полицейский» — кровавым палачом, следователем полиции безопасности и СД Кандерсом. Только тогда, когда ворота лагеря закрылись, польские рабочие поняли, куда они в действительности попали.)

В комендатуре лагеря Кандерс и другие гестаповцы решили тщательно обыскать задержанных и с этой целью приказали им раздеться догола. Тогда Ян Двожанский выхватил спрятанный в голенище сапога пистолет и в упор застрелил двух палачей, ранив третьего. Следующим, кто должен был получить заслуженное возмездие, был заместитель коменданта лагеря Теккемейер. Двожанский уже прицелился в него и нажал курок, но пистолет дал осечку. Пока Двожанский пытался привести оружие в порядок, к нему подскочил холуй палачей — заключённый уголовник Личиньш, ранее служивший в гитлеровской полиции, который выбил пистолет из руки. Яна

Двожанского настигли вражеские пули, а Юзеф и Владислав были захвачены живыми и подвергнуты страшным пыткам. [Прим. ред.]

ДРАГОЦЕННОСТЬ САЛАСПИЛСА

Он уже давно стоял в конце кухни. Его приподнятая голова с едва приоткрытыми губами и прищуренными глазами слегка дрожала. Временами он напоминал человека, который дегустирует редкое вино или слушает чудесную музыку.

Мы сидели вдоль кухонной стены с замотанными в тряпье ногами и кололи камни. В лагере строили большую кольцевую дорогу. Двенадцать мужчин, впряжённые, как лошади, тащили дорожный каток.

— Эй, что ты там делаешь? — окликнул кто-то из нас стоявшего.

Человек встрепенулся, будто пробуженный ото сна.

— Он ведь не понимает. Или не видишь: жёлтая звезда на спине. Иностранец.

Ребята, кто знает немецкий?

Кто-то знал.

Испуганно озираясь, иностранец подошел ближе. Нам не разрешалось встречаться, разговаривать, брататься. За это грозила смерть.

— Я пью, — ответил он.

— Пьешь! Но что?

— Запахи.

Мы переглянулись. Ну и плетет... Склад полон силоса «новая Европа», вчера туда вкатили ещё десять бочек с гнилыми головами салаки, только что сгрузили три тонны посиневших лошадиных ног, а ему — запахи. Кругом такая вонь стоит!

— О нет! — запротестовал чужак и издалека как бы погладил рукой стену кухни. — Там, в том углу, хлебный склад. Разве вы не чувствуете? Я открыл его и прихожу сюда каждый день. Прихожу понаслаждаться, попробовать, точно как в рижской гостинице «Рим», — усмеялся он.

— Вы из Риги? — удивился переводчик.

— Нет, я жил в Праге, в Чехословакии. Но Ригу никогда не забуду. Точнее говоря, гостиницу «Рим». Останавливался я в ней только раз, а из памяти не выходит.

— Понравилось?

— Тут совсем другое... Разрешите, я присяду около вас. Если тут долго стоять и разговаривать, увидит Теккемейер. Это чудовище утром уже переломило одному позвоночник палкой. Инженеру, умному человеку. Он в своё время оборудовал автоматическую телефонную станцию во Франкфурте-на-Майне...

Пододвинули здоровенный булыжник и пригласили гостя присесть. Выставили наблюдателей, чтобы не накрыли фашисты. Нарочно постукивали молотками. Наш гость поднял с земли серый каменный осколок и некоторое время рассматривал его, будто там было написано, о чём ему говорить.

— Я владелец бумажной фабрики, — начал он. — Миллионером не был, однако угостить всех вас великолепным ужином в ресторане «Рим» мог бы за

Строительство дороги. К. Буш.

— Разумеется, подтвердил рассказчик. — Мне же надо было принимать государственных чиновников, финансистов, руководителей хозяйственных организаций. Банкеты и обеды происходили каждый день. Помню, у вас очень ароматный лосось, сочные индюшки и нежное жаркое косули...

— Кончай, кончай, — проворчал кто-то. — Начинает сводить живот...

— Что ваш товарищ сказал? — спросил рассказчик.

— Он говорит: такие лакомства нам теперь быгодились, — пошутил переводчик.

— Вы очень нетребовательны, — удивился пражанин. — Я хотел бы чего-нибудь получше, что тоже можно было получить в гостинице «Рим». В то время я пренебрёг этим, зато теперь и думаю каждый день.

— Господин остается господином, — толкнул меня в бок дворник из Риги, попавший в Саласпилс за передачу хлеба военнопленным. — У самого глаза опухли от голода, а ещё бракует жаркое. Тьфу!

Рассказчик не обратил внимания на реплику. Он продолжал:

— Это случилось вечером, накануне отъезда из Риги. Пришёл я в гостиницу с банкета, который в честь меня давал министр финансов. Мой изысканный желудок, любивший всё легкое, измельчённое, взбитое, не был удовлетворён. Не осмелившись соревноваться с латышскими желудками в переваривании свинины, гусятины, миноги и лососины, он остался полупустым, а сам я — сделался нервным и раздражительным. В полночь я велел позвать из ресторана официанта.

Пришёл старый, седой мужчина, уже порядком сторбленный от частых поклонов.

«Ужин!»

«Как прикажете, господин!» — Официант, пятась, исчез и через минуту положил передо мной меню и серебряную хлебницу, покрытую белой-пребелой салфеткой. Прочитав меню до половины, я начал кричать. (Следует заметить, что от шампанского был изрядно навеселе.)

«Опять свиньи и гуси! Опять миноги, угри и лососи!» — Я, размахивая руками, сорвал белую салфетку с хлебницы. И что я увидел! Рядом с ломти-

ками белого лежал чёрный хлеб, который по совету врача я не ел уже семь лет. От злости я стал хрипеть.

«Грубый ржаной хлеб! Вы что, хотите меня убить? Хотите, чтобы я получил заворот кишок! Вон!»

Я скинул хлебницу со стола, и она покатила по паркетному полу в сторону камина.

«Господин, что вы делаете, — официант так пронзительно вскрикнул, что я даже испугался. — С хлебушком так нельзя! Он наша жизнь!»

Он опустил на колени и бережно подобрал каждый ломтик. Последний кусок он громко поцеловал и сунул в рот. Затем повернулся ко мне спиной и ушел. Он презирал меня.

Я уехал из Риги, не попробовав вашего ржаного хлеба. Я знаю: он был хорошим. Даже Федор Шаляпин ценил его. Когда он после гастролей в Риге уезжал в Париж, из гостиницы «Рим» ему две недели подряд самолетом посылали ржаной хлеб. Об этом писали все газеты Европы. А я этот самый хороший хлеб не оценил, охаял...

Рассказчик закрыл лицо руками:

— Я вижу его каждый день. Он валялся на паркетном полу. Вижу старого официанта, который стал на колени. Мне кажется, что он тогда молил хлеб простить меня. Теперь я это делаю каждый день. Жалкий и униженный, прихожу сюда, чтобы склонить голову перед хлебом и вдохнуть его аромат.

Иностранец стал дрожать и всхлипывать. Голод и тяжёлые переживания сломали его физически и духовно.

— Скоро ли обед? — рассеивая мрачное настроение, спросил переводчик.

Пражанин поднял голову, огляделся вокруг и завернул рукав левой руки. На высохшем локте мы увидели маленькие золотые часы с разукрашенной бриллиантами цепочкой. Часы показывали половину двенадцатого.

— Какая драгоценность! — воскликнули мы.

— Что вы! — возразил владелец часов. — Самое дорогое я ношу только за пазухой, около сердца.

Он вытащил из внутреннего кармана белый лоскуток и развернул. В нём оказался кусочек грубого ржаного хлеба.

— Вот что самое дорогое, вот — наша жизнь. Его мне, как собаке, бросила на набережной Даугавы старая пастушка. Подать она не решилась: гитлеровцы за сочувствие строго наказывают. А это, — пражанин пренебрежительно

Вид на перекрёсток Театральной и Крепостной улиц (Вальню). Справа — гостиница «Рим». Здание было разрушено в годы войны. Теперь на этом месте стоит гостиница «Рига».

ками белого лежал чёрный хлеб, который по совету врача я не ел уже семь лет. От злости я стал хрипеть.

«Грубый ржаной хлеб! Вы что, хотите меня убить? Хотите, чтобы я получил заворот кишок! Вон!»

Я скинул хлебницу со стола, и она покатила по паркетному полу в сторону камина.

«Господин, что вы делаете, — официант так пронзительно вскрикнул, что я даже испугался. — С хлебушком так нельзя! Он наша жизнь!»

Он опустил на колени и бережно подобрал каждый ломтик. Последний кусок он громко поцеловал и сунул в рот. Затем повернулся ко мне спиной и ушел. Он презирал меня.

Я уехал из Риги, не попробовав вашего ржаного хлеба. Я знаю: он был хорошим. Даже Федор Шаляпин ценил его. Когда он после гастролей в Риге уезжал в Париж, из гостиницы «Рим» ему две недели подряд самолетом посылали ржаной хлеб. Об этом писали все газеты Европы. А я этот самый хороший хлеб не оценил, охаял...

Рассказчик закрыл лицо руками:

— Я вижу его каждый день. Он валялся на паркетном полу. Вижу старого официанта, который стал на колени. Мне кажется, что он тогда молил хлеб простить меня. Теперь я это делаю каждый день. Жалкий и униженный, прихожу сюда, чтобы склонить голову перед хлебом и вдохнуть его аромат.

Иностранец стал дрожать и всхлипывать. Голод и тяжёлые переживания сломали его физически и духовно.

— Скоро ли обед? — рассеивая мрачное настроение, спросил переводчик.

Пражанин поднял голову, огляделся вокруг и завернул рукав левой руки. На высохшем локте мы увидели маленькие золотые часы с разукрашенной бриллиантами цепочкой. Часы показывали половину двенадцатого.

— Какая драгоценность! — воскликнули мы.

— Что вы! — возразил владелец часов. — Самое дорогое я ношу только за пазухой, около сердца.

Он вытащил из внутреннего кармана белый лоскуток и развернул. В нём оказался кусочек грубого ржаного хлеба.

— Вот что самое дорогое, вот — наша жизнь. Его мне, как собаке, бросила на набережной Даугавы старая пастушка. Подать она не решилась: гитлеровцы за сочувствие строго наказывают. А это, — пражанин пренебрежительно

спрятал дорогие часы в рукав, — смерть! Если гитлеровцы увидят — смерть! Вчера у венского фармацевта, который чистил Теккемейеру сапоги, выпало из грудного кармана золотое кольцо с камушком. Теккемейер поднял его и сунул в свой карман. «Ты, наверное, забыл приказ, что ценности надо сдать в комендатуру?» — угрожающе спросил он и когда сапоги были почищены, выстрелил «преступнику» в голову. Нас вешают даже за два золотых зуба. Поэтому мы выламываем их изо рта сапожными щипцами. Выламываем и бросаем в уборную. Я знаю, в окрестных лесах спрятано много драгоценностей. Особенно когда вокруг лагеря ещё не было колючей проволоки. Тогда каждый день...

— Комендант! — шепнул прибежавший наблюдатель и сам втиснулся между каменотёсами.

Мужчина с желтой звездой сунул лоскуток с саласпилской ценностью за пазуху и, сгорбившись, уполз вдоль кухонной стены. Почти одновременно стали стучать молотки. Разбрызгивая искры, кололись камни.

МЫ УБЕЖАЛИ

ВЕЛТА ЗЕКУНДЕ

До войны работала заведующей Гренчской библиотеки. Когда нацисты ее арестовали, ей не было ещё 17 лет. Из Тукумской тюрьмы девушку перевели в Тилский и Вецмокский концентрационные лагеря, а осенью 1942 года — в Саласпилс. В августе 1944 года В. Зекунде и ещё 11 заключённых совершают побег из лагеря. В 1947 году она оканчивает Рижскую юридическую школу и до 1953 года работает народным судьёй. Позже оканчивает теоретический курс юридического факультета Латвийского университета. В дальнейшем работала адвокатом.

Гитлеровцы арестовали меня в самом начале войны. Пересылали из тюрьмы в тюрьму, пока осенью 1942 года я не попала в Саласпилский концентрационный лагерь.

Не буду рассказывать о всех ужасах и бедах, которые пришлось там пережить. Их описали в этой книге другие. Хочу только вспомнить один случай — как я вырвалась из этого смертельного капкана.

В то время как Советская Армия уже сражалась на латвийской земле и оккупантов, как и их приспешников, пугали темные леса, где обитали народные мстители, мы всё чаще стали думать о побеге. Девушки Алма Палдыня и Елена Брок доказали, что это возможно. Летом 1944 года они убежали из Саласпилского садоводства. Этот смелый шаг нас обрадовал и вдохновил.

Убежать из лагеря, разумеется, было труднее. До сих пор почти все попытки успеха не имели. Смелчакам это стоило жизни. И всё же нас это не пугало. События на фронте только укрепляли наше решение.

Побег организовал Язеп Канепе. Этого парня мы все хорошо знали. Он работал в комендатуре парикмахером и довольно регулярно доставлял нам фашистские газеты. Мы умели даже между строчками лжи прочитать правду и передать её дальше.

Итак, мы, двенадцать человек, из которых ещё помню Миервалда Декниса, Катрину Соболеву, Антонину Фёдорову, Элзу Кирс, Язепа Канепе, Веру Чипот и Генофеву Опинцан, осуществили побег, план которого мы обсуждали много раз, в одну из июльских ночей 1944 года. Незадолго до полуночи Язеп Канепе вывел из строя электросеть во всём лагере. Мы собрались в недавно вырытой яме у самого заграждения, на стороне Риги. Переоделись и тюремную одежду выбросили в уборную, находившуюся там же рядом. Потом подобралась к колючей проволоке. Я обмотала её тряпкой и держала, а Язеп Канепе резал садовыми ножницами. Работали с затаенным дыханием, в груди сильно билось сердце. Казалось, вот-вот всё кончится благополучно, но последний виток вырвался из моих рук и забренчал. Охранники стали стрелять в нашу сторону.

Баракы Саласпилсского концлагеря.

ли живые мосты через проволочные ограждения или грудью закрывали вражеские амбразуры. Мы тоже поднимались на борьбу. Вырвавшись из лагеря, бежали изо всех сил. Высокая трава скрыла наши пригнувшиеся фигуры. Мы бежали и падали. Когда нас нащупывал луч прожектора, мы прижимались к земле. Катрина Соболева потеряла сознание. Это сильно затрудняло наше движение вперед. И все же в ту ночь мы оставили за собой километров двадцать.

Рассветало. Подыскали в лесу убежище — яму и замаскировали её. Я была вместе с Катриной Соболевой и Язепом Канепе. Надо было отдохнуть, набраться сил, но нам не давали уснуть нервное напряжение и радость, что мы свободны, свободны! Затем мы расстались. Язеп Канепе отправился к каким-то дальним родственникам, чтобы достать пищу и одежду, и больше не вернулся.

Его схватили, привезли обратно в Саласпилс, пытали и, наконец, на глазах у всех повесили. Он не выдал ни одного соучастника побега, не отвечал даже на вопросы истязателей. Бывшие заключённые и сегодня помнят Язепу Канепе как настоящего героя.

Вскоре после побега была схвачена и Генофева Опинцан, всегда веселая и энергичная девушка, любившая повторять:

*Хотеть — значит мочь,
а мочь — значит побеждать!*

Она молча вынесла пытки. Её расстреляли.

Схватили также Миервалда Декниса. Его тоже убили.

Нам, остальным, посчастливилось — мы остались в живых. Но что бы мы ни делали, где бы ни находились, как бы ярко ни светило солнце, мы не забудем погибших товарищей, нам всегда будет казаться, что через плечо смотрят на нас множество глаз, тех смелых и ясных глаз, что засыпаны саласпилским песком.

В ТОМ ДВОРЕ СМЕХ НЕ РАЗДАВАЛСЯ

АКИЛИНА ЛЕЛИС

Фашисты арестовали её в 1941 году. Срочная тюрьма, Центральная тюрьма, Саласпилс, Равенсбрюк, Бельциг — эти пропасти смерти окончательно разрушили её здоровье. В Саласпилсском лагере она работала в детском бараке. «Отнятые у матерей дети умирали на наших глазах, а мы не могли помочь им, ибо у нас, санитарок, самих не было того, чего требовалось детям, — хлеба», — вспоминала она. Мужа Акилины Карлиса фашисты расстреляли в 1944 году за активную подпольную деятельность.

Мне нравится присесть у окна и смотреть вниз во двор. Это обыкновенный двор; во многом он напоминает десятки других — штабели дров, цветы и... дети. Всё равно, светит ли солнце, пасмурно ли или дует ветер, — в любую погоду наш двор полон жизни. Не умолкают звонкие, беззаботные детские голоса. Детские...

Всегда, когда я слышу эти голоса, этот ликующий смех, сердце сжимается от боли. Вспоминается другой двор — деревянные бараки, колючая проволока и... тоже дети. В том дворе смех не раздавался: дети были... живыми трупами.

Да, в Саласпилсском лагере смерти находились тысячи детей, которые разучились там смеяться. Помню, как их привезли.

Стояла суровая зима 1943 года. Гитлеровцы пригнали сюда людей из разных концов Белоруссии. Несчастные тогда ещё не знали, что здесь будет их могила. У них отняли всё — одежду, продовольствие и... детей. Была, помню, ужасно холодная февральская ночь. Вдруг мы услышали громкие голоса фашистов. Привезённых выгнали во двор и заставили раздеваться.

— В баню поведем! — сообщили им коротко.

— Голых?

— А вы как хотели? Может, в вечерних платьях из парчи и смокингах? — издевались над несчастными фашисты. Они могли себе это позволить: в их руках были оружие, плети, смерть.

В баню гнали всех вместе: мужчин, женщин и детей. Делали большой крюк мимо лагерных барачков, чтобы дорога была длиннее. Февральский мороз захватывал дух. Мы слышали, как плакали дети, прижимаясь к матерям, чтобы согреться. Как спасти крошек от объятий ледяного ветра! Матери со слезами на глазах прижимали к себе малышей (там были и грудные дети), дышали на них, растирали и гладили голыми окоченевшими руками. Старшие (в возрасте от двух до девяти лет) кое-как топали сами. Они плакали и умоляли, чтобы мамы отвели их домой. Мороз жег их маленькие ножки, а дорога была длинной и смех эсэсовцев издевательский. Казалось, они не видят стянутые болью в гримасу личики, не слышат отчаянные голоса. От фашистов нельзя требовать человечности. Они не знали, что это такое.

Мы в ту ночь не спали — просто не могли, слыша стоны несчастных. Голыми они должны были пройти километр туда и обратно. Многие малыши не дожили и до утра. Кое-кто из младенцев замерз на обратном пути, и несчастные матери напрасно старались своим дыханием раздуть искорку уже угасшей жизни. У остальных детей ночью или на другой день начался жар. Через несколько дней угасли и они. А оставшихся в живых отняли у родителей. Мы слышали, с каким отчаянием спрашивали матери:

— Пожалейте! Оставьте наших детей! Пожалейте! Гитлеровцы оставались глухими. Они ничего не слышали, ничего не чувствовали. Бессердечные, как камни, и безжалостные, как варвары, — они вырывали детей из рук матерей и запирали их в отдельные бараки. Малыши прилипали к окнам, стучали и звали, просили и плакали... В бараках, куда их поместили, не прекращался детский плач и стон.

— Мамочка, мамочка, не уходи!

— Мамочка, останься!

— Мамуличка!

Наш барак находился недалеко от детей, и мы всё слышали. Слезы, стоны и отчаяние. Там находились дети до шести лет. Старших посадили на машины и увезли. Куда? Никто этого не знал. Никто из увезённых не вернулся. Потом увезли матерей. Они тоже не вернулись.

Около двадцати наиболее красивых девушек нарядили в одежду убитых евреек и тоже увезли. Их увезли в Ригу, в публичные дома для развлечения гитлеровских офицеров.

В лагере остались самые маленькие. Без матерей, без присмотра — на произвол судьбы.

— Надо помочь! — решили мы. Несколько женщин взялись ухаживать за детьми. Я в то время работала в швейной мастерской, и меня не хотели отпускать. Но кого-то надо было посылать в барак к заключённым детям — им нужен был уход. Малыши не так быстро умирали, как того желали фашисты.

Когда мы, несколько женщин, которым доверили уход за детьми, явились в барак, перед нами открылась страшная картина. В бараке на голых нарах лежали полуголые дети разных возрастов. Некоторые из них умели только ползать, многие не могли даже сидеть. От ужасного запаха можно было задохнуться. Пятьсот детей в течение нескольких дней все свои естественные надобности отправляли тут же, в бараке. Грудные так перепачкались, что не видеть было глаз.

Прежде всего требовалась теплая вода. Узники мужчины пришли на помощь, раздобыли посудину и нанесли воды. Прошло двенадцать часов, пока всех детей обмыли. Но как одеть, во что? Имевшаяся у одного-другого ребенка одежда была вся в грязи и вшах. Её сожгли. Кое-что собрали в женских бараках, пошили пелёнки и рубашечки. Наконец дети были прибраны. Но это было самое простое, чем мы могли помочь. Младенцы жалобно плакали. Те, что были постарше, цеплялись за подол. Все просили одного и того же:

— Тетенька, хотим кушать! Очень, очень хотим!

У нас ничего не было, мы сами получали тот же голодный паёк, что и они: кусочек хлеба, кружечку чёрного кофе и тарелку вонючих щей. А грудным детям нужно молоко. Где же его взять?

— А что, если поговорить с Юрием? — предложила моя подруга по бараку.

— Действительно, Юрий Видже работает на кухне. Он мог бы помочь...

— А пойдёт ли он на это?

— Захочет ли он рисковать своей жизнью?

Юрий Видже согласился. Ради детей. Ради чужих детей. Но разве мы были чужими? Нет! Мы были членами одной несчастной семьи. Вместе будем бороться, вместе умрём. Таков был наш принцип, давший нам силы выстоять.

Юрий тайком доставал молоко из кухни комендатуры. Мы разбавляли его кипячёной водой и давали младенцам и самым слабеньким. Но... их становилось всё больше... Самых маленьких и слабых мы разместили на первом ярусе нар — они требовали больше внимания. В бараке всё больше и больше распространялись различные болезни: корь, дизентерия... Просили фашистского врача осмотреть детей, дать лекарства. Но он равнодушно махнул рукой:

— Одним больше или меньше...

Ежедневно умирали десятки детей. Трупы, как поленья, складывали в ящики и увозили. Наконец из Риги прибыл немецкий врач и привез какие-то медикаменты, которые велел давать всем детям. От них малыши сразу умирали. Мы поняли, что здесь никого не беспокоит судьба несчастных детей. Наоборот, гитлеровцы хотят быстрее избавиться от них. Лишний балласт в лагере. И мы не искали больше этих гитлеровских «врачей». Поговорили со своими людьми. Среди нас тоже были врачи, например доктор Бдилс и Олейников.

Лекарствами ээсовских врачей Бдилс был чрезвычайно возмущен:

— Негодяй! Это же умышленное убийство детей! Ни в коем случае больше не давайте их!

— А что делать с клизмой? Её заставляют приготавливать из детской мочи...

— Чтобы быстрее освободиться от детей? — воскликнул доктор Бдилс. — Нет, ни в коем случае!

Мы послушались своего товарища. Однако наши заботы мало помогали. С каждым днём детей становилось все меньше и меньше, все выше были нагруженные трупами возы, которые отправлялись на «кладбище»... Угасла и моя любимица Вероника.

Маленькая Вероника! Ей было только пять лет, а взглянешь в глаза — сердце сжимается от боли. Так смотрят лишь взрослые, прошедшие сквозь

У матерей отнимают детей. К. Буш.

Дети-узники нацистского лагеря.

на руки, поднесла к окну. Девочка снова вспомнила свою бабушку. В это время двор переходила какая-то сгорбившаяся женщина.

— Видишь, Вероника, вон твоя бабушка! — умышленно солгала я девочке.

— Не говорите так, тетя. — Она по-взрослому печально покачала головой. — Мою бабушку замучили гитлеровцы...

Потом я услышала об ужасной трагедии родных Вероники. Когда немцы узнали, что отец и мать девочки сражаются за свободу Родины, они подожгли родной дом Вероники, а деда и бабушку убили на глазах девочки.

Мне стало стыдно за свою ложь. Я старалась как-нибудь развеселить малышку, но мне это не удавалось. Однажды утром маленькую Веронику, как и многих других детей, вынесли из барака и бросили на телегу.

Она угасла тихо, как свеча, которую медленно пожирает пламя. Жизнь ребёнка унесли голод, боль и насилие.

В бараке снова показался фашистский врач:

— Какие дети здесь самые здоровые?

Вначале мы не поняли, что означает этот внезапный интерес. Мы показали. Но наша откровенность для многих малышей оказалась роковой. Врач у этих самых «здоровых» взял кровь, и уже через несколько часов они уснули навеки.

Однажды нам сообщили: в лагере будет оборудована детская больница. Только теперь, после того, как болезнь скосила сотни детей! Какой она будет, эта гитлеровская больница! Какие приемы убийства там будут испытывать! Из моей группы туда поместили десять детей, вернулась только половина. Войдя в барак, они ласкались ко мне, плакали и просили:

— Милая тетенька, не посылай нас обратно в больницу. Пожалуйста, не посылай!

— Мы не хотим туда!

Как перепуганные птенцы, они забились в самые темные углы верхних нарах. Что они вытерпели в больнице, мы узнали только позднее от заключённых, ухаживавших за ними. Так, Думпе, работавшая в 12-м бараке (в нём размещалась больница), рассказывала, что больные дети спали по двое, по трое в одной кровати. Все они получали лекарство от дизентерии, хотя у многих

трясину жизни. До сих пор вижу, как она металась по своим нарам, обхватив головку слабыми ручонками.

— Моя бедная бабушка, — время от времени вспоминала она и всхлипывала.

Другие плакали, а она никогда. Поэтому, наверное, Веронике было намного тяжелее. Рано она повзрослела. Как-то взяла я её

поноса не было. Положение больных с каждым днем становилось всё хуже и хуже. Думпе прекратила давать им лекарство и, как приказал нацистский врач, ставить клизму из мочи самих больных. Когда через несколько дней врач снова появился в бараке, он был немало удивлен:

— Ну и живучи же эти азиаты!

Думпе действовала правильно, не выполняя распоряжений убийцы. После этого санитарок стали контролировать. Эсэсовцы прямо спрашивали:

— Почему так мало умирают?

Санитарки в недоумении молчали. А эсэсовцы издевались:

— Лучше здесь протянуть ноги, чем висеть на столбе вверх ногами.

Сердце сжималось от такой жестокости.

Несмотря на наши старания, мы всё же проиграли бой за этих несчастных малюток, которые никому ничего плохого не сделали. Жестокость фашистов оказалась сильнее нашего упорства и любви. Никто из этих несчастных детей так и не дожил до сегодняшнего дня. Саласпилский песок стал их последним приютом.

Прошли годы. Многое забылось. Но всегда, когда я слышу смех, беззаботный детский смех, вижу сияющие личики детей, я думаю о тех тысячах, жизнь которых угасла в саласпилских бараках. Их смерть — грозный приговор фашизму, предупреждение всем нам («В Саласпилсе детей истязали остревенело. Делали им впрыскивания какой-то жидкости, и после этого дети истекали поносом. Давали им отравленную кашу и кофе, и от этого в день умирало до 150 человек» — Э.К.Салиюмс.

«Еще хорошо помню, как провинившихся людей по команде “Gulties!” (“Ложись!” — с латышского), “Celtics!” (“Вставай!” — с лат.) мучили до тех пор, пока люди не могли встать, тогда их пристреливали» — Валентина Жолудева.

«На всю жизнь я запомнила, как на моих глазах маленькому мальчику, лет трёх, штыком прокололи живот, а потом застрелили и его мать. Такого зверства я не могу забыть до сих пор» — Анна Красовская.

«Заболевшим корью детям что-то впрыскивали, после чего начиналось воспаление глаз, и через несколько дней глаза вытекали» — М.Г.Бринман.

Бывшая жительница Краславского района Асунской волости деревни Ковалёво Шукель М.И., 1939 года рождения, уверяет, что испытывает сильные боли на спине оттого, что у неё, девочки 3,5 лет в Саласпилсе брали кожу со спины для пересадки её обожжённым немецким танкистам — [Прим. ред.]).

ТРАГЕДИЯ

ВИЛИС РИЕКСТЫНЬ

Был заключён в Саласпилсский лагерь за активную профсоюзную деятельность. Арестовали его в Цесисе, откуда перевели в Рижскую Центральную тюрьму. В тюрьме В. Риекстыня неоднократно избивали, хотя конкретных обвинений ему не предъявляют. В Саласпилсе он был до последнего дня существования лагеря. После войны работал старшим механиком в системе Латвийской базы океанического лова.

В обнесённые колючей проволокой ворота Саласпилсского лагеря въехало несколько грузовиков, заполненных людьми. В лагерь смерти прибыли первые сотни граждан Белоруссии. В их регистрационных карточках была запись: «эвакуированные». Этим людей только подозревали в том, что они помогают партизанам. Те, кто хоть в какой-то мере были уличены в оказании помощи партизанам, расстреливались на месте.

Среди прибывших было много детей, подростков и пожилых людей. Не было видно ни одного молодого сильного мужчины.

Их поместили отдельно. В бараки, в которых обычно ютилось 200-300 заключённых, было втиснуто от 700 до 800 человек. Прижатые друг к другу, они лежали на нарах, на полу, на единственном столе. Эвакуированные имели с собой продовольствие — муку, крупу, горох, мясо, мёд и другие продукты, которые они успели вытащить из горящих домов. Всё это у них отняли. Лучшее продовольствие попало на кухни коменданта и охраны. В первые же дни отделили всех работоспособных и направили на работу. У матерей отняли детей. Грудничков и малышей постарше поместили в так называемый детский барак. Старшими ребятами заполнили другой. Самым маленьким, повесили на шею картонные жетоны, на которых было написано имя, фамилия и возраст. Однако малыши перепутали эти «удостоверения личности», и вскоре возникла такая путаница, что никто больше не мог установить настоящего имени ребёнка.

Последний путь. Линогравюра К.Буша.

В лагере начала свирепствовать корь. Ослабленные дети умирали один за другим. В то же время распространился сыпной тиф, разносимый вшами, которые водились у всех заключённых. Измождённые организмы не были способны сопротивляться болезни. Умирали и взрослые.

Чтобы ликвидировать эпидемию тифа, бараки поочередно дезинфи-

цировали циклонным газом. Заключённые должны были по приказу раздеться догола и бегом отправляться в баню. После бани их сгоняли в пустой продезинфицированный барак, где на полу была разостлана солома. Здесь надо было оставаться пока дезинфекции подвергались другие бараки.

Нетрудоспособные — старики, больные и люди с физическими недостатками отбирались в особую группу. Эсэсовцы называли их «кандидатами». Что это означало, мы поняли только позднее.

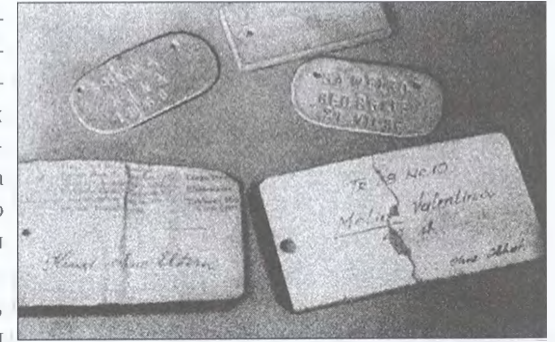
Вспоминаю мужчину, у которого была одна нога. Он шутил: «Что же с нами, калеками, сделают, очевидно поведут в лес!» Была в этой группе и молодая девушка — Нина Быкова. Она хромала. В памяти осталась ещё какая-то пожилая женщина, горбунья, мать двоих детей. 5 мая 1943 года был составлен список этой группы «кандидатов». Комендант сообщил, что их всех отправят в Лиенаю. Туда должны будут поехать и заключённые еврейской национальности, которые ещё не были уничтожены, — примерно 30 человек. Евреев из лагеря увели первыми — уже 5 мая после полудня. Позже мы узнали, что их расстреляли в Бикерниекском лесу...

«Кандидаты» на ночь остались в бараке. Их увели 6 мая утром. Как это произошло, ни один из нас не видел, так как было темно. Только позднее заключённые, которых послали собрать имущество увезённых, рассказывали, что на деревянном полу барака были видны полосы. Несчастных силой волокли к машинам!

В середине лета 1943 года в лагерь вернулись те эвакуированные, которые были посланы на работы и там окончательно обессилели или заболели дизентерией. Они рассказывали, что были заняты на рытье окопов и строительстве оборонительных сооружений. Возвратились и родители Нины Быковой и стали искать свою дочь, оставшуюся в лагере. Велико было их отчаяние, когда они узнали о трагической судьбе девушки... Спустя некоторое время эту группу снова отправили на рабский труд, на сей раз в Германию.

Осенью 1943 года в лагерь привезли эвакуированных из Латгалии. Это были жители Резекненского, Лудзенского, Даугавпилсского и Абренского уездов. Немцы их тоже выгнали из домов, чтобы лишить партизан опоры. Среди этих людей я увидел жену депутата Верховного Совета Латвийской ССР Валию Анца с годовалой дочерью.

Последних эвакуированных в Саласпилс пригнали из Гатчины Ленинградской области в конце 1943 года. Вместе с детьми их отправили в Германию.

Детям, отнятым у родителей, навешивали на шею бумажные, деревянные или металлические бирки. На них указывались имя, фамилия и возраст ребёнка. Малыши, играя бирками, путали их. Вскоре никто уже не знал, как настоящее имя того или иного ребёнка.

КУДА ТЫ ИСЧЕЗЛА, ДОЧЕНЬКА...

АНТОНИНА МИШКУТЕНОК

Прекрасна и богата ты, моя родина, земля Белоруссии! Осенью твои сады гнутся под тяжестью плодов, словно море колышутся твои золотистые нивы. А когда цветут поля льна, кажется, что сама мать-природа отрезала кусочек голубого неба и настлала между белыми березами. Повсюду видны плоды старательного труда.

В 1940 году мы жили в деревне Мотуки, которая с каждым годом становилась всё краше и богаче. И тут и там блестели на солнце крыши новых домов, покрытые белой дранкой. Строили домик и мы. В выходной день собрались на толоку соседи, мы закончили покрывать крышу, поставили печь. И вот уже сизый столб дыма поднялся высоко в небо.

— Скоро мы сможем перейти в большую комнату, — сказал мой муж Николай, и смолистые стружки обвилились вокруг его рубанка, длинными косами повисли до самого пола. Их ловили, ими шуршали наши дочурки Алла, Зина и Зоя, топая босыми ножками по белому, еще не крашенному дощатому полу.

Спокойной и хорошей была наша жизнь. Спокойна, как воды Свольни... И вдруг... Война!

Она вторглась в нашу жизнь, как злой смерч, выкорчевала сады, сорвала только что покрытые крыши, истоптала нивы. Война... Мы плакали уже при упоминании этого слова, плакали, провожая на фронт своих отцов, мужей и братьев. Мы плакали, ибо знали, что многих из них больше никогда не увидим.

* * *

На дворе ещё сумерки. Я смотрю на белые доски потолка и прислушиваюсь, как дышат мои девочки. Младшей только минуло три годика. Зиночка вдвое старше. Осенью пойдет в школу Аллочка, которая будет учиться в третьем классе. Осенью!.. Тогда, возможно, вернется и Николай. Как долго может длиться война?

Я только задремала, как разбудил стук в окно. Это была Анна Дашкевич.

— Милая, приближаются немцы... Скот с фермы уже угнали... Для тебя письмо от Николая!

Торопливо развернула я маленький треугольничек с овальной печатью. Написанные химическим карандашом строчки местами расплылись.

— Ну, что же пишет?

— Завтра Коля уходит на передовую.

Сдерживая слезы, впиваюсь зубами в конец головного платка.

— Не плачь. — Анна кладет мне руку на плечо. — Враг должен быть разбит. Победит, тогда вернется.

Около полудня пролетел первый вражеский самолет. По всей вероятности, разведчик. Затем появилась целая стая этих стервятников с черными крестами на крыльях. В воздухе что-то странно затрещало. Стреляют! Фашисты

стреляли в мирных жителей. Мы попрятались в погреба, ямы, ложились вдоль каменных фундаментов зданий. К счастью, никого не ранило.

Под вечер появились немцы. На мотоциклах и броневиках они проехали через деревню и остановились на берегу Свольни. Вскоре там загорелись костры. Построилась небольшая группа солдат и в сопровождении офицера направилась в деревню. Засученные рукава, из-под касок смотрят злые, безжалостные глаза. На шее висят автоматы. Офицер разговаривал на ломаном русском языке.

Грабители отбирали всё.

— Ми из вермахт. Дадим вам новый порядок.

Мы молчали.

— Нам нужно провизион. Понимайт? Да? Как тебя звать, старик?

— Дашкевич.

— Показывай своя хлев. Свинья есть у тебя, да?

Офицер еще не закончил свою речь, а солдаты уже бегут к хлеву Дашкевича. Там всё ломают и рвут. На двор выбегают три вспугнутых поросенка.

— Не трогай! Это мои... — кричит Дашкевич. Напрасно, Автоматная очередь уже пришила свиней к земле, они корчатся и визжат, захлебываясь в крови.

Грабить деревню пришла и вторая группа фашистов. И вот у них в руках уже ведра с молоком, корзина с яйцами. Те, кто стрелял в поросят, снимают дверь хлева с петель, кладут на неё поросят, поднимают на плечи и уходят, горлана песню.

Вижу, как старый Дашкевич нервно хватается за колья забора. Кажется, он вот-вот схватит дубину потолще и бросится вслед грабителям. Нет. Он сдерживается. Лишь сердито роняет:

— Видели новый порядок? Порядок грабителей!

* * *

От мужа я больше вестей не получала. Вместе с фронтом он ушёл на восток. Я с детьми осталась на оккупированной территории.

Наступила уже осень. Целыми днями небо было покрыто серыми тучами. По ночам ветер завывал в трубе, в окно бил град. В одну такую тёмную ночь кто-то постучал в окно. Я вытерла рукой стекло и всмотрелась в темноту ночи.

— Кто там?

— Свои. Впусти.

Я открываю дверь, и через порог переступают заросшие бородами мужчины. Вооружённые.

— Немцы есть в деревне? — тихо спрашивает кто-то.

— Нет. Уехали. — У меня от волнения дрожит голос. — Остались только сельский староста и полицаи.

Рассказав о положении на фронте и закурив, мужчины исчезли в темноте. Вглядываюсь в тёмную ночь, которая поглощает фигуры смельчаков, и ещё долго не могу опомниться — неужели здесь, за опушкой Свольненского леса, наши!

Вскоре мы услышали о деятельности партизанского подразделения. В Волинском районе пущены под откос эшелоны с вооружением и солдатами...

Староста Егор Мороз совсем нос повесил и притих. Порой ещё пытается прикрикнуть и припугнуть, но ничего из этого не получается. Люди лишь посмеиваются и показывают в сторону леса:

— Егорка, гляди, какие могучие деревья растут в Белоруссии!

Партизаны были неуловимы. Немецкая карательная экспедиция, пытавшаяся их уничтожить, потерпела полный провал.

В зиму 1942/43 года выпало много снега. По дорогам было не проехать. Немцы задумали использовать это обстоятельство в своих целях и начали широкие операции не только против партизан, но и против мирных жителей. Утром 3 марта нас перепугал сильный пулемётный и миномётный огонь, открытый по деревне. Когда обстрел закончился, в деревню вошли немецкие солдаты и полицаи.

— Убирайтесь вон! Со всеми манатками! Марш!

Меня с детьми втолкнули в сани, где уже сидела Анна Дашкевич со своими малышами. Полицай хлестнул кнутом, и близкие сердцу родные места остались позади.

Оглянулась. Наш домишко уже горит, и из окон других изб поднимаются чёрные столбы дыма, вырываются огненно-красные языки. Из соседней хаты полицаи пытаются вытащить старушку. Я её знаю, у неё больные ноги. Старушка еле передвигалась по комнате.

— Если не хочешь идти, тогда оставайся! — крикнул полицай и приложил ствол автомата к груди старушки. Раздались выстрелы. Старушка оторвала руки от косяка двери и упала в горящий дом.

Другую старушку пристрелили тут же посреди улицы. Она умоляла не увозить её далеко от могилки единственного сына Ивана.

Языки пламени уже охватили всю деревню. То там, то тут проваливались крыши. Охваченные ужасом, стонут люди, плачут дети.

За поворотом уже не видно горящих домов. О них напоминает лишь огромный столб дыма, поднимающийся к небу, как преходящий памятник бывшей деревне Мотуки.

Однако не только на нашу деревню обрушилась эта трагедия. Там, где должна быть деревня Езудово, также стоит столб дыма. Куда ни глянешь — всюду одно и то же. Гитлеровцы жгут наши села, топчут нашу землю...

В местечке Дрисса нас размещают в пустых домах. Куда девались его жители — мы не знаем. С утра снова всех сгоняют вместе и строят по пять в ряд. Мы стали вчетвером: я и мои дети. Колонна получается такой длины,

что даже конца не видать. Вдоль неё прохаживается немец в высокой фуражке офицера. Он всех пытливо осматривает, то одного, то другого тычет палкой в грудь:

— Вон из ряда! Вон из ряда!

Вперёд выступает полсотни человек. Среди них вижу свою тетю и одного паренька из Мотуков. Отобранных загоняют в дом, окна которого забиты досками.

— Что же с ними сделают? — шепчет рядом со мной какая-то женщина. Когда в дом вошли все, кого отобрали, полицаи заколотили дверь. Затем немецкий офицер вытаскивает из кармана листок бумаги и начинает читать. Так как все мы поддерживали партизан, эти люди в назидание другим приговариваются к смертной казни. Приговор будет приведен в исполнение у всех на глазах.

— Какой ужас!

И вот вокруг дома уже копошатся полицаи. Они обливают стены бензином. Через минуту дом уже полыхает, загнанные туда люди кричат и стонут. Кто-то, оторвав доску оконной рамы, пытается вырваться. Но напрасно, на подоконнике его настигает пуля из автомата. Тело соскользнуло обратно в пламя. Снаружи видны только руки, судорожно вцепившиеся в подоконник...

В товарных вагонах холодно. Едем уже много дней. Наш поезд мчится вдаль, в чужие, незнакомые края. Позади уже Даугавпилс, Крустпилс, Огре. Наконец поезд останавливается.

— Вылезать! Быстрей! Быстрей! — кричат гитлеровцы.

Кругом стоит тёмная ночь. Моросит холодный мелкий дождь.

Что это за станция? Где мы находимся?

Замёрзших, измученных от голода и бессонницы людей гонят несколько километров по проселку, пока выходим на шоссе. Нам приказывают свернуть направо в лес. Вскоре перед нами поднимается забор из колючей проволоки и бараки. У ворот — охрана. Ворота открываются. Нас вталкивают в Саласпилский концентрационный лагерь.

На другой день нам сообщают:

— В карантин.

Надо идти в баню. Прежде всего заставляют раздеться. Одежда будет дезинфицироваться. После так называемой бани нас сгоняют в барак. Здесь не на что сесть, не на что и лечь. На полу слой соломы. Посредине барак перегороден. В одну половину набиваются полуголые мужчины, в другую — женщины и дети. Людей много. Днём и ночью сидим и спим, прижавшись друг к другу. Дети мерзнут. К правому боку прижимаю Аллочку, к левому — Зинаиду. Маленькую Зоиньку держу у груди. Детишки просят хлеба. У меня его нет.

В чём же мы провинились? За что нас наказывают?

Две недели изнывали мы в этом вонючем сарае. Наконец раздаётся команда:

Полицейский батальон после поджога доревни.

вуд, — отвечает переводчик. — Иначе их трудно будет найти.

Я подбегаю к маленькой Зоиньке, хватаю кусочек картона и читаю: «Зоя — 3 года».

— Что вы сделаете с моими детьми?

Немцы не отвечают. Из соседнего барака слышится ответ. Там какая-то женщина кричит:

— Не отдам! Умру, а не отдам! Без детей никуда не поеду! Наконец я понимаю, что здесь происходит. У нас отнимают детей!

Предчувствуя что-то плохое, девочки начинают плакать.

— Не пищать! — Человек со злым лицом, которого здесь величают старостой лагеря, стучит по столу. — Если мать будет хорошо работать, то она через год сможет вернуться.

Девочки понимают, что придется расстаться, и плачут всё громче, подбегают ко мне, цепляются за юбку. А минута разлуки уже близка. Подходят двое здоровых мужчин и силой отрывают девочек от меня.

— Алла, ты старшая, — кричу я, — будешь меньшим вместо матери!

Алла смотрит на меня большими печальными глазами. Не говорит ни слова, только глотает слезы. Затем она берёт маленькую сестрёнку за руку и уходит.

Мои дети! Мои милые дети! Хоть видел бы всё это ваш отец, Николай, хоть видел бы ты, как опустошали наши поля, как сжигали наши дома, знал бы ты — как болело сердце, когда отнимали наших девочек! Тогда бы ты отомстил там, на фронте! Отомстил бы за всё!

* * *

Ночью мы не спим. Не спят двести загнанных в барак матерей, которых завтра увезут в Германию в рабство. Они слышат плач детей, который раздаётся рядом из соседнего барака, где помещены малыши. Каждой матери кажется, что громче всех кричит её малютка и зовёт свою мамочку...

— Строиться!

Нас ведут в другой барак. Там у стола сидят немцы с изображением черепа на рукавах мундира.

Один оглядел моих девочек и приказал им стать по росту. Другой записывает, как детей зовут, сколько им лет. Затем поднимается третий немец, берет со стола нанизанные на шнурок кусочки картона и вешает их девочкам на шею.

— Зачем это? — Я ещё не понимаю, что происходит.

— Чтобы знать, как детей зовут,

Наступает утро. Ещё заря занимается на востоке, а нас уже выгоняют на главную дорогу лагеря. Кругом охрана. Начинаем двигаться к воротам — всё дальше и дальше от своих детей.

Рядом со мной снова оказалась Анна Дашкевич. Так же как тогда, когда, гонимые полицейскими, мы оставили село Мотуки. Будем держаться вместе! Будем бороться плечом к плечу. Иначе — погибнем.

* * *

Уже несколько дней у меня маковой росинки во рту не было. Мучает бессонница. Голова горит как в огне. Томит жажда.

— Поешь же чего-нибудь, — напоминает Анна.

Сколько километров пробежал уже наш поезд? Где мы теперь находимся и куда едем? На каком-то полустанке стоим дольше, чем обычно. Стража отодвигает дверь. Приказывает вылезать.

Снова становимся по пять. Как много наших! Ряды людей длинные-предлинные. И какое множество вооруженной охраны! Очевидно, бояться нас.

После тёмного и затхлого вагона кружится голова. Яркое и тёплое солнце слепит глаза. Скворцы, те веселые! Расселись на ветвях деревьев и знай себе свистят всюю.

Но вскоре скворцов больше не замечаем. Наш путь заканчивается у низких барачков, обнесенных высокой оградой из колючей проволоки. Мы на польской земле. Как много здесь людей, какое множество различных языков и народностей — французы, итальянцы, поляки, чехи, венгры... Что же мы все здесь будем делать?

— Умрём, — произносит кто-то мрачно.

Теперь я узнаю название нашего нового местожительства: Майданек. Это созданный немецкими фашистами лагерь уничтожения людей.

В этом лагере ежедневно умирало с голоду, расстреливалось и погибало на виселице такое множество людей, что трудно было их всех закопать. В углу лагеря по целым дням горели костры. Там сжигали трупы. Рядом с кострами была вырыта яма. В неё клали один ряд дров, другой — трупов. Когда яма заполнялась, её обливали горячим. Так трупы сгорали быстрее. Но этого было недостаточно. Там же рядом с ямой начали строить крематорий — массивное каменное здание с огромной трубой. Нас, привезенных из Саласпилса, включили в бригаду каменщиков. Работая здесь, я видела, как в горящую могилу бросили живого человека, женщину, ещё совсем девочку. Её привели с завязанными руками, били и допрашивали на краю горячей ямы. Девочка не отвечала. Кусала губы и молчала. Тогда её схватили за ноги, за длинные косы и...

Тринадцать месяцев я провела в этом аду. Затем нас погнали дальше. Нас переселяли в лагерь, где рабочие руки были больше нужны. Снова заколоченные теплушки, снова голод, жажда и тоска по свежему воздуху. Где на сей раз остановится наш эшелон смерти — в Освенциме, Бухенвальде? На сей раз это был Равенсбрук.

Нацистский «Новый порядок».

стальные оболочки и плакали, ибо знали, что этими снарядами фашисты будут стрелять в наших.

Помню одну девушку – киевлянку Жанну.

– Сыпьте в заряды половину пороха. Остальное в водопровод. Хорошенько прополощите, – учила она, – чтобы не заметили.

Также бесстрашно Жанна обращалась со взрывчаткой. Делала так, чтобы та никогда не взрывалась. Может быть, кое-что из этого брака и спасло жизнь нашим. Жанна, однако, не спаслась. Её уличили в саботаже и заморозили. Заперли в холодный карцер и заморозили.

Жанны больше не было, но смелость её осталась. Мы продолжали вредить врагу. Вредили где и как только могли. Мастер фабрики, итальянец, мобилизованный на работу, хорошо понимал нас. В конгоре он часто слушал радио и рассказывал, что происходит на фронте. Какая радость – фронт приближался!

– Немцы – капут! Муссолини – капут!

– Капут! – повторяли мы, и это немецкое слово звучало как прекрасная музыка.

Великий день, который мы ждали долго, ждали годами, терпя голод и унижение, приближался. Над городом кружат самолеты союзников, грохочут разрывы фугасных бомб, горят дома.

С запада приближаются американские и английские войска, с востока – наши. Фашисты, зажатые в тиски, ещё бьются. Нас гоняют из лагеря в лагерь, с одного населённого пункта в другой. То вперёд, то назад ползут колонны голодных оборванцев.

Здесь действительно требовались рабочие руки. Здесь слишком много людей умирало. Прежде всего нас срочно рассортировали. Принцип был такой: ослабевших – в крематорий, более сильных – на работу.

– Держись! Выше голову! – Я сжала руку Анны Дашкевич.

– Мы ещё должны жить, должны ещё встретиться с детьми.

Мы подняли головы выше и – нам повезло. Нас зачислили в категорию рабов.

Труд... Нелегко упомянуть это возвышенное слово, вспоминая нашу работу. Мы ведь своими руками готовили боеприпасы для врага! Сыпали меркой порох в

Что это? Однажды утром у сарая, где мы ночевали, не оказалось стражи. Удрали! Это – хорошая примета. Ещё бы – там уже приближаются солдаты с красными звездочками на пилотках.

– Наши! Русские!

Мы обнимаем своих освободителей – мужей, братьев, сыновей и друзей.

– Милые! Дорогие!..

Мы уже на Родине!

Земля родная, что они с тобой сделали? Я смотрю на обгоревшие концы бревен, обломки кирпичей, на куски жести. Это всё, что осталось от нашего дома. К тому же ещё и страшная весть: в бою погиб Николай.

Ещё у меня оставалась одна надежда – дети. Я тут же направляюсь в Ригу. Хожу по учреждениям, иду к людям. Ищу, требую, прошу, зову:

– Где вы, мои доченьки!

Помогают добрые люди, и Алла с Зиной плачут у моей груди от радости.

Встретились! Живы! Остались в живых, потому что Алла была направлена на полевые работы в Сигулду, а Зину взяла на воспитание какая-то добрая женщина. Но где же Зоинька?

– Когда нас обоих уводили из лагеря, – рассказывали девочки, – Зоя хотела идти с нами, но её угнали назад. «Не хочу здесь оставаться, не хочу!» – кричала она нам вслед, и, рыдая, стояла у стены барака.

Свою третью дочь я так и не нашла... Может быть, её глазки засыпал саласпилский песок, когда её, умершую голодной смертью, зарывали за колючей проволокой. Может быть... Но сердце матери не хочет этому верить. Оно всё ещё ждёт и тихо спрашивает:

«Где ты, где ты затерялась, моя доченька?»

АНТОНИНА МИШКУТЕНОК после войны жила в Латвии. Она не теряла надежду что-нибудь услышать о своём пропавшем ребёнке. Выросли обе её старшие дочери, по счастливой случайности избежавшие смерти. Алла стала торговым работником и проживала в Эстонии, Зинаида работала в Риге ткачихой.

ТАНЯ

ЯНИС КРОНИТИС

Вся его жизнь была тесно связана с лесом, который он полюбил ещё с детства, живя в Сибирской тайге. Туда был выслан его отец за участие в революционном движении 1905 года в Латвии. Когда после Первой мировой войны они вернулись на родину, Янис окончил Циравскую лесную школу и стал работать лесничим. В 1940 году он избирается депутатом Верховного Совета Латвийской ССР, за что оккупанты его арестовывают и заключают в Рижскую Центральную тюрьму, а позднее — в Саласпилский концентрационный лагерь.

После войны Я. Кронитис работал в лесном ведомстве, был главным лесничим Министерства лесного хозяйства и лесной промышленности.

Однажды серым осенним утром они вошли в Саласпилский концентрационный лагерь и боязливо оглянулись, когда за ними с грохотом закрылись большие, оплетенные колючей проволокой ворота. Их было около двухсот: женщин, детей и стариков. «Не оглядывайтесь, вы, райские птички!» — истерично крикнул эсэсовец Видужс, толкая вперед старую женщину, у которой на руках был закутанный в платок ребёнок, а за спиной узел с вещами. Женщина упала, затем вскочила на ноги и мелкими, старческими шажками засемила вперед. Успокаивая ребенка, который при падении ударился и громко плакал, старушка старалась не отставать от остальных. Колонна направлялась к площади перед зданием комендатуры лагеря.

Они были из Белоруссии. Гитлеровцы пригнали их из районов, в которых действовали советские партизаны. У здания комендатуры на высоких мачтах развевались флаги на холодном осеннем ветру. Один — алый с белым кружком и черной свастикой посередине, другой — черный с двумя белыми буквами «SS».

Громко крича и ругаясь, эсэсовцы выстраивали оторопевших людей перед зданием комендатуры. Мы шли мимо в нескольких шагах от них, неся кирпичи, доски и камни для строительства новых бараков в Саласпилском лагере смерти. К зверствам немцев и их приспешников мы уже привыкли. На наших глазах расстреляли несколько человек, пытавшихся бежать из лагеря.

Здесь расстреливали и вешали людей, привезенных из Германии, Австрии и других мест. Но в два раза тяжелее казались доски на плечах, вдвое сильнее сжимали ноги деревянные колодки, когда мы увидели здесь стариков, женщин и маленьких детей.

Седовласый старичок оперся на палку. Он еле держался на ногах. Самоуверенно, презрительно усмехаясь, мимо него прошел немецкий ротенфюрер Теккемейер. Ссутулившись на холодном ветру, дрожала старушка, смотря на одетого в теплую шубу коменданта Никкеля. Посиневшими, замерзшими ручонками цепля-

лись малыши за юбку матери и глазами, полными страха, смотрели то на развевающийся черный флаг, то на блестящие немецкие автоматы.

Каждый из нас вспомнил в тот момент своего отца, мать или детей, и нам хотелось хоть тёплое слово сказать этим несчастным людям, которых эсэсовцы, не торопясь, одного за другим вызывали к установленному на дворе столу, запинывали и снова заставляли стоять на холодном осеннем ветру.

В конце дальнего ряда стояла маленькая, светловолосая девочка с голубыми глазами. Она с любопытством смотрела на наши колодки и белые тряпки, которые «красовались» на груди и спине.

— Точь-в-точь как моя Бирута... — заметил кто-то.

Когда мы снова проходили мимо колонны, я тихо спросил девочку, как её зовут.

— Таня... — отозвалась она.

Идя вдоль колонны эвакуированных, мы тихо обменивались несколькими словами, интересовались, откуда они, где остались их родные. Узнал, что голубоглазой девочке пять лет, отца и матери у неё нет, а здесь она вместе с бабушкой, что ей очень хочется есть, но последний кусочек хлеба она уже съела вчера съела, а больше ничего нет. Позднее Таня тихонько жаловалась, что ботиночки прохудились и ножки мёрзнут. Но тут наш разговор заметили охранники и велели впредь носить доски другой дорогой. Долго ещё я видел в конце серого ряда маленькую девочку, которая, прыгая то на одной ножке, то на другой, смотрела в нашу сторону, и мне казалось, что на её маленьком личике промелькнула грустная, но дружественная улыбка. Вечером, когда после работы я получил свой тощий ломтик черного хлеба, я не мог проглотить ни крошки. В бараке царила угнетающая тишина. Всех удручало появление детей и стариков в Саласпилсе.

— Послушай... — тихо заговорил товарищ, который раньше сказал, что Таня напоминает его Бируту. — Не могли бы мы как-нибудь?..

— О чём ты думаешь? — спросил я, хотя хорошо понял его.

— Видишь ли, хотелось бы ей... — И я заметил у него в кулаке кусочек сахара и ломтик чёрного хлеба на ужин.

Опыт и приобретенная в заключении хитрость позволили нам передать оба ломтика хлеба, кусочек сахара и несколько картофелин Тане. Счастливые, мы уснули в холодном бараке на твёрдых дощатых нарах.

Прошло несколько дней. Казалось, что появление маленькой русской девочки внесло тепло и тихую радость в серую жизнь лагеря. Идя на работу, я иногда за углом барака или сквозь узкое оконце мельком видел светловолосую головку, порой девочка улыбалась или махала рукой. Однажды, когда мы с ношей досок шли мимо барака, где ютились новые приезжие, передо мной, словно из-под земли, выросла Таня, что-то сунула в руку и исчезла в дверях своего жилья. Развернув тряпичный сверточек, я нашел в нём пачку русской махорки.

Вечером рассказал об этом своему товарищу. Из обрывка оберточной бумаги мы скрутили сигареты. Я закурил, но в горле запершило... Посмотрел на товарища — тот так и не зажгёт сигарету. Он сидел, низко склонив голову

Родителей убили. Она осталась одна...

на — так он похудел и осунулся. Говорил почти шёпотом и с большим трудом.

Распростились. Его последние слова были: «Помоги Тане...»

На другой день моего товарища закопали у железнодорожной насыпи.

Вскоре в лагере распространилась весть, что пригнанных русских, вероятно, отправят куда-то на работу. Прежде всего в отдельный барак поместили нетрудоспособных — стариков и больных. В другом остались женщины с детьми. Появился кто-то из администрации и сообщил, что дети останутся в лагере. О них позаботятся, а трудоспособные женщины должны будут «на некоторое время» уехать поработать. Послышались душераздирающие рыдания. Чтобы утихомирить матерей, гитлеровцы прибегли к хитрости.

Специально для детей оборудовали почти новый, недавно построенный барак. Туда внесли новые деревянные кровати и чистое бельё. Барак топили. Туда, мол, поместят детей, а матери останутся в старом бараке. Привезли и раздали детям по кружечке молока и кусочку сахара. Таня восторженно рассказывала, как хорошо будет в новом бараке, сегодня она получила кружечку молока, а больному братику врач дал лекарство, и братик уже чувствует себя лучше.

Успокоились и уехали только некоторые матери. Другие же ни за что не хотели расстаться со своими детьми. Эсэсовцы силой вырывали малышей. Матери кричали, рвали на себе волосы и одежду. Тогда их схватили, бросили в машины и увезли. Эти женщины больше в лагерь не вернулись... Ночью на нескольких машинах увезли стариков и больных. Вскоре мы узнали, что их убили в лесу...

В новом бараке остались только дети до шестилетнего возраста. Среди них была также Таня и её маленький братик. После того как матерей увезли, дети получали то же, что и мы, — кусок чёрного хлеба, несколько картофелин и суп «новая Европа». Уборщицы, работавшие в детском бараке, с отчаянием в голосе рассказывали, что невозможно больше выдержать. Дети живут впроголодь, в нетопленном холодном помещении и беспрерывно плачут. Похлёбка

и сложив руки на коленях. По седой щетине катились крупные слезы и падали на грязный пол барака.

Вскоре мой товарищ заболел. Жаловался на боль в груди, его сильно лихорадило. Копая канавы, он простудился.

Спустя несколько дней санитар-амбулатории передал, что друг просит меня прийти к нему в больницу лагеря, где он лежал уже несколько дней. В обеденный перерыв я сходил к нему и еле уза-

из гнилой капусты, плохой хлеб и мороженный картофель вызвали среди них массовые заболевания. Им было запрещено выходить из барака, всё же изредка мне удавалось встретить Таню и поделиться с нею скудной порцией хлеба и картошки.

Девочка спрашивала:

- Почему не возвращается бабушка?
- Почему братику больше не дают лекарства?
- Почему больше не дают молока?
- Почему мы не можем уйти отсюда?

Тяжело было слушать вопросы ребенка, однако ещё тяжелее читать их в печальных детских глазах, которые с каждым днем все глубже вваливались на осунувшемся личике.

Младшие дети скоро умерли, среди них был и Танин братишка. Девочка в отчаянии рыдала, потеряв последнего близкого ей человека. Вместе с остальными детьми, умершими накануне, его закопали в яму у железнодорожной насыпи.

Наконец и Таня больше не вставала с постели. С помощью уборщицы мне удалось пробраться к окну детского барака и посмотреть на несчастную девочку, которая, съезжившись в комок, лежала под тонким одеяльцем на жесткой постельке. Однажды утром уборщица, проходя мимо, тихо сказала, что Таня ночью умерла.

Через санитаря барака мне удалось добиться, чтобы и меня послали хоронить умерших накануне детей. Таня стала легонькой, как тростинка. Сопровождаемые охраной, мы вместе с другими шестью крохотными трупиками вынесли маленькую русскую девочку через большие ворота лагеря, в которые она, вцепившись в юбку бабушки, вошла несколько месяцев назад.

Когда мы в вырытую могилку уложили трупики в ряд, я попросил у начальника охраны разрешения отломать несколько еловых веток и положить их на умерших.

— К чему это? — резко спросил он.

— Ну для того, — ответил я голосом, который мне самому показался чужим, — для того, чтобы волосы и глаза девочки не засыпал песок...

Охранник удивленно посмотрел на меня, как бы желая что-то сказать, затем повернулся спиной, тихо проворчал:

— Что ж, по мне — клади... — Затем громко, повелительно добавил: — Но быстрее!..

Вместе с товарищами нарвали мха, наломали еловых и сосновых веток и покрыли ими детские личики и маленькие, слабые ручки. Затем взялись за лопаты и засыпали могилку. Могильный холмик не получился — так мало места в земле заняли семеро умерших детей.

НЕПОКОРЁННЫЕ

ПАВЕЛ КОРШУНОВ-САПОЖНИКОВ

Родился в 1909 году в крестьянской семье в Тамбовской области. Окончил Сельскохозяйственную академию имени К. Тимирязева. Работал в МТС, колхозах и совхозах. В 1941 году под Таллинном, тяжело раненным попал в плен к гитлеровцам. Годы неволи он провел в концентрационных лагерях в Эстонии, Латвии, Польше и Германии. После войны проживал в Москве.

Машина остановилась. С грохотом откинулся задний борт. Раздалась команда:
— Слезай!

Мы очутились на большой квадратной территории, обнесённой несколькими рядами колючей проволоки. Вокруг на возвышениях под навесом злобеще поблескивали стволы пулеметов и немецкие каски. В центре стояла высокая наблюдательная вышка, с которой весь лагерь был виден как на ладони.

Заклѳчѳнных разместили в бараке. Я держался вместе с товарищами Кожановским, Грещанниковым и Подопригорой. Уже с первых дней в лагере нас не покидала мысль установить связь с антифашистским подпольем. Но как это сделать, где искать отважных подпольщиков? Возможно, они рядом? Эти вопросы не давали покоя. Внимательно наблюдая за лагерной жизнью, я всё больше убеждался, что здесь действует тайная организация сопротивления. Оставалось установить связь с одним из её членов.

С Микелисом Гринбергом, славным стариком, я познакомился ещё в Рижской Центральной тюрьме. Тогда он многозначительно сказал:

— Если вас переведут в Саласпилсский концентрационный лагерь, то запомните, там будет шире поле деятельности... Там есть свои...

Вторично с дедушкой Мишей я встретился здесь, в лагере. Он был толковым и остроумным человеком. «Именно такой может быть связан с подпольем», — думал я. Но с чего начать разговор? Этот негнбѳемый латыш может, как обычно, отшутиться: «Бог с вами, молодой человек...» И всё же надо было решиться.

Разговаривали долго, осторожно. Лукаво прищурив близорукие глаза, дедушка Миша проэкзаменовал меня и наконец, как бы в шутку, сказал:

— Ну, тогда сходи завтра на кухню и спроси Баранова. Он там кипятит воду...

Метель бушевала с самого вечера, гоняя волны снега на лагерь. Ветер выл и свистел вокруг барачков, прорывался в помещения. В такую погоду, как говорят, хороший хозяин и собаку не выгонит.

Отворилась дверь. Вошел гестаповец.

— Встать!

Все поднялись со своих мест. Старший барака поспешно доложил, что в бараке Б-9 350 заключѳнных.

— Становись! — последовала команда.

Заключённых построили, велели взять лопаты и ломы. Нас погнали на земляные работы. Работать было тяжело. От холода захватывало дыхание. Превозмогая усталость, люди долбили, разравнивали мёрзлую землю, копали канавы. Товарищи помогали друг другу. До начала работы передали по цепочке, что слабых в трудную минуту надо отвести на кухню или в зубокабинет, где можно обогреться и отдохнуть. Лагерный зубной врач, узник из Чехословакии, был хорошим человеком и замечательным специалистом, с большим опытом. В холодные дни в кабинет врача, если там не лечили зубы эсэсовцы, приходили заключённые, отдыхали и грели замерзшие руки и ноги. Когда один приходил в себя, появлялся другой, третий... десятый...

Вьюга не утихала. Колючий ветер обжигал лицо, пробирал до костей. Несмотря на мороз и метель, истощённые узники продолжали работу. В одном месте лопаты неожиданно наткнулись на кости. Осторожно откопали. Рядом лежали два скелета — большой и маленький, свернувшийся в клубок. Мать и ребенок! Заключённые похоронили их в стороне.

Следы каких фашистских злодеяний хранит земля? На каждом шагу здесь происходили убийства! Саласпилские пески пропитаны кровью невинных людей.

В обед заключённых загнали в бараки. Я отправился на кухню, попросил кружку горячей воды. Её подал высокий мужчина средних лет. Он внимательно осмотрел меня:

- Значит, за горячей водичкой пришел?
- К теплу тянет... Как бабочку ночью к огню, — немного смутился я.
- Случается, что бабочка в огне и сгорает...
- Лучше стореть, чем тлеть...

Так началась наша дружба с этим много повидавшим на своём веку человеком — рижанином Константином Барановым, участником гражданской войны и подпольной работы в довоенной Латвии.

ЯНИС ЛОГИН — один из организаторов движения сопротивления в Саласпилском концентрационном лагере. Расстрелян в 1943 году в Бикерниекском лесу. Рисунок К.Буша.

Дни в Саласпилсе тянулись, как сплошной кошмар. Но заключённые не поддавались отчаянию. Они верили, что скоро Советская Армия разорвёт оковы лагеря смерти, вернёт их к жизни. Внешне усталые, истощенные люди участвовали в невидимой, бесшумной борьбе. Дух сопротивления не оставлял даже в самые трудные минуты.

В декабре нам приказали плести соломенную обувь для пужд немецкой армии. В отдельном корпусе недалеко от лагерной кухни оборудовали мастерские.

— Армия на соломенных ногах! — смеялись мы и так мастерили эту обувь, чтобы она быстро разваливалась. В нашей группе кроме Бориса Подоприторы, Сергея Грешанника, Никиты Кожановского и меня теперь был и Фёдор Зарубин, мой старый товарищ по оружию. В Саласпилсе он попал из Рижской Центральной тюрьмы, куда был заключен после неудачного побега из лагеря военнопленных. В мастерских мы многое переговорили о своей жизни, здесь рождались новые идеи и замыслы. Кто мы сейчас такие? Были в боях, сражались, а теперь плетём лапти. И для кого? Для врага! У Николая Островского есть прекрасные слова: «Умей жить даже тогда, когда жизнь становится невыносимой». Так надо было жить и нам.

Распределили между собой задачи: Кожановский информирует группу о всех событиях в лагере, Подопритора поддерживает связь с кухней, Грешанник налаживает приём посылок извне, а Зарубин будет выполнять самое трудное — организует побег из лагеря. Так мы снова будем в боевом строю.

Все было рассчитано и решено. Чтобы не обратить на себя внимание стражи, мы продолжали старательно работать. Однажды кто-то рывком открыл дверь барака — на пороге стоял гладко выбритый человек в штатском и властным взглядом осматривал помещение. Это был Магнус Качеровский, начальник строительства лагеря. С его появлением в бараке установилась мертвая тишина, он прошёлся немного и вышел.

Но не всегда «визиты» Качеровского кончались так мирно. Заключённые ещё хорошо помнили тот день, когда Саласпилсский концентрационный лагерь посетил начальник гестапо и СД Латвии — штурмбаннфюрер Ланге. Сопровождал его Магнус Качеровский. Недалеко от группы советских военнопленных Ланге остановил машину и, выйдя из неё, избрал людей мишенью для стрельбы из пистолета. Это занятие доставляло шефу гестапо и СД нескрываемое удовольствие. Одному пустить пулю в спину, другому в живот, застрелить ребенка вместе с матерью, убить еврея, подвернувшегося на дороге... Качеровский, угодливо улыбаясь, помогал начальнику «веселиться».

...В Саласпилсский лагерь смерти прибывали всё новые и новые партии заключённых. Некоторые из тюрьмы, другие были арестованы недавно. Вместе с ними поступали вести с фронта. Стоял февраль 1943 года. Заключённые радовались, узнав, что Советская Армия одержала большую победу на Волге. Совсем иначе реагировали на это гитлеровцы — в лагере ввели строгий режим, сократили паёк, запретили встречаться заключённым из разных барakov. Репрессии усилились. Начались массовые экзекуции. Когда на дворе бушевала метель, людей

разделяли на группы. Гитлеровец становился спиной к ветру и начинал командовать: «Ложись! Встать! Бегом! Ложись! Встать! Бегом!..» Заключённые, теряя последние силы, выполняли команды — ложились, вставали, бежали по кругу, падали в снег, снова поднимались и снова падали. Тех, кто не мог уже подняться, били до смерти. На следующий день экзекуция повторялась.

Эти экзекуции были мстостью гитлеровцев за разгром фашистских войск на Волге. Руководил ими комендант лагеря смерти гауптштурмфюрер Краузе. Чтобы казаться выше, он носил сапоги на высоких каблуках. Если что-нибудь привлекало его внимание, то вытягивал вперёд лицо, на котором подергивался нос, а глаза застывали в тупом напряжении.

Одним из наиболее верных подручных Краузе был староста лагеря мадонец Альберт Видужс. Чаще всех он руководил экзекуциями на лагерной площади. Далеко разносился его пронзительный голос — «Ложись! Встать! Бегом!» Всех, кто не мог достаточно быстро выполнять его команду, ожидала одна судьба — смерть от побоев или автоматная очередь. Суровый режим был невыносим; люди гибли от голода, болезней, побоев, пуль. Такова и была задача этого лагеря: умиротвлять, уничтожать.

Наперекор всем трудностям наша подпольная ячейка действовала. Подопригора вместе с Барановым подкармливали больных. С помощью Яниса Логина они доставали продукты питания у заключённых латышей, которые получали передачи и посылки от родных. Янис Логин выполнял в бараке обязанности писаря. С его помощью подпольщика Кожановского устроили слесарем, а Грешанника — мастером различных ремонтных работ. Таким образом они получили возможность посещать все бараки, быть в курсе лагерных событий, а главное — тайно снабжать подполье различными инструментами и материалами. Подпольщики начали изготавливать оружие, готовиться к вооружённому восстанию. Из каменоломен заключённые приносили взрывчатку. Уже было припасено несколько десятков гранат, холодное оружие. Этой работой руководила подпольная группа, в которой действовал и Фёдор Зарубин из нашей пятерки. Заключённые готовились к вооружённому восстанию, не теряли надежды вырваться на свободу. Но в конце февраля из-за провокации Качеровского в лапы гестапо попал один из руководителей подпольной организации — Карл Фельдман и его товарищи. Всех их сразу увезли в Рижскую Центральную тюрьму и подвергли пыткам. Аресты продолжались. В течение недели в тюрьму увезли более ста человек. Нашли всё оружие подпольщиков.

В ночь с 5 на 6 мая 1943 года в Бикерниекском лесу расстреляли 135 заключённых — активных участников антифашистского сопротивления. Среди казнённых были и Янис Логин, Борис Подопригора, Фёдор Зарубин...

Я не могу забыть Яниса Логина, замечательного человека и товарища. Это был песгибаемый, верный, мужественный человек. Он родился 21 мая 1914 года в селе Шуйском в Латгалии. Отец его был неграмотным крестьянином, всю жизнь мечтавшим вывести сына в люди. Уже с первых школьных дней единственный сын Людвиг Логина жадно потянулся к знаниям. После окончания местной па-

чальной школы Янис поступил в Балвскую гимназию, которую окончил в 1934 году. Сбылись мечты отца — сын поступил на факультет классической филологии Латвийского университета. Он сразу же стал работать в нелегальном Коммунистическом Союзе Молодежи. После окончания второго курса Яниса призывали на военную службу, и только в 1938 году он вернулся в университет и продолжал революционную подпольную деятельность. Когда в Латвии была установлена Советская власть, Янис Логин включился в строительство новой жизни и в ноябре 1940 года вступил в ряды Коммунистической партии. Ещё занимаясь в Латвийском университете, он активно участвовал в общественной жизни. Все замыслы и надежды на будущее зачеркнула война. Янис собрал вокруг себя борцов против фашистов в окрестностях Балви. Но его предали, и недалеко от села Шуйского он попал в руки шуцманов. Сначала Абренская тюрьма, потом рижская «централка».

И всё же тюрьма не смогла сломить железную выдержку и оптимизм Яниса Логина. В Центральной тюрьме он своей энергией и жизнерадостностью ободрял политзаключённых, обучал товарищей по камере иностранным языкам. В июне 1942 года Яниса Логина заточили в Саласпилский лагерь смерти. И здесь он скоро приобрёл много друзей. Он стал одним из организаторов антифашистского сопротивления, помогал товарищам устраиваться на такую работу, где они могли больше сделать для подпольной организации.

— Может случиться так, — полушутя, полусерьезно сказал как-то Янис, — что мои кости будут белеть на солнышке... Но разве можно отступать? Посмотрите, представители скольких национальностей в нашем лагере! Сколько народов томятся под игом фашизма! Нельзя сидеть сложа руки. Если суждено умереть — так в борьбе.

21 января 1943 года, Янис Логин организовал в бараке митинг. Более трёхсот заключённых собралось вокруг стола, с которого он говорил. Затем Янис декламировал стихи Пушкина и Райниса. С затаенным дыханием все слушали его слова. Почувствовав что-то неладное, в барак ворвались гестаповцы во главе с Видужсом. Заключённые вмиг разбежались по своим нарам. Но Янис Логин своё дело сделал — искра запала в человеческие сердца (*В Саласпилском лагере большой популярностью пользовались стихи Яниса Логина — фрагмент из поэмы «Последний бой». Это стихотворение заключённые часто декламировали в бараках.*

*Завтра будет солнце
Радостно светить.
Это наша доля —
Новый день творить!
Мы стальной мощью.
Верностью сильны:
Новый мир грядущий
Мы ковать должны!*

*Строим жизнь и знаем:
Свет придёт в сады.
Пусть в труде устанем.
Мир пожнёт плоды.
В сердце бьётся радость,
Солнце всходит выше:
О победе нашей
Всё же мир услышит.
Мир, который в рабстве
Сотни лет держали,
Голодом томили.
Били и пытали,
Чей в оковах разум
Палачи давили,
Огненное сердце
Кровью обагрили.
Но напрасно нечисть
Нам могилу роет,
Всё ж навстречу солнцу
Мир глаза откроет!
Это наша доля —
Наш последний бой.
Хоть и не увидим
Солнце над землей.*

[Пер. с латышского Г. Горского], — Прим. ред.).

...В Рижской Центральной тюрьме гестаповцы зверски пытали смелого антифашиста. Его избивали, жгли калёным железом. Гитлеровцы расстреляли его вместе с другими подпольщиками в Бикерниекских соснах. Так оборвалась жизнь этого верного сына латышского народа.

Мы тяжело переживали гибель товарища.

Снова пришла весна. Ещё сильнее она будила у заключённых тоску по свободе. Свобода! Казалось, она рядом, за колючей проволокой, — близка, но недосыгаема. Сердце тянулось к ней. Неотступно и упорно.

Вечерами около восьмого барака раздавались грустные цыганские песни. В них звучала глубокая, неугасимая тоска. Пел молодой цыган Миша. Обычно он сидел у стены барака, уткнув подбородок в колени, и долго смотрел на заход солнца. Однажды вечером Миша снова сидел так, устремив взор в сторону леса, откуда еле-еле доносился терпкий запах влажной земли и прелых листьев. В черных глазах цыгана отражалось зарево заката, и лицо его казалось одухотворенным. Вдруг Миша вскочил на ноги и одним прыжком оказался на колючей проволоке. Но перебраться через неё не удалось. Его скосила пулеметная очередь.

В те весенние дни далеко от Саласпилса в одной белорусской деревне произошла трагедия. Люди ещё спали, когда в деревню ворвались эсэсовцы. Людей

Узники нацистского концлагеря.

ков на стол. Они действовали хладнокровно, педантично — одни определяли группу крови малюток, другие вонзали в крошечные тельца шприцы и отсасывали кровь.

Одна девочка подбежала и, указывая на малыша, стала просить:

— Это мой братик Коля. Не делайте ему так!

Немец ногой отбросил девочку в угол, где она, скорчившись в клубок, осталась лежать. Затем подошла очередь старших детей. У них тоже взяли кровь, и дети, шатаясь от слабости, отходили от стола.

...Из Рижской Центральной тюрьмы прибывали все новые группы заключённых. Понемногу стала оживать подпольная работа. Погибшего члена нашей пятерки Бориса Подопригору заменил бойкий, долговязый семнадцатилетний юноша Вася Николаев. Он самоотверженно старался раздобыть дополнительное питание для больных и был счастлив, когда удавалось кому-нибудь помочь. Немного позднее обязанности Фёдора Зарубина стал выполнять Вячеслав Михневич — огромного роста москвич.

Когда фашисты организовали новую команду для каменоломни Бэма, в неё зачислили Михневича, Абраменкова и Николаева. Работа в каменоломнях входила в планы Вячеслава, готовившего коллективный побег из лагеря. Михневич и Абраменков участвовали в разработке плана, изучали окрестность и совещались

вырвали из постелей и согнали в одно место. Перепуганные дети, женщины, старики ожидали, что их заживо сожгут в каком-нибудь здании или перестреляют, как это не раз бывало во многих белорусских деревнях. Эсэсовцы подожгли деревню, а жителей угнали с собой. Людей гнали долго, били и ругали, ругали и били. Тот, кто не мог идти, того пристреливали.

Наконец сильно поредевшая в дороге группа белорусских жителей прибыла в Саласпилский концентрационный лагерь. Фашисты отняли у матерей детей и приступили к реализации своего зловещего замысла.

Детей помыли в бане и с утра построили всех, кто мог встать. Старших детей заставили держать грудных. Ни одного взрослого в барак не пускали. Гитлеровцы в белых халатах положили грудничков на стол.

с товарищами. Нам много помог старичок Пётр Быстров. Он дал несколько адресов и рассказал, как беглецам пробраться к партизанам.

15 сентября нас послали в лес копать канавы. Возможности побега увеличились. План оставался прежний: Михневич даёт сигнал, первым бежит Улдис Пурмалис. День шёл к концу. Солнце клонилось к горизонту. На лёгком ветерке шелестели листья. Вот-вот кончится перекур. Михневич заметил, что один из охранников внимательно следит за заключёнными, но время не ждало. Надо было действовать. Вячеслав подошел к охраннику, закрыв своей широкой спиной товарищей. В тот же миг зашуршали листья, раздался шум шагов. Охранники вскочили на ноги, открыли беспорядочную стрельбу, но было уже поздно. Пять узников вырвались на свободу.

По возвращении в лагерь всю команду выстроили на площади. Явились Краузе, Качеровский, Теккемейер, Видужс. Они допрашивали и били заключённых. После допроса всех отвели в конюшни и выпороли плетью, свитыми из стальной проволоки. Гитлеровцы мстили за удавшийся побег из лагеря смерти.

На другой день все стали очевидцами зверского убийства зубного врача. Когда-то этот замечательный человек говорил Янису Логину:

— Я этих убийц не считаю за людей, но вынужден лечить им зубы. К тому же знаю: они меня расстреляют, как расстреляли жену и дочь.

Гитлеровцы подозревали зубного врача в связи с заключёнными и решили его уничтожить. Врача вывели на площадь и заставили бежать по кругу. Вслед ему спустили овчарку. Она прыжком сбила несчастного с ног. Собаку позвали обратно и человека снова заставили бежать. И снова натравили на него пса... И снова заставили встать и бежать по своим кровавым следам.

В стороне стояли руководители лагеря и улыбались. Спектакль на сей раз закончился быстро — зубной врач умер от разрыва сердца. На лицах убийц отразилось недовольство (*За что убили зубного врача? Этот великолепный специалист, признанный из Чехословакии, лечил зубы самому коменданту Краузе и его помощникам.*

В тот день Краузе вошёл в комнату доктора, открыл шкафчик для медикаментов и увидел ломоть деревенского пшеничного хлеба. Следует отметить, что прибывшие сюда из тюрьмы заключённые были настолько слабы, что даже шестером не могли нести одну доску. Чтобы работа спорилась, комендант лагеря разрешил родственникам присылать в лагерь продовольственные передачи. Этими продуктами узники делились между собой.

— Что это за хлеб? — спросил Краузе.

Зубной врач молчал.

— Это не лагерный хлеб. Где взял?

— Политические дали, — ответил доктор. — Друзья...

Краузе задумался и заключил:

— *Значит, ты занимаешься комбинациями? Лечишь преступникам зубы нашими материалами? И теми же инструментами, что кладёшь в рот своему коменданту? Марш — вон!*

Через час Ральф — овчарка коменданта — загнал врача до смерти [Прим. ред.].

Террор в лагере нарастал. Краузе и его подручные мучили и убивали заключённых. Их машина смерти работала на полных оборотах.

На оккупированной территории усиливалось сопротивление населения фашизму. Гитлеровцы обвиняли людей в спекуляциях, саботаже и заключали в Саласпилский лагерь на срок от 2 до 8 недель. Их размещали в отдельном бараке и посылали на самые грязные работы.

Среди узников был и художник Микелис Страздынь, которому посчастливилось вырваться на свободу. Вскоре то один, то другой стал получать из Риги посылки с продуктами питания. В одной из посылок для нас был припасен сюрприз. В буханке ржаного хлеба Грешанник нашел газету. Это было издание одного из соединений белорусских партизан. В наших руках была газета, рассказывающая о сражениях и победах советского народа. Газета переходила из рук в руки. За несколько дней она обошла весь лагерь и сделала большое дело. Газета поднимала настроение и боевой дух заключённых, звала к борьбе и вселяла надежду на скорое освобождение.

Горы обожжённых человеческих костей остались в Майданеке после бегства гитлеровцев .

ОНИ НЕ СКЛОНИЛИ ГОЛОВЫ

РИХАРД ВЕСКЕ

Первые годы молодости, прожитые им в довоенной Латвии, проходят в суровой борьбе за существование. Долгое время после окончания техникума он вместе с другими безработными в поисках работы напрасно обивает пороги фабрик. В 1940 году 21-летний Р. Веске вступает в рабочую гвардию. В начале войны под Псковом он попадает в гитлеровский плен. Дважды бежит из Псковского лагеря военнопленных. После второго побега он благополучно добивается до Риги, но здесь его арестовывают и бросают в гестаповские застенки. Позднее его переводят в Рижскую Центральную тюрьму и в Саласпилс. День Победы он встречает в концентрационном лагере в Германии, куда был вывезен из Саласпилса.

Рихард Веске работал начальником цеха Рижского текстильного комбината. Он являлся председателем федерации спортивной авиации Латвийской ССР.

Из Рижской Центральной тюрьмы в Саласпилский концентрационный лагерь меня перевели в июле 1942 года.

В то время там был такой порядок: руководили лагерем немцы, которые размещались в комендатуре, наружную охрану несли латышские легионеры, за чистоту и порядок отвечали сами заключённые. Старшим барака Ц-10 был заключённый Владислав Роде, с которым я учился в Рижском городском техникуме. В то время мы дружили. Роде был хорошим товарищем, придерживался прогрессивных взглядов. Он часто раздавал в школе листовки, призывавшие к борьбе против авторитарного режима Ульманиса.

Нас, молодых узников Саласпилса, разделили на группы по 10 человек. Я хорошо знал русский язык, поэтому Роде рекомендовал меня старшим в так называемую интернированную группу военнопленных. Я согласился. От голода интернированные были физически слабыми, истощёнными. После пленения их направили в тюрьму, а оттуда — в лагерь.

Группу отправили выравнивать площадь лагеря. Соблюдать строгий режим и справляться с тяжелой работой было нелегко, ибо пленные были так обессилены, что едва волочили ноги. Мы организовывали периодический отдых. Но и это было непросто. Постоянно приходилось остерегаться, чтобы ничего не заметил помощник коменданта ротенфюрер Теккемейер. Если он замечал, что кто-то из заключённых не работает, то избивал его дубинкой и отправлял в штрафной барак. Поэтому при появлении фашистов мы делали вид, что усердно работаем. Когда опасность миновала, пленные в бессилии опускались на песок. Сколько они выдержат? Что-то надо было предпринять, чтобы их спасти.

В бараке я познакомился с Янисом Калнынем из Гулбене. Он работал на кухне поваром и много помогал тем, кто не получал посылок от родственников.

Своё щедрое сердце Калнынь показал ещё до того, как стал работать на кухне. Получив из дому посылку, он всегда делился со мной, ибо мне никто ничего не присылал. С помощью Калныня удалось самых слабых военнопленных устроить на более лёгкую работу при кухне.

На строительстве нового здания комендатуры я познакомился с вольнонаёмным работником стройконторы техником Волдемаром Мелькисом. Этот спокойный, всегда вежливый юноша резко отличался от всех других вольнонаёмных техников и рабочих строительной конторы. Он, например, охотно помог некоторым товарищам переправить письма из лагеря. Так постепенно устанавливались связи и с внешним миром. Дома Мелькис слушал сообщения Совинформбюро и почти каждый день передавал нам радостные вести с фронта (*Поддерживать связь с внешним миром заключённым тайком помогал также техник Саласпилсской строительной конторы Я. Озол и студент К. Заде. Последний поступил на службу к эсэсовцам. Он охранял заключённых ещё в Центральной тюрьме, позднее часто появлялся и в Саласпилсе, сопровождая автомашину, доставлявшую в лагерь продовольствие. Из Центральной тюрьмы К. Заде неоднократно выносил по сотне писем, собранных в камерах. Письма доставлялись в пять-шесть мест, где они сортировались и отправлялись адресатам. Таким же смелым и бескорыстным связным был К. Заде и в Саласпилсе. Он никогда не брал от родных заключённых плату за оказанные услуги. К. Заде очень сожалел, что связался с гитлеровцами, но дорогу обратно не нашёл. С начала 1944 года о нём нет никаких сведений [Прим. ред.]*).

В бюро строительной конторы лагеря работал заключённый инженер Карл Фелдманис. Этот выносливый и добрый человек отличался большой силой воли (*Родился в 1895 году в Риге, учился в гимназии и электромеханическом техникуме. В Первую мировую войну его отправляют на Южный фронт, где он получает тяжёлое ранение и демобилизуется. В 1919 г. К. Фелдманис женится на Екатерине Чернышевой и переезжает в Москву, а в 1921 году возвращается в Ригу. Здесь его преследует и даже арестовывает политическая охранка.*

В 1940 году К. Фелдманис руководил строительными работами по оборудованию на территории Латвии оборонных пунктов Советской Армии. На этой работе он показал себя умелым организатором. Незадолго до начала войны жена К. Фелдманиса, работавшая в 1-й Рижской городской библиотеке, находилась в командировке в Москве и вернуться не смогла, он же, в свою очередь, ожидал её и не успел эвакуироваться. После вступления фашистов в Латвию его сразу же арестовали и заключили в Рижскую Центральную тюрьму, а позднее отправили в Саласпилсский концентрационный лагерь.

Сын К. Фелдманиса — Вадим с 1941 по 1945 год сражался против оккупантов в рядах Советской Армии [Прим. ред.].

Постепенно вокруг Фелдманиса стали объединяться люди, которые готовы были в стенах лагеря бороться против фашистских захватчиков. Среди них были Адольф Киряс, Янис Логин, Антон Эглит, Пудан, Дилан, врачи Бдилс и Олейни-

ков, санитар Синьцов и уже упомянутый техник стройконторы Волдемар Мелькис.

В строительной конторе Фелдманис делал различные чертежи. Там же находился кабинет начальника строительства Магнуса Качеровского. В нём стоял радиоприёмник. Почти каждый вечер, когда начальство уезжало домой, Фелдманис тайком подобранным ключом открывал кабинет Качеровского, и мы собирались около приёмника и слушали вести с фронта. Новости сразу же передавали товарищам. Полученные сведения поддерживали нас морально, давали возможность правильно понимать события на фронте.

Комендатуре нужен был посыльный или, как его здесь называли, ордонанц. Он должен был весь день находиться в комендатуре и выполнять распоряжения коменданта. Работы было много. Ежедневно лагерь посещали разные заказчики. Их заказы надо было доставлять в мастерские. Кого назначить на эту должность? Находясь в комендатуре, многое можно было узнать, разоблачить провокаторов и доносчиков. Выбор пал на меня, так как я знал немецкий язык и был самым молодым среди товарищей. Я понял, что заключённые, не зная сути дела, могут счесть меня за предателя и прекратить дружбу. А потерять друзей в лагере означало многое. Но выхода не было, и я выполнил волю товарищей.

Через дверь коменданта всё было отлично слышно. Часто там шли споры о делах на фронте. Да, даже они, убежденные эсэсовцы, думали совсем не так, как писали в газетах и передавали по радио. Лишь помощники коменданта Теккемейер и Эйкемейер верили в победу фюрера и рейха. Никкель и австриец Паллхубер, утратив веру в победу, уже думали о том, что с ними будет в случае краха. Неоднократно в лагере появлялся доктор кровавых дел Ланге. В его присутствии, разумеется, все мыслили одинаково — фюрер победит.

КАРЛИС ФЕЛДМАНИС — организатор и руководитель движения сопротивления в Саласпилском лагере смерти. Расстрелян в 1943 году. Портрет был нарисован в Саласпилсе. Автор неизвестен.

В комендатуре была комната, где хранились оружие и боеприпасы охраны. Изучив все подходы и возможности, я намекнул Фелдманису, что стоило бы туда попасть. Он согласился и поручил мне подумать, как это сделать. Однажды подвернулась возможность подняться на второй этаж, где находился указанный склад. Выждав удобный момент, я попытался подобрать ключи. Наконец один подошел. Теперь в любое время можно было открыть дверь склада — и все боеприпасы и оружие оказались бы в наших руках. Изготовили несколько таких ключей. Их хранил Фелдманис. Он говорил, что восстание надо согласовать с приближением Советской Армии.

Через Константина Стрельчика (мы вместе работали на заводе «Варонис») удалось установить связи с филиалом лагеря в Сауриешских каменоломнях. Под руководством Стрельчика там была организована группа сопротивления. Продукты питания выдавались в главном лагере. За ними в определенные дни под охраной являлись заключённые. Не раз приезжал и сам Стрельчик. Он всегда совещался с Фелдманисом. Был выработан план совместных действий. Группа Стрельчика уже многое сделала. Были изготовлены ручные гранаты, спрятан динамит. Распределены обязанности между членами группы, установлены связи с внешним миром. Фелдманис дал им указания ждать сигнала.

Пришла радостная весть; одержана большая победа на Волге, прорвана блокада Ленинграда, разгромлен фельдмаршал Роммель... Заключённый Янис Погулис писал стихи и поэмы о важнейших событиях. Он сочинил балладу о бегстве Роммеля, которую тогда знали наизусть почти все заключённые (*Особенно популярной была его сатира о разгроме фашистов, например «Африканский Наполеон или баллада о разгромленном фельдмаршале Роммеле» и «Трёпка у Волги».* Последнее стихотворение сохранилось у одного из бывших узников.

*Фриц от страха стал заикой,
Смерть пришла к зверюге дикой.
Воет, словно в клетке волки:
«Подыхать нам здесь на Волге!»*

*Вот уж скоро три недели
Нет ни хлеба, ни шинели.
Фюреру молись иль богу, —
Русских бить нам не помогут.*

*Блицкриг — нет глупее бреда!
Блицкриг сдох, а с ним победа;
Понял глупый фриц: пропало
Для фашистов масло, сало.*

*Кончен бал!.. Куда девалась
Песня «Дейчланд юбер аллес»,
Гитлер жаждал славы, с нею
Заслужил петлю на шею.
[Пер. с латышского Г. Горского].*

Весной 1943 года Яниса Погулиса вместе с многими другими увезли из Саласпилсского лагеря в Рижскую Центральную тюрьму. Его обвинили в участии в организации движения сопротивления, в подстрекательстве заключённых и распространения «слухов» о событиях на фронте. На допросах поэта жестоко били. Возможно, что в руки фашистов попало и какое-нибудь его стихотворение.

Янис Погулис расстрелян и зарыт среди Бикерниецких сосен.

В Саласпилсском лагере смерти писал стихи также Янис Логин, Петерис Вигант, Конрад Лея, Антония Цируле и другие. Яниса Логина убили вместе с Янисом Погулисом, а Конрада Лею — душили газом. После того как у него три раза брали кровь для нужд фашистской армии, Лея заболел чахоткой. Приехала душегубка, и его втолкнули туда вместе с другими тяжелобольными [Прим. ред.]».

Но чем больше мы радовались, тем свирепее становился враг. В бараке Ц-10 жил некий Изар. Его уже в тюрьме знали как провокатора. У Роде был радиоприёмник с наушниками, найденный заключёнными среди еврейских вещей. Им можно было принимать несколько станций, и вечерами ребята собирались и слушали передачи, хотя Фелдманис и запретил идти на такой риск.

Об этом пронюхал Изар и написал жалобу коменданту. К счастью, его жалоба попала в наши руки. Мы изолировали Изара, не подпускали его к немцам. Однажды ему всё же удалось добраться до комендатуры. Когда я это заметил, было уже поздно. Изара увидел и комендант. Предатель стал рассказывать, что в бараке все коммунисты, что там тайком слушают радио. А его всячески преследуют, даже избивают, потому что он душой и телом служит немцам. Комендант не понимал по-латышски и велел мне перевести. Это означало провалить товарищей. Поэтому я лгал. Сказал, что в бараке Изара избили, и добавил, что он сам виноват в этом, ибо уваливает от работы и его спальное место всегда в беспорядке. Вообще напелл Никкелю разных небылиц. Он обругал и выгнал Изара. В бараке Изар получил по заслугам. Закон против предателей был строг. Изара поместили в лагерную больницу. С этого началось наше несчастье.

Больницу часто посещал начальник строительства Магнус Качеровский. Однажды — это случилось в конце февраля 1943 года — лагерное начальство уехало домой. Как и в другие вечера, мы с Фелдманисом сидели в кабинете Качеровского и слушали радио. У Фелдманиса была карта. На ней мы отмечали линию фронта. Вдруг в коридоре раздались торопливые шаги. Мы замерли в предчувствии беды. Фелдманис выключил радио. Я спрятал карту и заметки под стоявшим в кабинете сундуком. Шаги остановились у двери. Кто-

Саласпилесский мемориал. Стена, символизирующая границу между жизнью и смертью. «За этими воротами стонет земля» — гласит надпись на ней.

— Да, слушали... музыку.

— Знаю, какую музыку вы слушали. Немедленно сообщу коменданту! — прошипел Качеровский.

Кинув на него хладнокровный взгляд, Фелдманис спокойно спросил:

— Неужели вам приятно будет видеть, как я качаюсь на обочине дороги? (На обочине лагерной дороги стояла виселица.)

Такой вопрос, казалось, вначале смутил Качеровского. Но спохватившись, он указал на меня пальцем и задал вопрос:

— А он что здесь делает?

Фелдманис сразу спас меня. Он пояснил, что я, проходя мимо, услышал шум и зашел проверить, что здесь происходит. Я подтвердил слова Фелдманиса. Качеровский выгнал нас из кабинета и ушёл. После этого инцидента мы прекратили посещать его кабинет. Почувствовали, что готовится что-то неладное.

Киртс, знавший Качеровского ещё по учёбе в университете, сказал, что от этого человека ничего хорошего ждать нельзя. Это действительно было так. Уже через несколько дней лагерь встревожила весть — в Рижскую Центральную тюрьму увезены Изар, врачи Бдилс и Олейников, а также санитар Синьцов. Нам всем было ясно: Изар через какого-то подлеца передал свою жалобу в гестапо. Фелдманис дал указание уничтожить всё, что во время обыска могло бы скомпрометировать нас.

— А ты, — он дружески взял меня за руку, отвёл в сторону и посоветовал, — никогда и никаких сообщений о фронте не слышал и никому не рассказывал. Никогда. Понял? Ты должен жить... И предупреди всех, — продолжал Фелдманис, — чтобы не признавались. Я спасу, кого только смогу...

Однако спасти товарищей было трудно. Уже на другой день увели самого Фелдманиса, Киртса, Пудана и других. Вскоре снова приехала «Чёрная Берта» и

то резко дернул за ручку. Дверь была заперта. Что делать? Не открывать? Не имело смысла. Если нужно, её все равно откроют. Фелдманис подал мне знак, я открыл дверь. На пороге стоял Качеровский. Бросив на нас злой взгляд, он большими шагами подошёл к радиоприёмнику и положил на него руку. Приёмник был теплым. Качеровский спросил:

— Слушали радиопередачу?

Оправдываться было бесполезно. Этим можно было ещё больше разозлить и без того лютого зверя. Фелдманис ответил:

увезла в тюрьму Логина, Дилана и всех, кто участвовал в изоляции и наказании Изара.

Как действовать дальше? Кто даст правильный совет?

Лучшие товарищи были увезены. Казалось, всё рухнуло, улегучивались последние надежды.

Как оценить возникшую ситуацию? На кого можно положиться?

Второго марта в лагерь прибыла гестаповская машина, на которой обычно приезжали оба следователя, отправившие наших товарищей в тюрьму. Один из них — унтершарфюрер Лахнер как-то странно посмотрел на меня, подав мне свой пустой кожаный портфель, велел отнести его в мастерскую, подождать, пока починят, и принести обратно. В холодном взгляде немца чувствовалось что-то недоброе.

Арвид Рейнкенкс.

Когда портфель был починен, Лахнер поставил меня к стенке. Через некоторое время он вышел из кабинета Никкеля и жестом приказал сесть в машину. Всё было ясно: мне предстоял тот самый путь, по которому несколько дней назад прошли мои товарищи. Меня привезли на улицу Реймерса, где тогда находилось гестапо, и заключили в погреб. Часовой, охранявший меня, сообщил, что в этой камере вчера повесился один наш товарищ с каменоломен. Поэтому я должен сдать поясной ремень. Так я узнал, что ребята на каменоломнях тоже «провалились». Значит, виноваты не только Изар и Качеровский.

Начались допросы, избиения и издевательства. Гестаповцы старались как можно больше узнать о деятельности подпольной группы. Ведя меня на первый допрос, уже знакомый охранник передал, что «старик», то есть Фелдманис, строго наказывал не признаваться, всю вину он уже взял на себя. Почему охранник был таким откровенным, не знаю до сих пор. Он рассказал также, что Константин Стрельчик, не выдержав мучений или боясь выдать товарищей, во время допроса выпрыгнул в окно и разбился.

Гестаповцы стремились узнать правду различными способами. На допросе они говорили: «Почему вы всё отрицаете? Ваши товарищи уже давно признались и ходят на свободе. Расскажите всю правду и вас тоже освободят!»

Тот, кто попадался на эту удочку, вместо свободы получал пулю. Я, как и наказывал Фелдманис, притворялся, что ничего не знаю. Пребывание в кабинете Качеровского объяснил как случайное совпадение. Очевидно, Фелдманис утверждал то же самое. Нам поверили.

После нескольких допросов меня отправили в Рижскую Центральную тюрьму. Сначала поместили в карцер, затем во второй корпус, в 32-ю одиночную ка-

Памятный камень на месте расстрела А.Рендникса, В.Мисы, Э.Саулитиса и их товарищей в Бикерниекском лесу.

Памятный камень на месте расстрела А.Рендникса, В.Мисы, Э.Саулитиса и их товарищей в Бикерниекском лесу. С началом войны Трифилий сражается как боец рабочей гвардии. В Видземе во время боя пуля пробивает ему грудь. Он падает возле сарая. Сарай загорается, но у раненого нет сил подняться и отползти в сторону. Огонь уже жжет лицо, вот-вот воспламенится одежда. В этот момент к раненому подходит немец и из винтовки стреляет ему в голову... И все же Трифилий выживает! Когда враг уходит, крестьяне отвозят раненого парня в больницу. Сильный организм побеждает смерть. После выздоровления его заключают в тюрьму. Там безжалостно пытаются и бьют. Потом его отправляют в Саласпилс. Лакомку посылают на самую тяжелую работу — он колет камни в Сауриешских каменоломнях. Трифилий начинает изготавливать гранаты и готовить заключённых к восстанию. Умер как герой. Своих друзей Лакомка не выдал [Прим. ред.]

Увели Дилана, Антона Эглита и других товарищей. Второй раз надзиратель вызвал Изотова, Валциса, чемпиона Прибалтики по боксу Балодиса, Арнольда Берзиня, Макарова и еще нескольких товарищей. Вместе с первой группой увели Рендникса, Логина, Кирта, врачей Бдилса и Олейникова, а также санитара Синцова. В последнюю группу попал Владислав Роде. Тяжело было расставаться с друзьями. Прощаясь, Роде сказал: «На смерть иду спокойно, с чистой совестью, но без борьбы не сдамся».

меру. В ней я находился около месяца. На прогулку меня выводили то одного, то вместе с каким-нибудь незнакомым человеком. Когда допросы кончились, нас всех, за исключением Киртса, Логина и Рендникса, поместили в общую камеру в корпусе мастерских. Кирт и Логин находились в первом корпусе, а Рендникс в чердачном помещении, где вместо камер было что-то наподобие клеток.

От товарищей мы узнали, что в лагере кроме Изара было ещё несколько провокаторов. В центральном лагере — Тишша и Арнхольд, а в каменоломнях — Пелнис.

Настал трагический день. Ночью с 5 на 6 мая 1943 года дверь открывалась три раза. С первой группой увели Трифилия Лакомку (Один из организаторов движения сопротивления в Сауриешских каменоломнях).

Когда увели третью группу, большая камера почти опустела. Никто не спал и при малейшем шорохе все вскакивали с нар. Нервы были напряжены до предела. Этой ночью было казнено несколько сотен заключённых, в том числе саласпилсцы, которые сознались хотя бы в малейшем проступке. Фелдманиса гестаповцы на сей раз ещё оставили в живых.

В последующие дни атмосфера в камере оставалась напряженной: убитые горем о погибших товарищах, мы ожидали дальнейшей расправы.

Позднее от тюремной охраны узнали, что все наши товарищи расстреляны в Бикерниекском лесу 6 мая 1943 года.

Шофер «Чёрной Берты» рассказывал, что держались они мужественно, пели Интернационал. В лесу обречённые на смерть отказались выходить из машины, стойко сопротивлялись. Особенно упорно отбивался один парень высокого роста, Рендникс — решили мы. Он был выше всех нас. Немцы вытаскивали непослушных из машины специальными баграми с железными крючьями на конце. Вся машина была залита кровью. Такого сопротивления, говорил шофер, он никогда ещё не видел.

В тюрьме, когда нас выводили на прогулку, я иногда встречал Фелдманиса. Как всегда, он был мужественным и хладнокровным, хотя хорошо понимал, что немцы в живых его не оставят. Фелдманис и в тюрьме старался поддержать в нас уверенность в победе над фашизмом.

Наступило 20 мая. Снова открылась дверь камеры и показался надзиратель со списком. Он вызвал нескольких товарищей, в том числе узника Саласпилса Яунзема. Дежурил помощник начальника тюрьмы Заринь. Сразу всё стало ясно — если дежурил он или братья Бия, то акции неизбежны.

На рассвете надзиратель вошел вторично и вызвал новую группу узников, в том числе и меня. Он сообщил, что эту группу повезут в Саласпилс. Мы не верили, ибо на рассвете вызывали обычно тех, чья дорога вела в яму. Кроме того, нас поместили в камеру смертников. Так называли 13-ю камеру первого корпуса, ибо в неё всегда сгоняли приговоренных к расстрелу. Но на этот раз тюремщики не лгали. Вскоре нас построили и сообщили, что мы отправляемся обратно в Саласпилс. Успокоились мы лишь тогда, когда дверь машины открылась и мы увидели территорию лагеря.

За время нашего отсутствия произошли перемены. Вместо Никкеля комендантом лагеря стал бывший комендант гетто, садист и убийца Курт Краузе. Он всюду ходил со своей собакой Ральфом, которая безжалостно впивалась зубами в заключённых. Ограда из колючей проволоки была ещё более укреплена.

Вскоре в тюрьме реорганизовали мастерские. Там создали филиал нашего лагеря. Комендантом был назначен Никкель. Помощниками — Эйкемейер и Паллхубер. Меня определили в филиал и снова увезли в Центральную тюрьму.

Здесь я ещё раз встретился с Фелдманисом. Мы работали вместе, но жили врозь: я — в корпусе мастерских, он — в тюрьме. У него был тюремный режим, у меня — лагерный.

Ещё до тюрьмы, в Саласпилсе, я познакомился с одним товарищем из Чехословакии. Это был механик Йозеф Гертнер. Мы подружились. Он глубоко ненавидел фашистов, на него можно было положиться. Он тоже жил в корпусе мастерских. Немцы часто приносили к нему ремонтировать радиоприёмники. Он этим пользовался и слушал вести с фронта. Новостями Гертнер делился с товарищами. Так в тюрьме мы узнавали всю правду о положении на фронте. Из тюремных надзирателей, охранявших нас, особо следует отметить Антона Кудинь и Блума. Они часто, рискуя своей жизнью, пересылали наши письма и приносили ответы родных. Они знали, что Гертнер слушает радио, и даже оберегали его. Предупреждали, если приближался кто-нибудь из начальства.

В тюрьме распространилась ужасная весть — ожидается новая акция. И действительно — 20 сентября 1943 расстреляли несколько сот заключённых. Среди них был фотограф Александр Яблонский с женой, бывшие узники Саласпилса Гусаров и художник Блум. В тот же день расстреляли и Карла Фелдманиса (*Блум был резчиком по дереву. В специальной мастерской, оборудованной по распоряжению коменданта Саласпилсского лагеря Никкеля, он мастерил красивые портсигары, шкатулки для рукоделия и другие сувениры. Особенно усердным «заказчиком» был сам начальник гестапо и СД Ланге. Шесть месяцев Блум должен был вырезать свадебный подарок жене Ланге — целую коллекцию.*

— Постарайся, — поторавливал Ланге, — если справишься с заданием — будешь свободен.

Блум работал день и ночь. Заказ был выполнен в срок.

Ланге сдержал слово. Блума из заключения освободили.

Когда он укладывал в бараке свои вещи, к нему подошел всем известный предатель Изар.

— Господин Блум, — он покорно изогнулся крючком, — не могли бы вы оставить мне что-нибудь на память о себе?..

— Это можно, — немного помедлив, спокойно ответил Блум, — и, размахнувшись, влепил предателю пощечину.

Да, Ланге слово сдержал...

Через некоторое время Блума арестовали, заключили в Рижскую Центральную тюрьму и расстреляли. Некоторые работы Блума, нелегально вынесенные из Саласпилсского лагеря, хранились в Музее революции Латвийской ССР [Прим. ред.].

Осень 1944 года. Наши войска уже приближались к Риге. Об этом говорила орудийная канонада. Изо дня на день мы ждали освобождения.

Немцы начали укладывать чемоданы. 17 сентября 1944 года нас в спешке погнали на станцию, посадили в поезд и снова повезли в Саласпилс, Но уже 21 сентября пешком пригнали обратно в Рижскую Центральную тюрьму. Ночью наша авиация бомбила Ригу. Мы радовались разрыву каждой бомбы, не думая о том, что могут попасть и в наш корпус.

26 сентября началась эвакуация тюрьмы. Ночью 27 сентября нас построили во дворе и под усиленной охраной повели в порт. Здесь стояли пароходы, готовые отчалить в любую минуту. На один из них загнали нас и увезли в Германию.

Мой дальнейший путь вел через лагеря смерти Заксенхаузен, Нейенгамм, Вильгельмсхафен и плавучий лагерь смерти — океанский пароход «Кап-Аркона».

* * *

Ещё несколько слов вместо эпилога. Август 1959 года. Кабинет следователя. Вводят знакомого мне человека высокого роста. Да это же он, Магнус Качеровский, бывший начальник строительства Саласпилсского лагеря! Прошло 17 лет. Много изменилось. Это уже не тот напыщенный фашистский наёмник, каким мы его знали в Саласпилском лагере смерти, а вежливый человек с искусственно-приветливой улыбкой.

Качеровский притворяется, что видит меня впервые. Возможно, ему действительно трудно вспомнить меня. Таких, как я, были тысячи. Зато я хорошо его запомнил. Припертый фактами к стене, Качеровский начинает узнавать и меня. Да, да, он знал, что мы слушаем радиопередачи. Даже всячески помогал нам. Однажды был такой случай: он вошёл в кабинет, когда мы с Фелдманисом слушали радио. Почему он угрожал нам? Просто так, чтобы поугадать, ибо мы действовали слишком открыто. Упаси боже, если бы узнал комендант, он на месте бы всех перестрелял. Значит погиб бы и его друг с университетских времен — Киртс.

Из показаний многих свидетелей о злодеяниях Качеровского видно, что именно он сыграл главную роль в ликвидации нашей группы сопротивления. Не случайно он так часто посещал больницу, где находился предатель Изар. И то, что он внезапно застал нас около радиоприемника, тоже не было случайностью. Он тщательно следил за нами. Его товарищ по учебе оказался прав: Качеровский был способен на любую подлость.

Рассматривая дело Магнуса Качеровского, Верховный Суд Латвийской ССР разоблачил все его злодеяния. На суде выяснилось, что Качеровский повинен в провале организации сопротивления, что он участвовал в убийстве летчика лейтенанта Виктора Воробьева.

Решение суда было справедливым: расстрелять.

Заслуженное наказание понесли и другие предатели.

Изар умер в тюрьме, Арнхольд утонул с пароходом «Кап-Аркона». Многие были казнены в немецких лагерях по справедливому решению самих же заключённых. А где немецкие фашисты Ланге, Кауфман, Краузе, Никкель, Бергер, Теккемейер, Сект, Хейер, Паллхубер и другие кровожадные псы комендатуры? Где их услужливые латышские холоуи Тоне, Видужс, Селис? Может быть, они ещё ходят где-нибудь на свободе, выдавая себя за достойных, законопослушных людей?

Нет, мы не имеем права забывать слова Юлиуса Фучика, сказанные им перед казнью: «Люди, будьте бдительны!»

В ШТРАФНОЙ ГРУППЕ

АВГУСТ ОЗОЛ

Один из немногих заключённых, оставшихся в живых после того, как долгое время находился в штрафной группе и испытал все ужасы унижений и пыток. В штрафники он попал за попытку переслать родным письмо. Его арестовали в июле 1941 год, обвинив в подстрекательстве против немецкого оккупационного режима. Кроме того, власти узнали о его прошлом. В дни Октябрьской революции А. Озол был членом Совета рабочих и солдатских депутатов, участвовал в гражданской войне, являлся красным латышским стрелком.

Вначале его заключают в Центральную тюрьму, а через десять месяцев увозят в Саласпилский концентрационный лагерь, где он выполняет тяжёлые работы в Сауриешских и Бемских каменоломнях. После изгнания фашистов он работал лесничим в Арциме.

Над Саласпилским концентрационным лагерем всегда витала смерть. Больше всего она задерживалась вблизи так называемой штрафной группы. В неё мог попасть любой узник за мелкие нарушения лагерного режима, например за то, что курил во время работы, или ушёл в уборную без разрешения начальника группы, или за то, что недостаточно быстро стал в строй во время поверки, за разговоры на работе и за многие другие проступки. Особенно серьёзным нарушением считалась встреча с родными. Те, кто работали в Сауриешских или Бемских каменоломнях или на торфяном болоте, шли на такой риск. Наиболее краткий срок пребывания в штрафной группе был один месяц. Большинство оставалось здесь два месяца, а если, будучи в группе, осужденный совершал новый «проступок», ему прибавляли ещё один или два месяца.

Трудиться надо было по 14 часов в день. Главная работа — чистка уборных. К шести привязывался сосуд ёмкостью примерно в четыре ведра. Опорожнять его надо было метров за 400 дальше. Гестаповцы следили за тем, чтобы ёмкости были полными. Нарушившим это правило приходилось вечером с полчаса прыгать, как лягушки. Сосуд несли два человека за концы шеста. Останавливаться можно было только у ямы. Во время носки не разрешалось отдыхать, а чтобы перемотать портянку, надо было просить разрешения у начальника группы. А он не всегда соглашался. От ходьбы в деревянных колодках на ногах быстро появлялись волдыри.

Зачисленные в штрафную группу иногда пользовались возможностью отдохнуть, отпросившись в туалет у начальника группы. Лагерные уборные были длинными, с 50-60 отверстиями в полу и дверьми в конце барака.

Сюда приходили отдохнуть не только из штрафной группы, но также с «карусели» или «живого конвейера». Так называлась «работа», где люди с носилками ходили по большому кругу. На одной стороне круга группа заключённых насы-

пала на носилки землю, на противоположной стороне её надо было сбрасывать. Когда куча земли становилась достаточно большой, её переносили обратно, и так без конца.

Теккемейер умел так подкрадываться к уборной (мы говорили налетать), что замечали его лишь тогда, когда он уже был в дверях. Раздавался предупреждающий оклик: «Штукас идет!» — так мы звали Теккемейера. Палач и сам знал, что у него такое прозвище.

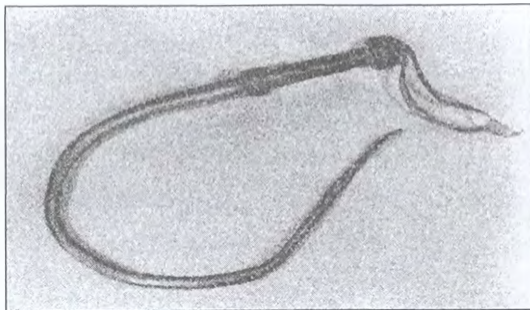
Тех, кто не сидел на корточках над отверстием уборной, он немилосердно бил своей толстой палкой и приговаривал: «Штукас идет, Штукас идет!» Большая собака коменданта, волчьей породы, была хорошо натренирована. Она срывала одежду с узников и вгрызалась в их костлявые тела.

В штрафной группе получали наполовину меньше хлеба и обеденного супа, чем остальные. За день люди были до того изнурены, что вечером еле могли дотянуться до барака. Бывало, что вечером кое-кто, сдав инструменты, в бессилии оставался у стены. Так случилось с инженером Вискне, которого за попытку встретиться с женой направили в штрафную группу на два месяца.

От плохой пищи у многих на теле появлялись сыпь и нарывы. У штрафной группы был свой барак. Для других заключённых обеденный перерыв длился один час, а здесь — только полчаса. Пока узники после работы добирались до барака, проходило по крайней мере минут пять. Те, кто у чана с супом становились в очередь последними, нередко не успевали выхлебать свою порцию, когда начальник группы уже приказывал строиться для выхода на работу. О ночном отдыхе немцы также «забыли»: нам приходилось спать, так тесно прижавшись друг к другу, что каждый, кто слезал с нар и хотел снова попасть на свое место, должен был беспокоить весь ряд спящих.

В барак штрафной группы помещали также приговоренных к смертной казни. Долго они здесь не оставались. Осужденных на смерть на работу больше не гнали, из барака не выпускали. Эту меру наказания осенью 1943 года применили к нескольким заключённым, работавшим вне лагеря. К ним приходили родственники. За свидание им «пришили» попытку к побегу, что каралось смертью. Охранники за проявленную бдительность получили бутылку водки и три дня отпуска.

Все эти муки еще усугублялись произволом полицейского. Каждый вечер 10-15 несчастных подвергались издевательствам. То они должны были прыгать, как лягушки, ходить гусиным шагом и ложиться на землю или в грязь. За полчаса человек изматывался до того, что был не в состоянии войти в барак. Иногда нам приходилось работать и в бане, так как там часто выходила из строя примитив-

Специальная плетъ для порки представителей «низшей расы». Фашисты часто пользовались таким орудием в Саласпилсском лагере.

В июле, традиционно отмечается День памяти жертв Саласпилса. Здесь собираются оставшиеся в живых бывшие узники, их дети и внуки...

Многие заболели и умирали. Больше всего умерло детей. В этих бараках днем и ночью дежурили люди из штрафной группы. В их обязанности входило также убирать мертвецов.

Выносить все эти муки в штрафной команде можно было только благодаря солидарности заключённых. Несмотря на то, что мы не имели права встречаться с узниками других барачков, товарищи, рискуя сами попасть в штрафную группу, находили возможность передавать нам кусок хлеба и приободрить добрым словом, столь необходимым в наших условиях. Поддержка друзей не давала нам окончательно погибнуть. Она укрепляла нашу веру в победу, вселяла силы переносить все трудности.

ная канализация. Тогда мы выносили из шахты грязную воду. Когда в бане мылись женщины, вовсе проявлялся цинизм гитлеровцев. Узникам в бане отрезали волосы. Парикмахеры были мужчины. Гитлеровцы беспрерывно ходили по бане и нагло рассматривали обнажённых девушек.

В начале 1943 года в Саласпилский лагерь смерти пригнали так называемых «эвакуированных», в том числе стариков и матерей с маленькими детьми. Прежде всего им приказали раздеться догола. Одежду они должны были оставлять в бараке, будто бы для дезинфекции, а сами голыми бежать в баню. После бани всех — мужчин, женщин и детей загнали в барак, пол которого был устлан соломой. Этот барак назывался карантинном. Сюда помещали столько людей, что им даже негде было прилечь. Три дня они сидели на корточках или стояли, тесно прижавшись друг к другу. Не хватало воздуха. Многие

ВО ВЛАСТИ НЕЛЮДЕЙ

МАРТА ТРЕЙДЕ

Она была почтальоном. Почему же её арестовали?

— Признайся, что ты комсомолка! — допытывался фашистский приспешник, положив на стол пистолет. Допрашиваемая рассмеялась:

— Что вы! Мне уже 42 года!

— Кроме того, ты ещё, наверное, чекистка. Не упирайся, у нас доказательства — документы.

Этого было достаточно, чтобы человека на несколько лет лишить свободы! В 1941 году М. Трейде заключили в Смилтенскую тюрьму, потом перевели в Валмиерскую, оттуда в Саласпилский, а затем — в Равенсбрюкский лагеря. После разгрома фашистов Марта вернулась в Смилтене, работала в домоуправлении и библиотеке.

Из Смилтенской тюрьмы в Валмиерскую, оттуда в Валмиерский концентрационный лагерь — так в течение двух лет перебрасывали с места на место женщин, арестованных в северной Видземе.

21 сентября 1943 года нас ждали машины, чтобы отвезти в Саласпилский концентрационный лагерь. Нас осталось уже немного. В Иршском парке часто раздавались залпы винтовок, гибли неповинные люди.

Между нами была липайчанка Анньня Эджинь, у которой дома остались старая мать и четверо ребятишек, мал мала меньше, жительница Мазсалацы Эльза Кирсе — единственная дочь и опора своих родителей, Альма Мике из Смилтене, дома у бабушки остался её маленький сынишка, Эмилия Лаките, тоже мать четырех детей, и старушка Кинок, не терявшая надежды дождаться победы и своих двух сыновей — бойцов Красной Армии. Моё сердце было полно печали. В январе, когда я находилась в Валмиерской тюрьме, умер мой единственный сынишка Имантынь.

Осенью прошлого года из Валмиерской тюрьмы уже было увезено в Саласпилс 200 мужчин. Теперь пришёл мой черед. Ничего хорошего нас там не ожидало. Немало страшных рассказов наслышались мы об этом месте мучений. Но действительность оказалась более мрачной, чем все рассказы.

Перевалив через дюны, поросшие соснами, автомашины остановились у ворот Саласпилского лагеря. Мы с любопытством осмотрелись. С первого взгляда ничего страшного мы не заметили. За забором из колючей проволоки простиралось широкое поле. По усыпанным гравием дорожкам куда-то торопились одетые в серую форму люди. Вокруг двора симметрично расположились низкие бараки. После двух лет, проведённых в тюрьме, где мы видели солнце лишь украдкой, его яркие лучи разгоняли мрачное настроение. К сожалению, это продолжалось недолго. Позже мы даже проклинали солнце за безжалостный зной, а усы-

паньне гравием дорожки фашисты и предатели латышского народа окрашивали кровью заключённых.

ВЫРОДКИ ПОТЕШАЮТСЯ

В Саласпилском концентрационном лагере была разработана изощренная система унижений. Это делалось с целью превратить нас в животных в образе человека. Над человеческим достоинством здесь измывались ежедневно, на каждом шагу. Насмехались над отдельными заключёнными, издевались над всеми.

Мыться мы ходили в баню. Она была маленькой, а нас было много. За два часа должны были помыться несколько сот человек, поэтому все это происходило в спешке, очертя голову. Во время мытья вдруг появлялись «ревизоры» — комендант Краузе со своей свитой — помощником Видужсом, Пуринем и другими прислужниками немецкой жандармерии. Вышучив глаза, они пытались сквозь пар рассмотреть юные тела, поиздеваться над пожилыми женщинами.

Однажды они пристали к украинкам. Послышались непристойные, сальные выражения. Сам Краузе начал цепляться к какой-то девушке по имени Тоня. Лидия Озол из Тукумса быстро сообразила, как проучить пегодяев. Черпнув горячей воды из котла, она, будто нечаянно, обдала ею Краузе.

На мгновение Краузе остолбенел. Тоня спряталась за другими девочками. Тогда изверг набросился на Лидию: бил её, пинал ногами, пока она без сил не опустилась на мокрый пол. На зов Видужса в баню ввалились охранники. Они связали голую Лидию и поволокли в бункер. Мы боялись, что не увидим её больше. К разъяренному Краузе приблизилась санитарка Русе. Она хотела сказать, что Озол больна и не отвечает за свои действия.

— Прочь! Прочь! Вы виновны все! Я оставлю вас на два дня без еды.

На восьмые сутки Озол всё же вернулась. Оказалось, что Лидию из бункера увезли в больницу, ибо она симулировала умалишенную. Ей очень помог лагерный врач, политический заключённый, подтвердивший диагноз.

Краузе, вероятно, было выгодно признать, что нападение совершено в припадке безумия. Однако он не мог этого забыть. Однажды, увидев из окна второго этажа комендатуры Тоню, Краузе ранил её выстрелом из револьвера. Это за то, мол, что из швейной мастерской она шла, а не бежала, как было предусмотрено лагерными правилами!

Клопы и другие насекомые были постоянными спутниками заключённых. Изредка администрация лагеря, «заботясь о чистоте», приказывала дезинфицировать бараки. Самых заключённых-женщин сгоняли в изоляционный барак — жарко натопленное помещение, где на полу была разбросана солома. Нам приходилось проводить в этом душном бараке три дня и три ночи. Мы лежали, словно выброшенные на берег рыбы, и открытыми ртами хватали воздух.

До того как нас загоняли в изоляционный барак, надо было пройти баню. За несколько часов сотни людей помыться не могли. Успевали лишь умыться руки и лицо. Но если у кого-либо оставались сухие волосы, охранник бил

плетью и гнал обратно. Выходя из бани, каждая из нас получала полотенце, но вытираться было некогда. Полумокрым нам набрасывали на плечи мужскую рубашку или что-либо другое из одежды. Так одетыми, босиком, зимой и летом, мы должны были добжжать из бани до изоляционного барака.

Рубашки и верхние юбки выдавали без разбора: часто маленького роста женщины получали длинные рубахи, а высокие — короткие, едва достигавшие пояса. У выхода стояли ээсовцы. Смотря на полуголых женщин, они орали, как дикари, и издевались. Как-то во время такой перебежки я познакомилась с Эльзой Калпинь. Она имела статную фигуру, а рубашка ей попала совсем короткая, и такой же «полусюртучок», который она набросила на голову, чтобы волосы не заledenели. При выходе из бани мы столкнулись. Я маленького роста, но на мне было длинное пальто. Проталкиваясь через дверь, в сутолоке я успела сорвать с неё короткий сюртучок и отдать своё пальто. Так мы старались помогать друг другу.

После «мытья» в бане и хождения по морозу многие женщины в бараке заболели. Единственным лекарством у нас был горячий чай. Заварку для чая нам приносили женщины, работавшие вне лагеря — в Саласпилском садоводстве.

В баню. Литографюра К.Буна.

ГОСПОДИН КРАУЗЕ РАЗВЛЕКАЕТСЯ

Ночь. В бараке стоит глубокая тишина... Вдруг пронзительные крики:

— Вставайте! Пожар.

— Все вон, быстрее! Огонь уже охватил барак! Хотите сгореть? — кричал Видужс и стучал кнутом по столу.

Сонные, перепуганные женщины вскакивали, хватали то, что попадалось под руку, ничего не соображая, падали с верхних нар вниз на плечи и головы другим. Отчаянные вопли. В воздухе, казалось, уже чувствовался запах гари. Схватив узелки со своими вещами, все бегут к дверям. Люди и узлы застревают в проеме. Те, кто сзади, нажимают. Плач, стоны, отчаяние, смертельный страх.

Вывабившись наконец во двор, видим, что барак окружили вооруженные охранники. Там же рядом стоит комендант Краузе со своей собакой волчьей породы и размалёванной кокоткой в большой шляпе. Краузе наблюдает за всем происходящим, что-то говорит своей подружке, и оба смеются, словно их щекочут. Мы поняли — нигде ничего не горит. Неужели действительно наступил наш последний час?

«Униженная». смерть своего сыночка. Это было

короткое мгновенье, но меня оно потрясло ужасно.

Напротив нашего барака находился склад инструментов, носилок, лопат. Морозное зимнее утро. К бараку подходит группа заключённых в светло-серых брюках и куртках за инструментами. Верхней одежды мужчинам не выдавали даже в самую студеную пору. Но кто же были эти заключённые?! Подростки в возрасте 15 лет.

Я остановилась как вкопанная. Мне казалось, что среди этих мальчиков я вижу лицо своего сына, который улыбается мне успокаивающе, ободряюще, как взрослый.

Нет, это не был мой сын, и все же это был свой.

Мальчики, очевидно, заметили мое взволнованное лицо и один за другим улыбнулись. Затем, насупившись, разобрали свои лопаты и зашагали на работу — очищать снег с дорожек.

Дети — политические преступники! Мне казалось, что холодная рука сжимает мое сердце и оно остановилось. И только детские улыбки вернули меня к действительности. Проклятие, вечное проклятие гитлеровцам и их прислужникам —

Светлая ночь. Луна. Полуголые женщины, которых выгнали на двор, мерзнут и дрожат от волнения, пытаются закутаться в захваченное с собой тряпье.

Видужс снова орет:

— Становись в строй! Смирно!

После этого он зачитывает инструкцию, как следует вести себя после сигнала тревоги. Ни одна заключённая не соблюдает, мол, этих правил.

— Если бы вы сгорели, виноваты были бы сами! — издевается он.

— Однако на сей раз господин комендант великодушно прощает вас и разрешает идти обратно в бараки спать.

Господин Краузе, его собака и любовница здорово позабавились.

УЛЫБКА СЫНА

Вовек не забуду той минуты. Возможно потому, что тогда я острее чем когда-либо переживала

щуцманам, айзсаргам и другим выродкам, которые пытали и погубили столько юных жизней!

БОЛЬ КУЕТ НЕНАВИСТЬ

Шел день за днем. Каждый был заполнен событиями — одно тяжелее другого. Из швейной мастерской часть женщин перевели в «ремонтную» мастерскую — большой пустовавший барак. Здесь раньше содержались тысячи детей, у которых брали кровь для нужд фашистской армии.

Вспоминаю день, когда привели сюда малышей. Нас выгнали из бараков, построили, чтобы мы смотрели, как вооруженная охрана отнимает детей у матерей из соседнего барака. Там жили русские женщины. Охранник вырывает из рук матери её малыша, саму отбрасывает пинком ноги, а ребёнка, как полено, щуцманы перекидывают по цепочке из рук в руки.

В воздухе стояли отчаянные, почти безумные вопли. Матери рвали на себе волосы и умоляли охрану:

— Застрелите нас!

Мы стояли как парализованные. Наконец, ругаясь, охранники стали загонять нас в барак. Как человек мог всё это выдержать, остаться живым и не лишиться рассудка? Перенести эти унижения помогло то, что среди заключённых были люди, которые в самые страшные минуты умели сказать добрые, ободряющие слова, подать руку помощи. Выдержать всё это помогла лютая ненависть к палачам и их приспешникам.

ОНИ ЖАЖДАЛИ КРОВИ

КАРЛ БУШ

Родился в 1912 году в Риге. После смерти отца и матери находился в детдоме. В 14-летнем возрасте начинает работать маляром. С 1929 до 1934 года он изучает графику и живопись в Рижском народном университете. С 1940 года работает председателем Профсоюза работников изобразительного искусства, заведующим художественной редакцией Латвийского государственного издательства и директором Музея изобразительных искусств. В начале Великой Отечественной войны художник участвует в боях против гитлеровцев в Эстонии и попадает в плен. Из лагеря военнопленных его переводят в Рижскую Центральную тюрьму, а оттуда — в Саласпилсский лагерь. После освобождения Риги К. Буш работал директором средней школы прикладного искусства и Художественной средней школы имени Я. Розенталя.

Тусклые лампочки бросали желтоватый свет на узкие проходы. Между рядами многоэтажных нар копошились истощённые фигуры. В узких оконных проёмах уже отсвечивало утро. Кашель, побряхтывание, слабый, приглушённый разговор смешивались с топотом деревянных башмаков.

В конце барака уже раздавали завтрак — чёрный кофе, по вкусу и виду напоминавший коричневую болотную ржавчину, и кусочек чёрного хлеба, за которым жадно тянулись костлявые пальцы. Ничтожного ломтика едва хватало на два-три укуса, но были люди, долго жевавшие его по маленьким кусочкам.

Им казалось, что так лучше можно утолить голод. Один мой товарищ из своей порции скатывал крохотные шарики и сыпал их в карман, потом по одному клал в рот и сосал. Он был счастлив, что мог дольше себя обманывать.

В то утро лил дождь, и чёрное небо не сулило быстрой перемены погоды. В таких случаях торфозаготовителей на работу не выгоняли. Делалось это не из человечности, а из коммерческих соображений. Торфозавод платил правлению лагеря за каждого раба, поэтому в дождливую погоду администрация не принимала рабочих.

Другие из нашего барака уже были заняты в лагере, а мы, торфяники, сидели в ожидании и боялись, что нас пошлют на «живой конвейер» и заставят носить по лагерю песок.

В барак вошел эсэсовец и вызвал меня в комендатуру.

«Вот и крышка», — подумал я.

— В тюрьме работал конструктором мебели? — спросил староста лагеря — латышский гитлеровец Видужс. Я облегченно вздохнул.

— Да, работал!

— Тогда на болото больше не пойдешь, останешься в столярной мастерской. Ясно?

— Понятно!

Строительство столярного барака было закончено, и там оборудовали мастерские, где работали столяры, бондари, токарь и парикмахер. Здесь изготовляли мебель, окна, двери, деревянную посуду, деревянную обувь и другие вещи.

Умелых рук среди заключённых хватало, и скоро тут насчитывалось до 25-30 мастеровых. Бригада бондарей занимала небольшое помещение у входа, в котором четыре мастера делали бельевые чаны, ушаты для разности пищи, вёдра и шайки.

В нескольких десятках метров за мастерской выросла целая гора поврежденных дорожных сумок и пришедших в негодность чемоданов. В них когда-то их владельцы хранили наиболее ценные вещи, которых никогда больше не видели.

На многих чемоданах еще можно было прочесть фамилии и названия мест и городов.

Однажды бондарь Герулис притащил в мастерскую три потёртых чемодана.

— Ты, наверное, собираешься на тот свет, поприветствуй Петра! — подразнил его кто-то.

— Нет! Я сделал сундучок и хочу пристроить ручку. Какая лучше? — обратился Герулис ко мне.

— Бери потолще, её удобнее держать. — Я схватил чемодан за ручку и несколько раз приподнял его. Вдруг я почувствовал, что в ручке что-то забренчало. Встряхнул чемодан ещё раз — да!

— В ручке, наверно, спрятаны бриллианты. Послушай, как стучат. Срывай скорее!

Герулис недоверчиво улыбнулся и в свою очередь потряс чемодан.

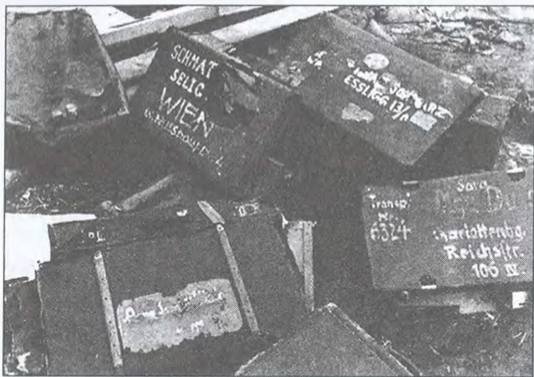
— Да, стучат, сейчас посмотрим!

Он осторожно снял ручку, в ней торчал какой-то свёрток.

Казалось, шутки становятся действительностью, и наше любопытство нарастало.

Вдруг я заметил, что вдоль окна проскользнула «фазанья» шапка. Только успел я крикнуть: «Бросай, Штукас идет!», как в дверях показался помощник коменданта Теккемейер. Герулис со старым Чейраном усердно натягивали обруч на ушат для раздачи пищи, я склонился над каким-то рисунком. Лицом к лицу я увидел Теккемейера впервые. Острый орлиный нос, тонкие губы, невыразительные глаза, полностью лишённые человеческого чувства. Его движения и жесты выражали напыщенное превосходство. Обращаясь к старшему столярной мастерской, он начал:

— Сделайте чертеж четырехместной охотничьей коляски. Она должна быть элегантной и легкой. — Последние слова он подчеркнул с таким жестом, буд-

Чемоданы евреев, депортированных в Ригу для уничтожения.

— Нет, не разрезав ручки, ничего не получится.

— Вытаскивай, неужели тебе ручек мало? — подбадривал я его.

Герулис взял щипцы, оторвал тонкий металлический ободок и вытащил старательно завернутый предмет. Развернув его, мы увидели красивое ожерелье из настоящего жемчуга.

Где оно осталось, я теперь не помню. По всей вероятности, отняли эсэсовцы.

Охотничьей коляски я никогда не видел, поэтому не знал, на двух ли она колесах или на четырех. Однако бумага и фантазия позволяют всё. Решил нарисовать красивые эскизы, а конструкцию коляски сделать с большими дефектами, чтобы новоиспечённые бароны сломали себе шею.

С бумагой, карандашом и сантиметром я отправился к банке снять размеры большого колеса, лежавшего в песке около двери. Прислонив его, я стал измерять и записывать. Вскоре внутри домика раздались слабые голоса. Прислушался внимательнее, но понять ничего не мог. Тогда незаметно несколько раз стукнул колесом в дверь и спросил: «Сколько вас там?» Никто не ответил. Повторил то же самое на русском, потом на немецком языке и внимательно прислушался.

— Девять человек, — ответил слабый голос.

— Дайте сигарету, — попросил другой по-французски.

— Я заключённый и сигарет у меня нет, к тому же дверь замкнута, — ответил я по-французски и спросил: — Откуда, почему и как долго вы тут находитесь?

— Месяц назад нас, примерно 30 мужчин, привезли из Освенцимского лагеря в Рижскую тюрьму. Здесь мы пятые сутки. В первую ночь нас заставили зарыть большое число погибших, потом копали новые ямы. Прошлой ночью их засыпали. В них были убитые женщины, дети, старики. Здесь нас двое французов, четверо поляков и трое чехов — все политические. Кормят нас раз в два дня. Того, кто не может больше работать, убивают на месте...

то уже сидел в коляске и ехал на охоту. — Образец больших колес у того домика. — Кожаной перчаткой показал в сторону маленького домика, который виднелся в окне. Заключённые его называли баней охранников.

— Эскиз должен быть готов через три дня. — Он повернулся и направился в сторону склада награбленных вещей.

Герулис сразу же поднял ручку от чемодана и стал вынимать сверток.

На следующий день я снова пошёл измерять колесо. Через щель под дверью просунул несколько сигарет и спички. Из девяти там осталось семь человек.

В тот день, как обычно, после скудного завтрака мы готовились к выходу на работу, как раздался приказ: всем построиться во дворе! Там арестованных уже ждали вооружённые охранники. Среди них не было ни одного, руки которого не были бы обгажены человеческой кровью. Чтобы им лучше набить руку в зверствах, их через четыре-пять недель сменяли. Они должны были побывать всюду, где смерть проявлялась в самых ужасающих видах.

Дольше оставались только гитлеровцы с особыми заслугами. Выродок Лаврис орудовал в лагере уже пятый месяц. У него всегда находились причины кричать на заключённых и избивать их. Своим коллегам по зверствам он любил рассказывать о кровавых оргиях в Польше и Белоруссии, об участии в уничтожении людей в Бикерниеках и Румбуле. К пуле он прибегал лишь в отношении особо сильных людей, для слабых было достаточно приклада винтовки, а детей он брал за ноги и убивал ударом о дерево.

За свои чудовищные злодеяния и сэкономленные пули его всегда хвалило начальство и выдавало увеличенную порцию водки. После этого начиналась беспробудная пьянка.

Теперь эти человекоподобные звери заставили нас построиться в несколько параллельных рядов, с пятиметровыми интервалами друг от друга. После команды «Равняйся!» ряды выпрямились и воцарилась зловещая тишина.

День был ветреный и холодный. Темные облака закрывали солнце. Северный ветер с воем поднимал вихри пыли, временами бросая в лицо брызги острого песка. Порывы ветра сбивали измученных людей с ног. Все взгляды были обращены в сторону комендатуры, откуда вот-вот должны были появиться комендант Краузе, его помощник Теккемейер и латышский убийца Видужс. Казалось, что они сейчас придут, отсчитают каждого третьего или пятого и начнётся очередная акция.

Это было время, когда у гитлеровских банд уже земля горела под ногами. Непрерывные удары Советской Армии вынуждали фашистские войска всё стремительнее откатываться назад.

Руководство лагеря и охранники нервничали, обращение с заключёнными становилось всё более жестоким. Из Белоруссии стали прибывать эшелоны с женщинами, детьми и стариками. Привозили тысячи людей, сортировали, убивали. Состав похоронной команды увеличился. Ежеминутно можно было ожидать самого худшего...

...У комендатуры появилась группа людей, одетых в гитлеровскую форму. Переговариваясь, они приблизились к нам. Их мундиры украшали свастика и орлы, на фуражках блестели эмблемы черепа. У некоторых вместо галстука — железный крест, на поясных пряжках надпись «Gott mit uns» («С нами Бог» — нем. [Прим. ред]). Уже давно известно, что с этим божьим словом фашисты совершали ужасающие преступления. И на сей раз ничего хорошего ожидать было нельзя.

Эти люди пережили Освенцим и были освобождены бойцами Советской Армии.

Сегодня в Польше готовы сносить памятники «советским оккупантам»...

рывом ветра замирало сердце. Казалось, эти живые скелеты вот-вот с грохотом рассыпятся. Голодный режим даже самых сильных превратил в скелеты.

Через некоторое время вернулась первая пятерка. Бледные люди с посиневшими губами едва держались на ногах. Некоторых даже несли на руках.

— У нас взяли кровь, — прошептал кто-то.

И вот снова выносят мужчину с бритой головой. Он без сознания. Кажется, знакомый. Вглядываюсь пристальнее — да, это он — Август Калнинь из барака «Ц-9». В памяти мелькают картинки совместной работы в подпольной печати ульманисовской Латвии. Мы, как можем, помогаем товарищу прийти в себя. Вскоре он открывает глаза и шевелит губами:

— Проклятые изверги!

— Война и фашизм — братья-близнецы. А человечность? Такого понятия в фашистском лексиконе нет, — оглянувшись, тихо добавил Мартин Крауклис. И тут же продолжал:

— Вчера меня привезли за одеждой из Сауриешских каменоломен, сегодня надо было ехать обратно, но, видишь ли, — сначала спустят кровь, а потом велят грузить камни.

Подошла и моя очередь.

В помещении, куда нас ввели, воздух был насыщен испарениями медицинских препаратов. На широких дощатых столах рядами тянулись закрытые стеклянные баллоны с кровью заключённых. Те же эсэсовцы, которые отбирали жертвы, теперь ловко орудовали в белых халатах. Один брал кровь, другой делал анализ и определял группу крови, третий заставлял поднять правую руку, на которой татуировкой обозначал эту группу. Остальные выкачивали

красный сок жизни, пока жертве не делалось плохо или человек терял сознание. Если кто-нибудь пытался оказать сопротивление, его безжалостно избивали, тащили в умывальню и оставляли там, пока он не приходил в себя. Затем все начиналось сначала.

— Садись! — указал на свободный стул эсэсовец в белом халате. Удивительно чуждо звучали эти слова. Предложить сесть... Это, конечно, не из уважения или вежливости, а... В левую руку мне дали стеклянную колбу, а у правой что-то делал эсэсовец. Уже через несколько секунд в колбу потекла кровь. Я повернул голову в сторону. Рядом сидел Мартин Крауклис. Лицо его было смертельно бледным. Ещё мгновение и... колба падает, но эсэсовец её ловко подхватывает. Падает человек. Да, кровь они умеют беречь, а людей... Струйка крови у меня постепенно иссыкает, и гитлеровец приказывает подвигать рукой — сжимать пальцы в кулак и снова разжимать. Постепенно поток крови увеличивается. Но рука быстро устает, и движения становятся всё слабее.

— Быстрее, быстрее! — кричит фашист.

Мне становится плохо... Вскоре я оказался в прихожей на полу.

Вечером перед проверкой староста лагеря ходил по баракам и от имени коменданта сообщал:

— Отдавшие свою кровь имеют право два дня получать дополнительную порцию кофе, а в обед, если будут излишки, даже супа.

Так они глумились над нами.

Такие вампирские акции предпринимались в лагере неоднократно — это способствовало заболеванию заключённых и увеличивало смертность.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

ЛИЛИЯ ЛИГЕР

В первый раз была арестована в 1936 году. Её осудили на 18 месяцев исправительных работ за сотрудничество с подпольной антиульманисовской организацией. В начале войны она вступает в истребительный батальон и отправляется на фронт. Тяжело раненую Лилию помещают в Таллинскую больницу. Эвакуироваться она не успевает. Из больницы гитлеровцы перевозят её в тюрьму. В Латвию заключённую переводят только в феврале 1943 года — сначала в Центральную тюрьму и потом — в Саласпилсский лагерь. Отсюда её отправляют в Данциг и заключают в Штутхофский лагерь уничтожения. В марте 1945 года Л. Лигер освобождает Советская Армия. В 1950 году Лилия поступила на историко-филологический факультет Латвийского университета. В дальнейшем работала литсотрудником в газете «Циня», заведовала отделом редакции газеты «Ригас балсс».

В середине июля 1944 года из Рижской Центральной тюрьмы нас привезли обратно в Саласпилсский концентрационный лагерь, чтобы отправить в Германию. Всех пересыльных заперли в один барак. Не только четырёхэтажные нары были забиты до отказа, но и на полу негде было ногой ступить. Разные тут оказались женщины. Старые и молодые. Некоторые лишь недавно были арестованы и сами не знали, за что. Вещей они взяли из дому столько, сколько были в силах унести. Могла ли хоть одна заключённая подумать, что в Германии её ограбят до нитки? Немцы советовали брать с собой по возможности больше вещей. Это им было выгодно, не нужно заботиться об отправке в Германию.

В бараке шум, слезы. Как оставить родину, когда победа так близка? Об этом свидетельствовали сброшенные с самолетов «свечки», ярко освещавшие ночью весь лагерь, об этом говорила отчетливо доносившаяся канонада, которая иногда отдалялась, но затем приближалась снова. Сердца бились в тайной надежде: может быть, отрежут путь в Германию и нас не успеют увезти!

Но в следующие дни и ночи было тихо. Нам сообщили, что отправят дальше. Вместе с Отилией Нуржой, Еленой Макаровой, Эмилией Фрейман, Агнесой Брок и Ольгой Мисиней мы решили держаться вместе. Но болезнь перечеркнула наши надежды. Поев отвратительно пахнувший суп из конины, я почувствовала себя плохо, и утром меня отнесли в «больницу» — 12-й барак, состоявший из нескольких помещений. В двух комнатах лежали мужчины, болевшие тифом и дизентерией. За день оттуда выносили четыре-пять трупов, а на их место помещали новых больных. В женском «отделении» находилось около десяти коек. Через наши головы тянулся косой потолок со щелями и дырами от выпавших сучьев. В бредовой горячке они превращались в самые фантастические картины.

В больничной кухне, тайком от начальства, заключённые сушили корни конского щавеля, мололи их и растирали в порошок. Этим народным лечебным средством пытались спасти больных. Вскоре я так ослабла, что не могла даже дотянуться рукой до лица и повернуться без посторонней помощи. Днём ещё ничего, но ночью от клопов нельзя было отбиться. Я находилась в самом тяжелом состоянии, поэтому ухаживавшие за больными товарищи уделяли мне больше внимания. Милда Риньке и Эмилия Стиebre ошпаривали кипятком мою постель, сменяли матрац и белье, но от клопов спасения не было. И откуда они только брались! Как только гасло электричество — пакш, пакш! Подобно дождевым каплям, падали они на лицо. Оказывается, убежище кровопийц было в потолке! Но никак нельзя было до них добраться.

Санитарки взяли на себя ещё одну обязанность: сидели ночью у моей постели, время от времени зажигали электричество и собирали отвратительных паразитов. К утру в посудине с раствором хлористой извести они лежали толстым слоем. Нелегко было им дежурить, когда ждали ещё десятки других работ. Они боялись, чтобы в комендатуре не узнали, что они зажигают свет. Там не желали облегчить наши муки. Заботливые руки товарищей дали мне возможность во сне накопить силы, которых оставалось так мало, что иногда хотелось положить всему конец.

Но друзья боролись за мою жизнь. Даже за стенами «больницы» они не забывали обо мне. Регулярно через открытое решетчатое окно они просовывали бутылку с отваром дубовой коры. Его доставляли заключённые, с которыми я вместе работала в прачечной и гладильной. Была ли это Милда Пуле, Жевия Эглите или другие — я не знаю, ибо ни одну из них больше не встретила. Знаю только: посылка приходила из прачечной. Кору доставали у работниц садоводства, которые были заняты вне лагеря. В прачечной её сушили и отваривали. Рискуя получить пулю от часового со сторожевой башни, они доставляли мне напиток, проходя мимо с чистым бельем, или ещё как-нибудь. Отвар этот помогал преодолеть болезнь, утолял жажду, уменьшал выделение крови.

Но слабость не проходила. Вдруг отказала левая рука; она лежала, как деревянная. Подошла Эмилия Стиebre. В её глазах я заметила испуг, однако она успокаивала меня: «Ничего, ничего. Рука только онемела». И быстро стала растирать мои бесчувственные пальцы.

Ко всему прибавилось еще одно несчастье — ожидали очередного визита врача Какиса. В комнате чувствовалось лихорадочное беспокойство. Я не понимала, почему всем хочется, чтобы я выглядела бодрее, они старались даже натереть мне щеки, чтобы они зарумянились. Только позже я узнала, что после таких визитов больных, если на их выздоровление (по мнению врача) было мало надежды, увозили в лес...

Так было и с Конрадом Леем, заболевшим туберкулезом: у него три раза подряд в больших дозах брали кровь. За короткое время от сильного мужчины остались кости да кожа, но убийцы не дали ему спокойно даже умереть. Еле

живого его вместе с другими «бессильными, надежными» погрузили в «машину смерти» и увезли...

Когда Какис со своей свитой остановился около моей постели и выдушил глаза, все застыли от испуга. Прежде чем он успел сказать хоть слово, больная Мария Екабсон, знавшая немецкий язык, стала пояснять, что я уже стала поправляться. Какис прикрикнул на Екабсон и, сказав «ещё подождем», пошёл дальше. Санитарки понимали, что ждать нечего, ибо никто и не думал меня лечить. А если я не поправлюсь, меня уничтожат. Милда Риньке стала давать мне чай с сахаром и другую еду из своих посылок. Постепенно я окрепла.

Но тут нагрянула новая беда. Готовилась отправка в Германию. Было дано указание не оставлять в Саласпилсе ни одного из тех, кто был внесён в «черный список». Заключённая Петерсон, работавшая до помещения в «больницу» в комендатуре, сказала, что я числюсь в этом списке. Что делать? Пришло распоряжение доставить меня на носилках в автобус и потом на пароход. Начали одевать. Каждое прикосновение вызывало жгучую боль во всем теле. Я потеряла сознание. Когда очнулась, в комнате был лагерный врач Шалкович. Больные и санитарки стали упрасивать его сообщить в комендатуру что меня нельзя отправлять. Шалкович не хотел иметь неприятностей и отказался. Милда Риньке уговорила сестру Брикман, и обе отправились в комендатуру. Они понимали, что до нового места я не доеду. Меня временно оставили. С этой группой увезли заключённую Екабсон, которая, передвигаясь на костылях, неутомимо заботилась обо мне. В Штутхофском лагере уничтожения, где мы снова встретились, она была одной из тех, кто делил со мной порцию супа, чтобы помочь мне быстрее стать на ноги. Стоит ли ещё говорить, что узники, работавшие в теплице, присылали мне помидоры и лук. Я даже не знаю и не могу назвать всех тех, кто, порой рискуя жизнью, поставил меня на ноги.

Руку помощи друзей я ощущала и на чужбине.

«Мать».

Когда Советская Армия приближалась к границам Латвии, заключённых из Саласпилса отправили в Германию в Штутхофский лагерь смерти. Здесь жернова смерти работали ещё быстрее. Днём и ночью мрачная кирпичная труба выбрасывала черные, ядовитые облака. Там сжигали живых. Тех, кто умер в бараках, раздевали, выносили во двор и складывали, как дрова, в штабеля. С каждым днем эти штабеля росли и росли.

Что будет с нами? Превратимся ли мы в дым или останемся лежать около колючей проволоки?

В один февральский день всех, кто ещё мог шевелиться, одели в снятую с мертвых одежду. Каждому на спине красной и белой масляной краской намалевали крест. Дали ещё по одеялу и торбе из мешковины, в которую каждая из нас положила ложку и продукты на несколько дней — полкирпичика хлеба и кусочек маргарина. Это был последний продовольственный паек. Начался поход смерти.

Шли рядами по середине дороги. По краям шагали конвоиры с винтовками. Шествие заключали эсэсовцы с автоматами. После нескольких голодных дней мы едва волочили ноги, и всё чаще за спиной раздавались автоматные очереди. Убивали каждого, кто падал и не мог сразу подняться. Нас оставалось всё меньше и меньше. Весь этот живой поток вероятно иссяк бы, как река в пустыне, если бы нам не помогали люди. Мы шли по польской земле. То по одну, то по другую сторону дороги встречались бурты только что откопанного картофеля и брюквы. Брюква и даже вареная картошка были разбросаны по нашей дороге. Хотя мы людей и не видели, мы всё время чувствовали их присутствие. Польки, узнав, что мы остановились на ночь, на рассвете приходили с ведрами горячего супа. Их не пугали ни ругань, ни угрозы. Это была тихая и упорная, но мужественная борьба за наши жизни.

Вдруг нам запретили пить. Если по пути встречался колодец, насос или пробившийся из-под льда ручеек, его моментально окружали охранники, чтобы мы не осмелились зачерпнуть воды. Жажду утолял только серый стоптанный снег, который мы на ходу загребали мисками. Но это могли делать лишь здоровые. Слабые, наклоняясь, нередко падали и не могли больше подняться...

Обессилевших становилось всё больше. Впереди меня шла мать с двумя дочерьми. Держась друг за друга, они едва двигались. Младшая девочка несколько раз падала, но сестра и мать поднимали её и тащили вперед. Но и у них силы иссякли. Когда девочка снова упала, мать наклонилась, но поднять её не смогла. Мы хотели вернуть мать в строй, но она не могла оторваться от дочери. «Не отставай, мамочка», — предупреждала её дочь. Но напрасно. Раздалась автоматная очередь, и на обочине остались два скорчившихся трупя.

Вскоре и я обессилела.

Уже вечерело, а на белой равнине, по которой мы двигались, не было видно ни одного дома. Дорога поднималась в гору. С трудом давался каждый шаг. Голову сверлила только одна мысль: не упасть, не упасть!

Ещё шаг, еще. Может быть, сейчас увидим дом, где предусмотрен ночлег? Напрасно. Вокруг лишь безнадежный белый простор и... ноги больше не слуша-

«Несломленный».

ради моей жизни. И вот там, недалеко за горой, показался сарай — место нашего ночлега.

— Мы будем жить! — шепнули подруги мне на ухо.

Как красиво звучат слова, если они идут от сердца!

Мы постоянно заботились друг о друге. В швейных мастерских и на нарах тайком шили и вязали рукавицы для мужчин, которые работали на морозе. Стирала друг другу белье, чтобы не зарастить грязью. Делились последним куском хлеба. А наши родные! Всё лучшее, что у них было, они старались отдать нам. Разве всё это не было борьбой за нашу жизнь?

Тем, кто сегодня спрашивает: «Как вы остались в живых», хочу ответить: «Нет надежнее поддержки, чем плечо друга. Вовремя протянутая рука иногда делает то, что называют чудом».

юся. Это почувствовали и мои подруги Вилма Плесум и Аустра Димбиере, с которыми я шла в одном ряду. Вместе мы были и в Штутхофе, когда нас привезли из Саласпилса. Мы всегда делились всем, что у нас было. И теперь друзья не оставили меня. Аусма сняла с моих плеч торбу с миской, Вилма — одеяло, чтобы мне легче было идти. «Ну ещё хоть несколько шагов», — подбадривала меня Вилма и тащила в гору, не жалея себя

СТРУНЫ ЕЩЁ ЗВЕНЕЛИ

ПЕТЕРИС ВИГАНТ

До войны работал санитаром в 1-й Рижской городской больнице. В 1940 году он назначается начальником отдела кадров. Фашисты арестовали его. Из Рижской Центральной тюрьмы он был отправлен в Саласпилсский лагерь. Здесь работал санитаром в бараке лагерной больницы и многое делал для облегчения участи больных. Из Саласпилса П. Виганта пересылают в лагерь Штутхоф в Германии, а оттуда в Маутхаузенский лагерь в Австрию.

Рваные чёрные облака время от времени закрывают месяц, который как будто нарочно подвешен над огромным квадратом колючей проволоки. Это единственная большая лампа, и её свет не стоит комендатуре ни пфенига. И тогда над темными рядами бараков, в правом углу лагеря загорается вторая светлая точка. Такая маленькая, как искорка жизни заключённых, но её не могут закрыть лоскутья черных облаков.

Маленький огонек горит в окошке лагерной больницы, отгоняя от больных черную руку тьмы. Здесь жизнь борется со смертью. Это тяжелая и трудная борьба. На стороне смерти те, кто носит череп на фуражке и пистолет на боку. На стороне смерти жестокость, насилие, голод. Даже холодный ветер, проникающий сквозь щели в бараки, и дождь, пробивающийся через крышу и капающий на головы больных, — и те союзники смерти. А кто же на стороне больных?

— Санитар, где врач? — Лицо у человека, который зовет меня, так же серо, как мешок с соломой, на котором он лежит.

— Доктор... Да, скажи, пусть придёт доктор... — склоняется с верхних нар взлохмаченная голова и ищет меня.

Я вижу, что больному холодно, он натягивает на голову короткое одеяло. Я с удовольствием укрыл бы его посиневшие ноги, но у меня ничего нет. Открывается дверь комнаты, где лежат больные женщины:

— Пожалуйста, помогите! У нас тут одной плохо.

Где врач Бдилс? Почему он не идет? Он же редко отходит от больных.

Врача я нахожу в маленькой комнатке, которую мы прозвали аптекой. Он сидит на табуретке, обхватив руками голову. Он такой же заключённый, как и мы.

— Больные зовут вас, доктор. Лекарства нужны.

Бдилс смотрит на меня. Лицо его выражает глубокую печаль.

— У нас больше ничего нет, — говорит он. — Абсолютно ничего. Вчера комендант всё отнял. Лекарства нужны для фронта. Чем же мы будем лечить?

У нас отняли лекарства. Но они не принадлежали фашистам. Их нам дали венские и пражские аптекари. Они, полагая, что едут «на новое местожительство», брали с собой самые ценные медикаменты. Самых аптекарей уже нет: их уничтожили и нет также оставленного ими наследства.

Врач остался с пустыми руками, но он вскакивает и направляется к больным.

Бдилс останавливается у кровати молодой, но уже седой женщины — и что я вижу! — улыбается. Даже глаза искрятся.

— Будет хорошо, будет хорошо! — Он берёт обессиленную руку женщины в свою, дружески спрашивает — про болезнь, семью, о планах на будущее. Что, у вас трое сыновей? И ещё такие маленькие! Тогда надо скорее выздоравливать, встать на ноги и ехать домой. Да — домой. Скоро все поедет. Наши уже совсем близко... Вот обрадуются мальчики, когда снова будете вместе...

На глазах матери троих детей, брошенной в лапы смерти за помощь военнопленным, появляются слезы радости. И ей кажется, что боль в груди уже не так сильна, как вначале. И дышать не так тяжело...

А доктор уже возле тех, у кого перебиты на каменоломнях ноги. Это сильные люди. Они хотят знать правду. Пусть врач скажет: выздоровеют ноги или придётся ходить на костылях.

Врач вытягивает лицо в шутовой гримасе:

— Нет, нет, на этих ногах домой из лагеря вы не пойдете. На них вы побежите, как стайеры!

Мужчины ещё радостно улыбаются, а Бдилс уже присел у больных, что лежат на полу и стонут. Им он рассказывает о мужестве, героизме, выдержке наших воинов. Откуда у него такие сведения? Я слушаю и понимаю, что всё это доктор выдумывает, чтобы ободрить больных. А в действительности это сущая правда. Такие герои были. Мы только не знали тогда ещё их имен — Маресьева, Гастелло, Зои Космодемьянской, Иманта Судмалиса и многих других.

Десятки глаз смотрят на врача. Все ждут, чтобы он подошел. Он должен успокоить боль. Капли, таблетки, инъекции — с ними было бы легко. Боль утихает, люди засыпают, жар спадает. Но у Бдилса ничего этого нет. У него только доброе, сочувствующее сердце, есть сердечные, ободряющие слова. Они придают силы больным. Но Бдилс знает, что одно и то же лекарство для всех не годится. Он резко поворачивается и выходит из барака.

— Ушёл... — слышится тихий вздох.

Неужели сегодня врач не поговорит со всеми больными? Неужели все не услышат его дружеских слов. В них ведь чувствуешь близость фронта, чувствуешь победу и свободу. Кто-то просит пить. Я беру облупившуюся глиняную кружку и зачерпываю воду из деревянного чана. Но что это такое? В бараке звучит музыка. Больной тоже отнимает кружку от губ и прислушивается. В мрачном душном помещении слышен нежный голос скрипки. Чарующе-щемящие звуки льются по комнате. Около двери стоит и играет тихо вошедший доктор Бдилс. Его волосы слегка растрепались, глаза блестят, как два уголька в ночной тьме. Ещё совсем недавно с этой скрипкой выступал в Европе молодой музыкант, которого здесь публично расстреляли. Перед тем

как его увели на казнь, он подарил скрипку врачу.

Врач медленно движется вдоль нар и играет. Многие больные садятся, приподнимаются на локтях. Понемногу стоны умолкают. Встревоженные лица больных проясняются, дыхание становится ровнее. Утихает боль, забывается голод. Когда скрипка замолкает, седовласый Бите берет руку Бдилса в свою и едва слышно шепчет: «Спасибо, доктор...»

В бараке ни одного стоана, ни одного вздоха.

— Ещё, пожалуйста, что-нибудь...

Скрипка снова прижимается к плечу, смычок ласкает струны. Снова живительная сила течет со струн к человеческим сердцам.

«Держись, ещё надо бороться», — страстно зовет скрипка. Кажется, будто стены отступили.

Никто не слышит, как скрипнула дверь. Лишь ворвавшийся в барак холодный ветер заставляет нас оглянуться. В дверях стоит ротенфюрер Теккемейер, помощник коменданта лагеря. Он приехал из Риги, чтобы проверить лагерь ночью.

— Играете? — спрашивает Теккемейер.

— Да... Точнее говоря, лечимся. — Бдилс вертит в руках скрипку. — Это у нас единственное лекарство.

— Великолепно! — иронически протягивает Теккемейер и, резко повернувшись, вырывает из рук Бдилса скрипку и разбивает её о печку.

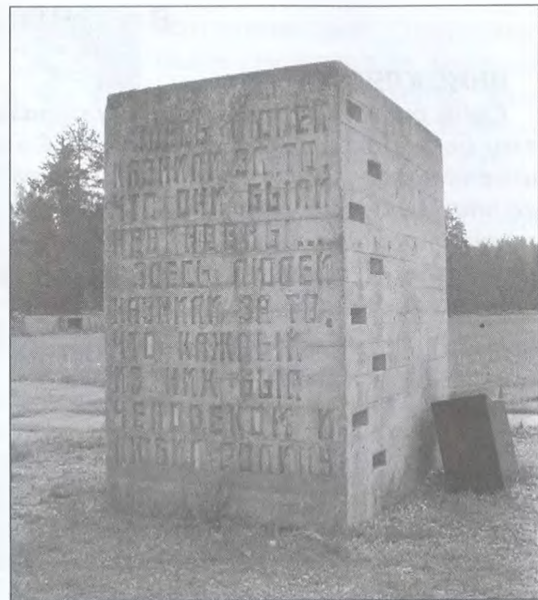
— Песенки коммунистов ты помнишь, а что-то поважнее забыл. — Теккемейер сопит и грозит Бдилу пальцем. — Ты забыл, что посреди лагеря стоит виселица!

Он яростно хлопает дверью и, стуча сапогами, уходит. Врач наклоняется, берет разбитую скрипку и тщательно осматривает её.

В бараке стоит гробовая тишина.

— Будет хорошо, — говорит Бдилс, — струны не порваны. Они ещё будут звучать. Они ещё будут звучать в День победы!

В День победы раздавались крики радости, звучала музыка. Но врач Бдилс не дождал до этого. После того случая его вскоре увезли в Рижскую Центральную тюрьму, а оттуда — в Бикерниекий лес...

Памятный знак на месте виселицы.

В БОЛОТЕ

ЯНИС КЛЯВИНЬ

Свой трудовой путь он начал сразу после смерти отца. Тогда ему было 14 лет. В 1940 году Я. Клявинь становится торговым инспектором в Риге и активно участвует в общественной работе, за что фашисты арестовывают его и помещают в Саласпилсский концентрационный лагерь. В послевоенные годы он оканчивает естественно-географический факультет Рижского учительского института. В дальнейшем работал учителем в 27-й Рижской школе рабочей молодежи.

Вторую группу латышей — 200 человек в Саласпилсский концентрационный лагерь привезли 18 мая 1942 года. В то время лагерь ещё не был полностью оборудован. Стояло только несколько бараков: комендатура, кухня, склады, три или четыре барака для евреев и один пустой — для нас. Вокруг лагеря ещё не было даже ограды, зато виселица уже возвышалась в центре.

На второе утро нас рассортировали. Кое-кого из тех, кто знал немецкий язык, назначили переводчиками. Других послали на кухню. Интересовались также ремесленниками. И, наконец, назначили старшего барака, писаря и фельдшера, нескольких стариков определили уборщиками помещений, а остальных разбили на группы по 15-20 человек и в каждой назначили старосту.

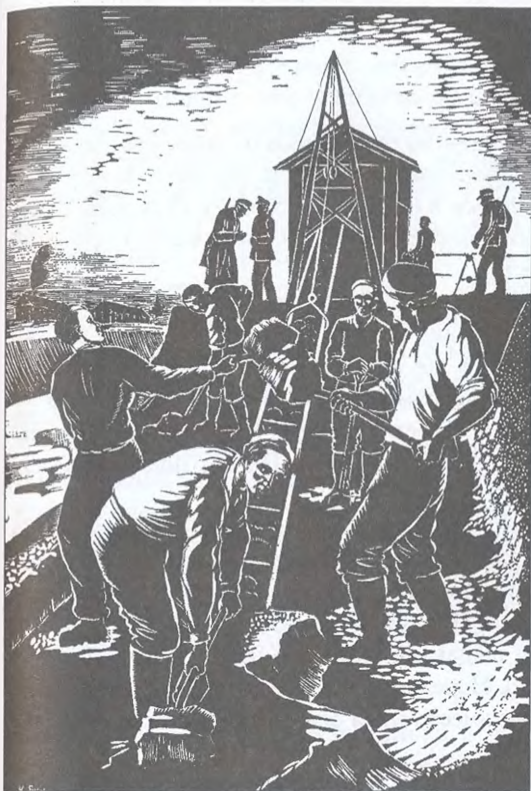
Коренастый немец вызывал из строя тех, кто владел немецким языком. Как позднее выяснилось, это был комендант лагеря Никкель. Из строя вышел также адвокат Вагнер и подошел к Никкелю, как обычно человек подходит к человеку. Никкель оглядел его с ног до головы, затем тростью сбил с головы шапку и оттолкнул от себя. Этим властным жестом гитлеровец как бы провел грань между собой и нами. Жалко поникла фигура семидесятилетнего Вагнера.

Большинство из нас, примерно 120 человек, стали работать на торфозаводе. Остальные остались на территории лагеря: строили бараки и дороги, возводили ограды и выполняли другие работы. В первые дни я также работал в лагере. Мы копали яму для уборной, выемки для столбов, оборудовали карцер.

Уже после первого рабочего дня некоторые не могли подняться с нар. Не было сил. После пятимесячной голодовки в Центральной тюрьме мы больше походили на бродячие трупы, чем на живых людей. Я весил около 40 килограммов. Свежий воздух и работа валили с ног. Поскольку на болото ежедневно надо было отправлять определенное количество людей, то вместо обессиленных назначали других. Через неделю я тоже был включен в группу Арвида Виксны, работавшую на болоте.

* * *

Каждому когда-нибудь приходилось болеть, оставаться на несколько дней дома или даже в постели. Вспомните, с каким ощущением после этого вы впервые

На торфяном болоте. К. Буш.

Здесь у каждого свои обязанности. Одни копают торф и бросают его на элеватор, другие принимают из машины готовую торфяную массу и направляют её на дощечки, третьи, в свою очередь, снимают её с тросов и расстилают. Кроме нас здесь работают и вольнонаёмные — машинист и бригадир Екабсон. Он должен следить и за рабочими у другой машины, которая работает в соседнем болоте, в так называемой Кулайне. Обслуживают её военнопленные, с которыми нам строго-настрого запрещено встречаться. Нашу группу усердно охраняет эсэсовец с винтовкой.

Я должен стоять в яме и копать торф. Всем рабочим полагаются резиновые сапоги, но они дырявые, и ноги целый день мокнут в холодном, как лед, торфе. С каждой стороны элеватора работает 4-5 человек. Первый снимает верхний слой, второй постепенно врывается глубже... последний стоит на самом дне болота. Толщина торфяного пласта от 2 до 5 метров. Уже конец мая, а оттаял только самый верхний слой торфа, сантиметров в двадцать. А мерзлый слой достигает полуметра. Приходится браться за топоры и ломы. Два месяца мы промучились, долбя этот ледяной пояс. Лишь в августе его можно было прорезать лопатой. Это результат суровой зимы 1941 — 1942 года.

выходите на улицу. Солнце кажется ярче, теплее, воздух напоен ароматом, дышится приятно, легко. Подобное ощущение испытывал я, когда в то первое утро шагал к торфяному болоту.

Шли через русло старой Даугавы, лугами, огибали уголок леса и направлялись напрямик к Саласпилскому торфозаводу. Позже мы ходили по железнодорожному полотну до станции и потом по дороге до самых торфоразработок.

Нас делят на группы. Часть идет рыть подстилочный торф, другие остаются у машины заготавливать горючий торф. Остальные направляются на работу к торфодробильной машине и в тарные мастерские. Предназначенные для обеденного супа продукты мы принесли с собой. Обед будет готовить наш повар тут же на болоте.

Я попал в машинную группу, то есть в ту, которая будет заготавливать горючий торф.

На болото выходили с чуть занимавшимся рассветом, а возвращались в лагерь в сумерках. Надо было копать норму.

* * *

Питание в Саласпилском лагере ничем не отличалось от того, что давали в так называемом Рижском концентрационном лагере, куда нас ранее поместили после окончания допросов. Он находился в отдельном корпусе Рижской Центральной тюрьмы. В Риге иногда, особенно в начале, мы получали и хороший хлеб, чего здесь никогда не случалось.

Тут хлеб пекли специально для нас — с 25-процентной примесью муки из лиственных деревьев. В начале недели, ещё свежий, он хоть по виду и запаху напоминал хлеб. Только после первого же куска во рту оставался горький привкус. К концу недели хлеб почти невозможно было разрезать ножом — настолько он затвердевал — дерево остается деревом. Хлеб сильно плесневел. Иногда попадался совершенно зелёный «паёк». Но мы поедали и всю плесень.

В обед каждый получал три четверти литра супа. В супе две картофелины. На человека полагалось также 8 (!) граммов конины. Утром, перед выходом на болото, — мутная жидкость, называемая кофе (без сахара, конечно), вечером, по возвращении с болота, — снова «кофе». Продукты для обеденного супа — мясо, картофель, иногда также крупу нам выдавали на целую неделю, и мы в понедельник сами приносили их на болото. Нередко сверток, в котором должно было быть мясо, отвратительно вонял. Там вместо мяса оказывались гнилые тресковые головы.

А бригадир Екабсон только сердился, что не выполняем норму. Грозил заменить нас другой — лучшей группой рабочих, обещал пожаловаться на нас в комендатуру. Однажды, устав слушать его причитания, я ответил ему:

— Залей в свой дизель вместо газа такой же кофе, какой дают нам, тогда увидишь, сможет ли он работать. Екабсон замолчал и, повернувшись к другим, сказал:

— Правильно сказал, чёрт! — и ушёл.

Годы неволи особенно тяжелы были для курильщиков. Горсть настоящего доморощенного табака была на вес золота. Но мы никак не могли его раздобыть. В этом отношении нас иногда выручал тот же Екабсон. Придя утром на болото, он всегда угощал самых заядлых курильщиков самодельными сигаретами. Дым был страшно крепким и отвратительно вонял. Как позднее выяснилось, «табак» Екабсона был ничем иным, как сеной трухой, обработанной сульфатом никотина, который мы потом тайком доставали у тех, кто работал в садоводстве около станции Саласпилс. В садоводстве этим ядом уничтожали вредителей. В довольной вместительной сигаретной коробке Екабсона было три отделения: сигареты средней крепости для себя и для нас, более легкие — для женщин, а самые крепкие — для военнопленных. Екабсон утверждал, что за лето мы выкурили у него зимний корм одной коровы.

Мы, оставшиеся в живых, многим обязаны самоотверженным людям, которые заботились о нас. Сколько жен, матерей, сестер и невест отрывали от своего рта кусок, чтобы хоть немного улучшить наше питание. Смерть была бы куда губительнее, если бы вы, милые люди, не помогали нам. Вы днями, неделями, даже месяцами томились у ворот Рижской Центральной тюрьмы, ходили из Риги в Саласпилс, преодолевали четырехкратные посты на аэродроме Спилве, терпели издевательства и грубость охранников — вы ничего не боялись, чтобы только увидеть любимого человека, дать ему хлеба или сказать ободряющее слово. Сознание, что мы не забыты, что есть люди, которые сочувствуют нам, помогало вытерпеть многое. Даже самые трудные минуты жизненных испытаний человек переносит легче, если чувствует поддержку друзей и близких.

Страшная голодная смерть грозила нам, когда мы находились в Рижской Центральной тюрьме. Голод, тиф и дизентерия косили людей, 180 граммов хлеба в день только усиливали голод. Когда в первые дни апреля нам сообщили об отмене карантина, были разрешены и передачи. Мы не спали всю ночь и думали, как эту весть сообщить родным. Позднее узнали, что наши близкие всю долгую, холодную зиму непрерывно дежурили за тюремными воротами и сравнительно хорошо были информированы о нашей судьбе.

Уже в первый день, как только я начал работать на болоте, ко мне во время перерыва подошел один товарищ и сообщил, что пришла моя жена Лидия, которая ждёт у кривой берёзы. Оказалось, что наш охранник уже «обработан» и где-то дремлет на солнышке, притворяясь, что ничего не видит. Действительно, на краю болота среди кустов росла большая, но кривая берёза, возле которой собрались наши близкие. Какое счастье хоть четверть часа поговорить со своими, пожать им руки, посмотреть в глаза. Позднее «кривая берёза» стала синонимом слова «встреча».

Как родные добирались до болота? Регулярного железнодорожного сообщения не было. Иногда можно было воспользоваться товарными поездами, ходившими до Шкиротавы, Румбулы или Сауришей. Иногда приезжали на попутной машине. Но надежнее всего было пешком. Так же и обратно. Позже наши близкие организовали что-то вроде базы около станции Саласпилс. Это была будка железнодорожника Вилшкерста, где можно было немного посидеть, отдохнуть, переждать дождь. Иногда помещения гостеприимного хозяина использовались для ночлега и хранения свертков, если не удавалось встретиться в первый день.

Но не всегда охранники притворялись, что ничего не видят. Попадались настоящие звери, когда в сторону кустов и посмотреть нельзя было. Часто стражу проверял кто-нибудь из лагеря, а иногда и из Рижского гестапо. В такие дни жены, конечно, вблизи болота и показываться не смели.

* * *

Из приносимых нам продуктов мы запасов создавать не могли. Всё тут же надо было съесть. Иногда мы рисковали кое-что пронести на территорию лагеря. Пригодилось бы самим на «чёрный день», а также товарищам, не имевшим возможности встретить своих родных. Бывало, нам везло, но иногда, как только мы входили на территорию лагеря, из караульного помещения выбегали эсэсовцы и окружали нас. Начинался обыск. Ощупывали основательно. И если у кого-нибудь что-то находили, его сразу вырывали из строя и направляли к Никкелю, Видужсу, Дзенису и другим начальникам, которые сидели в плетёных креслах перед комендатурой. Возле них стояли пустые ванны, куда складывались обнаруженные при обыске продукты. Вопросы — где ты взял, кто дал? — сыпались как град. В результате — столько-то недель в штрафной группе.

Доносчики были и среди барачных полицаяв, выдвинутых на эту должность из среды заключённых. Угодная начальству, они производили обыски. В зависимости от того, что находили и у кого — они об этом сообщали в комендатуру или наказывали сами. Особенно безжалостными были полицайи Асупе, Пелнис и другие. Позднее их место заняли присланные из Мадонского концентрационного лагеря надзиратели, которых назначили заведующими бараками.

* * *

Каждое утро, выходя из лагеря, мы с известным волнением и озабоченностью смотрели, из кого будет состоять охрана. От неё зависела наша судьба. Охрана состояла из 10-15 конвоиров и начальника. Обычно охрану меняли через каждые две недели, но случалось, что её заменяли раньше или позже. С мая до января состав охраны сменился несколько раз, разные бывали и начальники. Одни — мрачные и неразговорчивые, другие — шумные и болтливые, которые всегда пыжились своим кажущимся героизмом. «Обработку» новой охраны мы начинали уже по дороге к болоту. Старались вовлечь конвоиров в разговор, втолковать им, что мы отнюдь не чудовища. Но некоторые из них ни в какие разговоры не вступали. С такими было труднее всего. Узнай, что у такого тихони на уме. Но встречались и конвоиры, которые, как только лагерные ворота оставались позади, спрашивали:

— У кого есть что закурить?

Для таких случаев у нас хранились принесенные родными из дому папиросы или сигареты. Мы угощали, закуривали, начинали разговор. Хорошо, если обходилось сигаретами. Попадались и такие, что помогали съесть принесённое. Голдными они были почти все.

Бывали также жалкие болтуны и хвастуны, например некий Торманис, выдававший себя за сына профессора. У отпрыска ученого голова была совершенно пустая. Он беспрерывно тарахтел, как старые заведенные часы. Главная тема разговоров — выпивка и женщины. Когда начиналась работа, некому было слушать его, и он ложился вздремнуть. Проспав часа два, он, оставив винтовку кому-нибудь из конвоиров, уезжал в Ригу искать, так сказать,

что-нибудь покрепче. Обещал к концу дня вернуться, но как уходил, так и пропадал.

Это был не единственный случай, когда убегал охранник. Шла вторая военная зима. Мы копали подстилочный торф. Копали и временами грелись у костра. В один из таких моментов к нам подошел охранник, мрачный, неразговорчивый человек. Глядя на пламя, он спросил:

— Как вы думаете, что мне будет за этот череп, когда придут большевики? — и показал на фуражку.

Мы молчали.

— Значит, вы думаете, что они поставят меня к стенке? Мы пожали плечами.

— Что мы можем знать. Придут большевики — тогда будет видно.

После работы оказалось, что охранник сбежал. Винтовку обнаружили прислонённой у кухни.

Охранники, которые не были на фронте, вели себя обычно развязно, хвастались.

Вернувшиеся с фронта были более молчаливыми, степенными. Они уже немало повидали и испытали в жизни и кое-чему научились. Многие, не верившие больше в победу фашистов, искали что-то вроде компромисса с нами. Другие же, потеряв всякие перспективы на будущее, пьянствовали, ибо всё равно «крышка». Некоторые питали к нам звериную ненависть. Нас они считали причиной всех своих несчастий. От таких мы старались держаться подальше.

Почти все охранники были взяточниками. За бутылку водки или самогона они готовы были продать родную мать. Многие, которым я рассказывал про Саласпилс, спрашивают, почему я не бежал. Была же возможность! Да, возможность была, но эту возможность я не использовал. Что случилось бы, если б я сбежал с болота? Во-первых, на один день заключённые остались бы без пищи — пострадали бы товарищи. В тот же день, в крайнем случае на завтра, арестовали бы моих родных, а вскоре, возможно, схватили бы и меня. Лишь в 1944 году, когда исход войны был ясен и победа была не за горами, участились побегии. Тогда уже было больше надежды на спасение. Многим это удалось, но немало было и таких, кто поплатился жизнью.

* * *

Копать торф — дело нелегкое. Отруби кусок торфа, захвати лопатой, подними и брось на элеватор. И так шаг за шагом, пока на болотном дне не покажется песок. Потом снова бери в руки топор или лом — руби и долби мёрзлый слой. Рви и руби корни, вытаскивай застрявшие в торфяном слое пни. И ройся снова в грязном месиве. Ноги весь день мокры, мерзнут, ибо торф долго сохраняет в себе зимний холод.

Поднимаем элеватор, переносим якорь, открываем тросы и с помощью лебёдки передвигаем машину вперед. Переносим рельсы и шпалы, закрепляем старые тросы, опускаем элеватор и снова копаем.

К результатам своей работы мы безразличны. Чем меньше, тем лучше. Иног-

«Солидарность», «Клятва», «Rot Front».

шанист чистил машину, вставлял новые болты, мы могли разогнуть усталые спины.

Ветер ли, дождь или солнце — ты копай, копай, копай. Полуденный ли зной, утренняя или вечерняя сырость — всё равно копай. Днями, неделями, месяцами... Копай, копай, копай... Усталые, молчаливые плелись мы вечером шесть километров обратно в лагерь. Проходя через поселок Саласпилс, чувствовали, как из пекарни доносится запах свежее испеченного хлеба. Рот наполняется слюной. Что может быть вкуснее ломтя только что испеченного ржаного хлеба?

На территории лагеря работы уже окончены. Занята только штрафная группа. То тут, то там раздаётся окрик полицейского, кого-нибудь из чёрных («чёрными» мы называли присланных из Мадонского лагеря надзирателей) гоняет пойманного «грешника». Обыск, проверка и... нас поглощает полутьма барака, в нос ударяет кислый запах пыли, старой одежды, пота и уборной.

На трех- и четырехэтажных нарах мешки из бумажной ткани, наполненные опилками, манят к себе. После умывания обычно ложимся спать. Но... из щелей деревянных нар вылезают вонючие клопы, из тряпья — тысячи блох. Напрасно мы силится уснуть. Сползаем с нар, садимся за длинные столы и дремлем.

да, задумавшись, ты не замечаешь, что лопата начинает двигаться быстрее, и на лбу появляются капельки пота. Мелькает мысль: куда спешить, зачем стараешься? Кому польза от плодов твоего труда? Врагу! И лопата в твоих руках становится тяжёлой. Вступаем в противоречие сами с собой: мы же рабочие люди, а работать не имеем права. Значит, надо научиться симулировать, лодырничать, «тянуть резину».

Но мотор работает, значит должны работать и мы. Если иногда хочется подольше посидеть, кто-нибудь как бы случайно бросает на эlevator корень побольше или откапывающие верхний слой набрасывают слишком много сухого торфа. Это забивало дробилку машин или же, если перегрузка была слишком большая, лопались предохранительные болты. Пока ма-

Утро, снова так называемый чёрный кофе, кусок хлеба и работа на торфяном болоте. И только прохладный утренний воздух приятно освежает зудящую кожу и ласкает горячий лоб. Снова впереди длинный и тяжёлый рабочий день...

Нас перевели в другой барак. Старый собирались дезинфицировать. Бумажными лентами заклеили окна и двери. Газ в барак пускали через вентиляционное отверстие. Из любопытства мы заглянули в окно — и остались стоять с открытыми ртами. Весь пол барака, будто покрытый коричневым ковром, колыхался. Лишь всмотревшись внимательно, мы заметили, что это блохи. Миллионы блох кишели на полу пустого барака.

Однажды вечером нас заставили раздеться и немедленно идти в баню. Газификационная команда уже была на месте, и в барак сразу пустили газ. В бане помылись чуть тёплой водой (горячей в ней никогда не было), потом намазались какой-то вонючей жидкостью от блох и переселились в другой барак. На вечерней проверке обнаружилось, что не хватает одного человека. Куда он делся? Оказалось, что нет Алексеева. Был такой полуглухой 70-летний старик, заключённый в Саласпилс за запрещённое слушание радио (глухой!). Поиски по территории лагеря не дали результатов. Кто видел его в последний раз? Где? Люди говорили, что он после работы обедал, затем что-то латал, после чего залез на свое место спать. Старик не слышал ни команды, ни прочего шума, когда люди покидали барак. Он остался в бараке и задохнулся.

В одном нижнем белье, на тоненьком слое соломы мы мёрзли трое суток. Потом вернулись в свой барак. Тошнотворно-горьковатый запах синильной кислоты чувствовался ещё неделю. В первые дни все страдали головной болью, тошнотой и рвотой. Но когда газ полностью выветрился, клопы и блохи возобновили свои кровавые оргии.

По воскресеньям на торфяное болото не ходили: хватало работы на территории лагеря. Работа эта унижала человека, убивала его физически и духовно. Утром у склада около 50 пар заключённых получали посылки, остальные вооружались лопатами. В каком-нибудь отдалённом углу лагеря указывали место, где брать песок. Его надо было нести в другой конец лагеря и высыпать в яму, выкопанную другими.

Вокруг нас, как вороны над падалью, кружилась целая стая полицейских и «чёрных», следивших, чтобы мы не лодырничали. Один из «чёрных» — Кан-

Фотографии замученных людей. Лагерь смерти Майдапек.

Игрушки детей, умерщвлённых в концлагерях отправлялись в Германию для продажи. Снимок сделан на складе в Люблине (1944 г.).

шего качества, так как уже не успевал как следует просыхать. Нашу машинную группу расформировали. Часть ушла копать подстилочный торф, другая — помогать женщинам носить и складывать готовый торф. Я попал в небольшую группу, в задачу которой входила заготовка дров и пней. Пни, которые мы, копая торф, выкорчевывали и сбрасывали в вырытый карьер, теперь надо было вытаскивать на берег, распиливать, колоть и складывать в штабеля.

Работа была не из приятных. В карьере накопилась вода, местами даже выше колена. Большие пни не так просто было вытащить на высокий берег. Наша уже и так изодранная одежда здесь превратилась окончательно в лохмотья.

* * *

Однажды утром крыши бараков стали белыми. Побелели также луга и поля. Отправляясь на болото, мы всё плотнее укутывались в свою изношенную и оборванную одежду. Часто резкий северный ветер хлестал лицо холодными каплями дождя. Осень. У нас тоже настроение падало. К усталости и голоду прибавился холод. С ужасом ожидали мы приближения зимы.

Кое-где стены бараков просвечивают. За лето опилки, заполняющие простенки, высохли и осели. Всем ветрам и даже снегу открыт путь в помещение. Придя с болота, негде высушить мокрую одежду и обувь. Между прочим почти все мы изорвали свои ботинки и сапоги. Ходим в деревянных башмаках. Утром в холодном от ветра бараке трудно надеть влажную, прелую одежду. Дрожь пробирает все тело. Только во время ходьбы можно кое-как согреться. Страшно в утренних сумерках стучат о застывшую землю деревянные башмаки.

Когда мороз сковал болото и покрыл его снегом, всю болотную группу расформировали и распределили по разным работам в лагере. Я попал в группу, которая должна была плести соломенную обувь. Изготавливали мы также большие сапоги для часовых. Насколько они были прочны и приносили ли какую пользу — не знаю. В то время на фронтах в Северной Африке гитлеровские

торс, разевшийся, пухлый мужчина, непрерывно подгонял:

— Давай, давай, давай!

По внешнему виду и хрюканью он удивительно походил на свинью.

Вечером после такого воскресного «отдыха», совершенно усталые физически и духовно опустошенные, мы плелись в свои бараки.

* * *

В середине августа торфозаготовки прекратили. Торф был худ-

орды уже начали свой «эластичный» отрыв от противника, или, говоря на нашем языке, стали отступать. Соломенную обувь мы так и прозвали именем командующего гитлеровскими войсками фельдмаршала Роммеля, чтобы ему было легче драпать по горячему песку пустыни.

Суровая зима. Холод и голод. Исыякли последние силы.

В лагере нас одели в грубые блузы и брюки из чего-то похожего на мешковину. На голове — берет, на ногах — деревянные башмаки. Некоторым попадалась одежда, в которую были вотканы и волосы, видимо, человеческие. Одежда эта была очень неприятна, острые концы волос торчали из ткани и кололи тело. Белье для нас шили из одежды уничтоженных евреев, рубахи — из разных женских платьев, кальсоны — из еврейских черно-белых обрядных шарфов. К тому же каждый рукав, задняя и передняя часть рубахи шились из ткани различных рисунков и расцветок. В такие карнавальные костюмы нас одевали с целью, чтобы затруднить побег. Если у кого-нибудь находили гражданскую одежду или обувь, то считалось, что он готовится к побегу.

В апреле сформировали группу из 250 человек для работы на аэродроме Спилве. Начался новый тяжелый период в моей жизни.

* * *

Как страшный сон прошло время, проведённое в Саласпилском лагере смерти. Возможно, мне повезло, что я работал и позднее жил вне лагеря и не видел творившихся там ежедневно ужасов. Ещё и сейчас я часто вскакиваю ночью, покрытый холодным потом, когда вижу во сне Саласпилс, порку, вешание, расстрелы, слышу плач детей и отчаянные крики матерей. Временами я сам волчком бегаю вокруг «чёрного» мадонца Канторса (это был его излюбленный способ пыток), бегаю, пока захватывает дыхание и я... просыпаюсь. Забыть этого не смогу никогда.

В САУРИЕШСКИХ КАМЕНОЛОМНЯХ

ЯНИС КРОНИТИС

Необычная картина предстала 8 мая 1942 года перед жителями Стопишской волости Рижского уезда. По узкому просёлку из Саласпилеского концентрационного лагеря в сторону станции Сауриешы двигалась колонна изнурённых людей, окруженная вооруженными конвоирами. Люди шли, тяжело волоча ноги, поддерживая друг друга. На спине и груди у них были нашиты белые длинные лоскуты.

Это была группа заключённых, которых гнали на работу в Сауриешские каменоломни. Среди них были и два жителя местечка Стопины — Карл Дренгерс и Арвид Бертранс.

Наконец колонна подошла к глубокой, заполненной водой яме — Сауриешским каменоломням. Вдоль неё вились рельсы узкоколейки, которая вела к железнодорожной станции Сауриешы. На краю ямы стояли три маленьких домика. В одном размещалась контора каменоломен, во втором жили охранники, третий отвели для заключённых. Но поскольку он ещё не был обнесен колючей проволокой, узникам приходилось два раза в день мерить долгий путь из Саласпилеского концентрационного лагеря в Сауриешские каменоломни и обратно.

Людей загнали в яму и указали, кому что делать. Работами руководили мастера. В присутствии начальства они кричали на заключённых, ругали их и подгоняли. Но едва директор исчезал в конторе, как они тайком давали папиросы и даже хлеб.

Этого русского военнопленного нацисты поливали водой, пока он не превратился в ледяную статую (1944 г.).

Работа была тяжелая. Сначала надо было откачать воду из ямы, потом пробурить шурфы в скалах, куда закладывалась взрывчатка. Когда поджигались бикфордовы шнуры, мастера всех выгоняли из ямы. Но укрыться было негде. Вокруг ямы стояли часовые, пропуская только мастеров. Притаивались где попало, чтобы спастись от каменных осколков, которые после взрыва градом сыпались на людей.

Камни грузили в вагонетки, которые маленький дизель тащил на станцию Сауриешы, где они перегружались на железнодорожные платформы.

Тяжелым и длинным был рабочий день. С заходом солнца колон-

ЭТО КОЛЬЦО из обнаруженной в супе конской кости выточил в заключении мангальский рыбак Валдемар Бейс, который в 1944 году сбежал с Сауриешских каменоломен. Пробираясь к партизанам, В. Бейс в лесу попал в окружение шутцманов и был убит. **КОСТЯНОЙ КИНЖАЛ** — изделие участника движения сопротивления Язепа Грикиса, изготовлен в Рижском концентрационном лагере, находившемся в Центральной тюрьме. В 1942 году Грикиса перевели в Саласпилс, и он работал в механической мастерской Сауриешских каменоломен. Здесь Я. Грикис вместе с Константином Стрельчиком, Трифилием Лакомкой и другими заключенными прятали взрывчатые вещества, тайком изготавливали гранаты и готовили восстание. Немцы раскрыли их замыслы. Я. Грикиса вместе с другими участниками движения сопротивления расстреляли в 1943 году. Эти вещи бывших узников хранились в Музее революции Латвийской ССР.

на устало плелась обратно в лагерь. Так проходил день за днем. В середине июля узников наконец поселили в третьем домике, где уже были оборудованы двухэтажные нары. На каменоломню прислали вторую группу заключённых, в которой был и автор этих строк.

Иногда на Сауриешские каменоломни нас возили на грузовых автомашинах. Проезжали мимо лагеря военнопленных, который находился на берегу Даугавы недалеко от шоссе. Весь двор был полон ими. На лицах несчастных отражались страдания, боль и отчаяние. Люди сидели на земле. Дрожащими руками ощущивали вокруг себя стоптанную землю. Всё, что находили, совали в рот. Многие лежали на животе около больших сосен и грызли корни деревьев. Стволы, насколько мог достать человек, уже были обглоданы.

Перед домиком нас построили, и начальник охраны предупредил: если кто-нибудь попытается бежать, то будет пойман и повешен. Если самого не поймают, то его судьба постигнет родственников.

Измученные в тюрьме люди на свежем воздухе понемногу поправлялись. С помощью мастеров и некоторых вольнонаемных рабочих появилась возможность связаться с родными, получать небольшие продовольственные передачи. Придавали силы и некоторые радостные события. Однажды на горизонте показались черные стол-

бы дыма и раздалась сильные взрывы. Мы узнали, что взлетели на воздух немецкие склады боеприпасов в Цекуле. Взрывались и фашистские поезда с оружием. А победа нашей армии на Волге! Всё это ободряло нас и укрепляло дух

сопротивления.

Работавшие в каменоломнях тайком собирали взрывчатку, которой взрывались каменные пласты. Из механической мастерской незаметно выносились металлические трубы. Их разрезали на куски, заделывали один конец, наполняли взрывчаткой и вставляли бикфордов шнур. Получалось нечто вроде ручной гранаты. Эту работу выполнял бывший рабочий фабрики «Варонис» Константин Стрельчик, помогали и другие. Запасы гранат понемногу росли. Ждали случая, чтобы поднять восстание.

К несчастью, среди нас был предатель. Об изготовлении гранат узнали гитлеровцы. Начались аресты. Подозрительных загоняли в «черную БERTУ» и группами увозили в Ригу, в подвалы на улице Реймерса. Начались жестокие пытки. Константин Стрельчик не выдал своих товарищей. Во время допроса он выпрыгнул в окно с пятого этажа и разбился. Из лагеря увезли и расстреляли несколько десятков заключённых, в том числе и рижанина Язепа Грикиса и стопиньца Арвида Бертранса. Погиб организатор движения сопротивления инженер Карл Фелдманис.

Когда начался развал фронта гитлеровцев, заключённых из каменоломен перевезли обратно в Саласпилский концентрационный лагерь, а оттуда в Германию. Мало кто остался в живых из тех, кто ворочал камни в большой яме Сауриешских каменоломен.

НА СПИЛВСКИХ ПРОСТОРАХ

МИЕРВАЛДИС БЕРЗИНЬ-БИРЗЕ

«Август Янович Берзинь...» — выкрикивает тюремный надзиратель. Из камеры выходят двое заключённых. Один средних лет, другой молод. Оба они Берзини, обоих зовут Август, оба Яновичи.

— Ты оставайся, — старший подталкивает юношу обратно в камеру и сам уходит с надзирателем.

Уходит безвозвратно. Его расстреливают. Он сознательно умирает вместо своего двоюродного брата — студента медицины Августа Миервалдиса Берзиня. Его арестовали в июле 1941 года за то, что в советское время он принял деятельное участие в студенческой профсоюзной организации. Осенью 1943 года из Валмиерской тюрьмы его перевели в Саласпилсский концентрационный лагерь, а оттуда в 1944 году — в Нейенгаммский, потом — в Бухенвальдский лагеря смерти. В апреле 1945 года фашисты эвакуировали заключённых глубже в тыл. По дороге А. Берзинь бежал. На родину вернулся с подорванным здоровьем; завершил учебу и с 1949 года работал врачом в Цесисе.

Он стал известным прозаиком и драматургом (литературный псевдоним Миервалдис Бирзе), написал несколько книг. Большое внимание заслужила его повесть «И подо льдом река течет...». В этой книге, переведенной на многие языки, описаны реальные события — борьба против фашистов в Валмиере летом 1942 года.

М. Бирзе написал также киносценарий «День без вечера» и драму «Этот день не был последним». В пьесе действуют бывшие заключённые лагеря смерти и латвийские беженцы, которые после капитуляции Германии ещё не вернулись на родину. Нацисты расстреляли отца М. Бирзе Яниса Берзиня. В военном лихолетье пропал без вести его брат — Индулис.

За свои сорок пять месяцев заключения я не раз имел возможность убедиться, что случай может облегчить или усугубить гнёт неволи. То, что меня в октябре 1943 года из Саласпилса послали работать на аэродром Спилве, казалось счастливой случайностью. В Валмиерской тюрьме я провёл более двух лет.

Неподалёку от неё все эти два года каждую неделю, обычно в пятницу утром, раздавались выстрелы. Они напоминали, что от смерти застрахован лишь тот, кто уже расстрелян. Бегал я рысью и в Саласпилсской «карусели», видел, как пытают и убивают заключённых, позволяют умирать детям с голоду.

Прочитав мои воспоминания об аэродроме Спилве, читатель увидит, что условия здесь не были столь жуткими, как в Саласпилсе. Здесь не было висе-

лиц, не было скамьи для порки, не было псов, которые бы нас терзали. И всё же покой здесь был обманчив. Мы были на положении мыши, которую кот, играя, на минуту выпустил из лап.

Наше жилище находилось на открытом месте. Барак, кухня, сарай, в котором мы умывались, вокруг высокий трёхметровый забор с прожекторами на углах и квартиры охранников по ту сторону ограды. Заключённые, так же как в Саласпилсе, латыши, жители других советских республик. В Спилве находились также некоторые рижане из так называемой «Fendergruppe im Ostland» осужденные за спекуляцию. «Спекуляция — это экономика военного времени», — разъясняли они и были весьма оптимистически настроены, так как суд приговорил их лишь к нескольким годам.

В пяти комнатах барака жили пять рабочих групп, более ста пятидесяти человек. Спали на трехэтажных нарах. Зимой нижние мерзли, а верхние задыхались, так как потолок был настолько низким, что сесть на спальном месте было невозможно.

По утрам сквозь окна ничего не было видно, ибо стекла запотевали от нашего дыхания. Иногда этим «окопным потом» больные смачивали свои лица и нарывы. Народная медицина заменяла лекарства. Правда, я ни разу не видел, чтобы это кому-нибудь помогло.

В свой новый барак мы прибыли в воскресенье, а в понедельник утром нас уже вели на Спилвский аэродром. Со стороны моря и Даугавы, через ровную низменность дул сырой осенний ветер. Серая мешковина, из которой была пошита наша одежда, не могла задержать его. Холод был нашим неразлучным спутником на всё время пребывания в Спилве. Иногда ветер доносил с Даугавы и пароходные гудки. От них тоже стыло сердце, ибо напоминало о море, о свободе.

На аэродроме всё выглядело как в военное время: полукольцом вокруг лётного поля в ангарах притаились двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс», серебристые истребители «Мессершмитт» и «Фокке-Вульф». Непрерывно взлетали и садились неловкие транспортные самолеты. Иногда тянулись по воздуху десантные поезда, состоящие из транспортных планеров. Один за другим они отбрасывали трос и планировали на зелёное поле. По утрам иногда можно было увидеть и более веселую картину — подстреленный «Юнкерс», который, ночью с трудом дотянув до базы, лежал воткнул нос в землю.

Убитые дети белорусского железнодорожника. Гитлеровцы казнили их за помощь партизанам...

Фронт, казалось, был ещё далеко от Риги, и немецкие лётчики шагали напыжившись, как петухи в штанах. Они нас совсем не замечали, ведь мы были всего лишь арестованными. В помещении школы лётчиков молодые «воздушные ассы» у открытых окон ели свои роскошные лётные завтраки: вгрызались зубами в ломти сыра, резали ветчину и, смеясь, показывали на нас пальцами. Многие из них ещё до конца войны сломали себе шею вместе со своими самолётами.

В первую неделю я работал в группе, которую передали в распоряжение фирмы Кизерлинга. Фирма строила бетонные взлётные полосы. Мы месили бетонный раствор, высыпали его из вагонеток на дорогу, выравнивали и утрамбовывали.

С утра до вечера разбрасывая лопатой сырую бетонную массу, я узнал, как тяжела она. Ещё тяжелее делали её окрики немецких мастеров. Руководителем работ был моложавый немецкий инженер, которого мы звали Конским хвостом, так как его шляпу украшал пучок чёрного волоса, кажется сделанный из лошадиного хвоста. С чёрными, сердитыми глазами, широкой челюстью боксёра, он беспрестанно носился по взлётной полосе, проверял, как замешан бетон, насколько плотно он утрамбован и не прилёг ли кто из заключённых передохнуть.

Темпы работы его никогда не удовлетворяли. Иногда он бил кого-нибудь по лицу, иногда угрожал написать донесение. А это означало перевод в штрафную группу и побои в Саласпилсе. Остальные мастера рангом ниже следовали его примеру.

Через неделю меня зачислили в группу, работавшую на кёнигсбергскую фирму «Beton und Monierbau» или, как мы её называли, — Бетонная Мария. И здесь руководитель работ и мастера были немцы. Эта фирма строила два больших ангара для истребителей. Здесь мы тоже замешивали бетон, подносили кирпичи, заливали полы, но темп работы был совершенно иным. Руководитель, пожилой господин в зелёной куртке, появлялся редко, а когда приходил, громко кричал на всех, скорее для упражнения голоса. Кричали и мастера, но рукам воли не давали.

Эта фирма, конечно, тоже хотела способствовать победе Германии, но по неизвестным соображениям с работами не торопилась. Может быть, для того чтобы оттянуть перевод ближе к фронту. Или они предчувствовали, что построенный ангар скоро придется взорвать или отдать другому хозяину. Зачем же тогда спешить?

Вообще они, как говорят, «тянули резину», и мы им помогали им в этом, как только могли. Двое мастеров носили значки национал-социалистской партии. Это были Пантел, мужчина лет пятидесяти с красным лицом завсегда пивных, и человек, фамилии которого мы не знали, но из-за малого роста и задранного вверх носа называли Петушком. Видимо, им собственная шкура была дороже, и они не особенно рвались на фронт. Все же эти немецкие мастера сходились на одном — заключённые должны всё время быть в движе-

нии, чтобы начальство видело, что они работают. Беспреданное, бессмысленное движение иногда утомляет больше, нежели интенсивный труд, сменяемый отдыхом. Ведь легче выгнать из колодца полное ведро воды, чем десять раз поднимать из глубины по литру.

Самым гадким был маленький Хаген из аэродромного строительного управления. Из-за зелёных погон зондерфюрера его прозвали Зелёной смертью. Одетый в черное пальто из искусственной кожи, с поджатыми тонкими губами, он метался по аэродрому, стараясь подкрасться незамеченным. Поймав кого-нибудь, кто, по его мнению, двигался недостаточно проворно, он бил, в случае необходимости даже приподнимаясь на носки, чтобы дотянуться до лица.

Мастер Петушок, справившись со своей порцией спиртного, однажды разрешил нам дольше обычного отдыхать у костра, в котором горело несколько неплохих досок, и присел сам. Распустив язык, он нам пояснил, что когда-то был членом социал-демократической партии, а теперь стал нацистом. Сделав глоток из бутылки, он предложил нам спеть «Deutschland, Deutschland über alles». За это обещал отдых до вечера. Мы отказались, сославшись на незнание немецкого языка. Тогда он разрешил нам петь по-латышски. А мы завели песню, которая не имела ничего общего с немецким гимном. Это была народная песня о немце, которого заставили плясать на горячих кирпичках. Мастер Петушок и от этого был в восхищении.

Конвоиры были из латышских рот СД. В основной состав этих рот входили «парни Арайса», принимавшие участие в карательных экспедициях в Латгалии, Белоруссии, а также Западной Европе. Сторожевая служба в Саласпилсе и в его отделениях для этих рот была своего рода отдыхом после совершенных на фронте «подвигов». «Парни Арайса» — это была банда, состоявшая из провалившихся студентов, айзсаргов, хозяйских сынков, отпрысков торговцев и чиновников.

Их объединяло лишь влечение вольготно пожить. В понятие «вольготно» входили расстрелы, насилие, поджоги и, несомненно, пьянство и грабеж. Влепить кому-либо пощечину им ничего не стоило. Они уже совершили «большие дела» и чувствовали себя призванными к ещё большему — в Минске перестрелять тысячи, в Освее сжигать деревни со всеми жителями, «прочесать» Варшаву и сопровождать эшелон поляков. Иногда они довольно откровенно предавались воспоминаниям.

Так, один маленький, плечистый гестаповец жаловался, что получил двое суток ареста за то, что в каком-то белорусском городе слишком открыто изнасиловал, ограбил и затем расстрелял девочку. Не было недостатка и в тех, кого невинно пролитая кровь бросала в истерику страха. Они держались поодаль, направив на нас винтовки. С немецкими мастерами или лётчиками, которые тоже находились на аэродроме, у них не было контакта, так как немецким языком они владели плохо. Среди них были и такие мелкие подлецы, как конвоир Фрейманис. Увидев его, я вспомнил Валмиерский стадион, где ког-

Ворота Бухенвальда: «Каждому своё».

какое-то время узнал, что Фрейманис там был, но без письма. Полученные продукты и курево он взял себе. Своё подлинное лицо эти «парни» показали тогда, когда я их видел в последний раз. В июле 1944 года они сопровождали транспорт заключённых из Саласпилса в Нейенгам под Гамбургом. По дороге нам выдали кусок солёного мяса. В теплушке под жестяной крышей мы мокли в поту, помещение было настолько тесным, что спали сидя. Почти пять дней нам не давали пить. Пять страшных дней. Тогда я впервые по-настоящему узнал, каким большим может стать язык, когда он, соприкасаясь с небом, горит от боли. В те ночи ничего не было приятней, чем увидеть во сне прозрачные капли росы на конце зеленого стебля. Дважды во время налетов мы находились на станциях, подвергавшихся бомбардировке. Гестаповцы в эти минуты грозили стрелять в каждого, кто покажется у обвитого колючей проволокой окна.

На станции Тильзит вокруг горели вагоны, но мы не имели права на спасение. Они отказывали нам даже в воде. Ещё сегодня помню, как гестаповец Гайлис, сын руйенского банщика, избивал тех, кто на конечной станции не мог вылезть из вагона.

В этом отношении они были достойны занять своё место в тех рядах немецких эсэсовцев «Мертвая голова», через которые нам пришлось идти от вагона до ворот лагеря. У каждого в руке была палка, а на поводке собака. «Los!» — и удар.

В Бетонной Марии рядом с нами работало несколько наёмных рабочих — поляки и рижане. Было бы несправедливо не упомянуть о том, что сделали они для нас хорошего. Самое главное — они поддерживали связь с нашими родственниками. Официально было разрешено писать одно письмо в месяц, если не было провинности. Письмо было определённой длины, не больше двадцати строчек.

И ещё условия: нельзя писать о том, где находишься, нельзя писать о том, что делаешь, нельзя упоминать фамилии товарищей. Следовало писать, что живётся хорошо, хотя от голода кружилась голова и ещё вчера пришлось выплюнуть выбитые зубы. На каждом письме была печать «проверено», и каждое письмо испещряли зачеркнутые цензурой строки. Для того, чтобы все узнали, что происходит в Саласпилском лагере, чтобы знали, что здесь же в

преддверии Риги конвейер смерти перемалывает сотни и тысячи людей, оставляя лишь засыпанные могилы и чемоданы с награбленными вещами, мы должны были писать и отсылать письма тайком. Мы должны были точно знать, как живется нашим близким, каково истинное положение на фронте и в тылу. Хотя и изолированные, мы хотели быть вместе со своим народом. Какую радость доставляли эти нелегальные письма нашим родным и нам самим, какие надежды они воскрешали, помогая жить и выстоять!

Посылки тоже проверялись. Изымалось всё недозволенное, поэтому продукты, одежда, медикаменты и книги приходилось вносить тайком. В Бетонной Марии работало три рижанина. Один из них, невысокого роста плотник Гарбинович, помогал мне. Этим рабочим обычно не обыскивали, и они принесли нам письма, пакеты, газеты, книги. Они, разумеется, понимали, куда могут угодить, если их поймают.

И всё же — по оброненным как бы невзначай словам мы узнавали, в какой угол ангара, под какой кирпич, в какой пустой цементный мешок следует положить письмо, где искать пакетик. За каждое полученное или посланное без разрешения письмо грозило четыре недели пребывания в штрафной группе. Когда я расставался со Спилве, то сосчитал, что только письмами заработал около трех лет пребывания в штрафниках.

Эти люди не были ни социалистами, ни коммунистами, они были всего-навсего честными рижскими рабочими.

Помогало и то, что наши конвоиры, доверяя охране аэродрома, свои обязанности выполняли довольно небрежно. Кроме того — попробуй понять психологию убийц — они считали себя больше «солдатами» на отдыхе, нежели охранниками. Случалось, что при возвращении с работы тот или иной конвоир ощупывал лишь наши карманы и спину. Разумеется, были и более старательные, особенно из молодых. Свое приобретение я обычно хранил в рукавице. При обыске в присутствии конвоира я снимал рукавицы и держал их высоко вверх. Вытрясти рукавицы никому не пришло на ум.

Официально свидания с родственниками в немецких концентрационных лагерях не разрешались. Это было своего рода психическое истязание и террор. Неизвестность ведь намного более мучительна, нежели самые плохие вести. Лагерь показывал, насколько тесные узы связывают мужа с женой, отца и детей. В период заключения эти связи стали ещё крепче. Лишь в редких случаях жена требовала развода, мотивируя его нежеланием жить с заключённым.

Меня арестовали в возрасте двадцати лет, поэтому я лишь позже понял, как много пережили мои старшие товарищи, томясь в неведении о судьбе своей семьи или же узнав о ней что-нибудь плохое. Сознание своего бессилия может свести человека с ума. Зимой 1942 года, когда в Латвии свирепствовала дифтерия и из-за отсутствия вакцины немало детей умирало, весть о смерти сына получил и один наш товарищ. Неделью он ходил по камере, словно лунатик, по ночам плакал, собирался бежать, перепилить решетку или бро-

ситься на забор. Это была бы верная смерть. Мы успокаивали его как умели и следили за ним.

На огороженный колючей проволокой аэродром можно было попасть лишь по железнодорожному полотну. У самой насыпи находились склады с материалами. Иногда удавалось согласовать все: благосклонных к нам караульных, ленивых мастеров, халатных немецких часовых, верных товарищей, и тогда в одном из этих складов, где-нибудь за клубком металлической арматуры или за мешками цемента происходила встреча.

Тёмный и грязный угол сарая, куда свет попадал лишь через щели потолка, тогда казался светлым. В нём сияли солнечные воспоминания и мечты о будущем. Разговоры частенько кончались небольшим, но важным замечанием: «Если останусь в живых...» Всегда следовал горячий ответ: «Ты останешься жив!» И этому верили оба. Статистику знаем лишь мы, живые. В Цвибергский филиал Бухенвальда нас прибыло около 250 латышей. Домой возвратилось неполных пятьдесят.

При свидании можно было получить и то, что запрещено было присылать, например, обувь. В Саласпилсе зимой и летом разрешалось носить лишь деревянные башмаки. Ношение иной обуви рассматривалось, как подготовка к побегу, и за это грозил перевод в штрафную группу. Такие башмаки натирали лодыжки до крови. Каждый, у кого была хоть малейшая возможность, приобретал старые галоши или что-нибудь другое — ибо кто знает — может быть, действительно наступит минута, когда удобная обувь может помочь.

Наши свидания неоднократно нарушал Хаген — Зелёная смерть. Он даже вызывал патрулей и окружал склады. Обычно ему не везло, родных предупреждали товарищи, вольнонаемные рабочие. Немецким мастерам тоже пришлось бы несладко, если бы кого-нибудь поймали, ибо тогда обвинение в неосторожности относилось бы к ним тоже. Однажды Хаген со злости от неудавшейся облавы грубо толкнул нашего караульного, подчеркивая этим, что тот, несмотря на немецкую форму, все же принадлежит к низшей расе. Маленький, одетый в черное пальто, Хаген стоял с зардевшимся лицом, вытянувшись, как петух. Это был маленький диссонанс в «великом немецко-латышском единстве». Всё же несколько пришедших на свидание женщин то ли в результате ловкости кое-кого из караульных, то ли из-за болтливости кого-то из заключённых были пойманы. Их доставили в комендатуру аэродрома и прямо оттуда на несколько месяцев отправили в Саласпилский лагерь.

Я получил несколько писем, которых не ждал. На втором курсе я дружил с одной студенткой. В записке, адресованной хозяевам своей бывшей рижской квартиры, я спрашивал и о ней. Через некоторое время получил от этой барышни письмо. Она меня помнила и поясняла, почему тогда разладилось наше знакомство. Почти буквально она писала: «Мне, дочери земгальского землевладельца, не могло быть по пути с тобой, одним из тех, кто восстал против нашего порядка крестьянской жизни». Романтичными ночами в саду

Виестура мы вместе смотрели сквозь листву на небо, но выходит, что даже тогда, она сохраняла практический ум. Ведь я тоже был крестьянским сыном. В ту минуту сердце немного болело, но позже с горькой усмешкой я назвал то письмо «политическим введением в любовь».

Второе послание пришло от знакомой со времён средней школы. Она тоже вспоминала былые дни, боялась, не холодно ли мне зимой, и тайно прислала два пакетика медикаментов. Эти посылки могли испортить всю её карьеру. Но это было теплое и подлинное сочувствие, без оттенка лирики, так как полгода спустя она вышла замуж. Её письмо я взял с собой в Германию. Там его у меня отобрали, и осталось оно в Нейенгаммском лагере вместе со всем моим добром — письмами брата и фотографией расстрелянного отца. Когда я выходил из раздевалки, у меня оставался лишь кусочек латвийского синепестрого мыла и зубная щетка. Мыло у меня отняли, когда пересылали в Бухенвальд.

Как бы «ревностно» мы ни работали (иногда один гвоздь с полчаса загоняли в доску), оба сборочных ангара были настолько готовыми, что фирма «Эспенлаубе» начала в них монтаж истребителей «Фокке-Вульф». От этих машин нас держали на расстоянии, чтобы мы их не сглазили. Зато мы имели возможность смотреть высший пилотаж. Несколько раз из-за каких-то неполадок в новых машинах заедало шасси, и самолеты садились «на брюхо», поднимая тучи песка. После работы лётчиков-испытателей часто можно было видеть пьяными.

В начале 1944 года Рига уже не была далеким тылом, и нас заставили возводить вокруг новых ангаров двойную защитную стену из досок. Местами её заполняли песком, местами бетонировали. Строительством защитной стены руководил старый сгорбленный немец с длинным носом и словно заплакавшими глазами. Из-за длинного лошадиного носа его прозвали Конским Рылом, хотя за свой спокойный характер он заслуживал лучшего прозвища. Под его надзором мы долго копали ямы для столбов, ещё дольше вертели их то в одну, то в другую сторону, пока они наконец не стояли безупречно прямо. В нашей группе работал семнадцатилетний рижанин Мартынь, арестованный за похищение пишущей машинки для нужд нелегальной организации рижских школьников. Конское Рыло с этим парнем всегда беседовал спокойно, потцовски поучал его. Однажды утром глаза Конского Рыла были совсем красными. Мартынь рассказал, что у старика на фронте погиб сын.

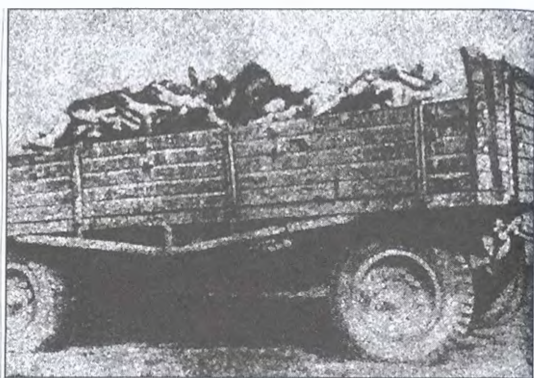
На строительстве защитной стены рядом с нами работали евреи из гетто в Межапарке. Каждый день со стороны комендатуры сюда тянулась пестрая колонна. Там шли оставшиеся пока в живых, главным образом молодые евреи, которые были ещё трудоспособными. На глаза спадали большие лыжные шапки, одеты они были в пиджаки с длиннющими рукавами — это осталось от родных, которым одежда уже больше не была нужна; вокруг голени намотаны и скреплены проволокой тряпки; на спинах выведены яркие желтые кресты, на груди желтые звезды, на лицах застыл ужас и бесконечная

усталость. Женщины и молодые парни устало поднимали лопаты. Казалось, что с каждым движением они выбрасывали и часть своей оставшейся жизни. Мы изредка успевали перебраться с ними отдельными словами. Там были люди из Германии, Чехословакии, Литвы, Австрии. В сравнении с жизнью в гетто работа в Спилве евреям казалась небольшой передышкой. Караульные здесь редко давали волю рукам. Иногда лишь приходил Хаген, чтобы кого-нибудь пнуть. Зато в гетто властвовал бывший оберпалач концентрационного лагеря Заксенхаузен Густав Зорге, прозванный Железным Густавом. В 1947 году на Заксенхаузенском процессе он холодно заявил: «Среди бестий я был самой большой бестией». Свою карьеру он начал ещё в 1938 году, живьем зарыв в землю одного немецкого священника. Мастер национал-социалист Пантел некоторым девушкам помоложе даже улыбался и приглашал мыть домик руководителя работ. После получения посылок один-другой ломоть хлеба перекочёвывал и к обитателям гетто. У нас ведь была общая судьба и общие надежды. Только их надежды, к сожалению, остались в лесах под Ригой в последний год войны.

Позже, когда нас перевели в Юмправмуйжу строить новый аэродром, прежде всего заставили разобрать старый сарай. В этом сарае до расстрела ютились привезенные из-за границы евреи. Под прогнившим полом мы нашли медикаменты и несколько свитков. Среди медикаментов здесь был инсулин. Для страдающих сахарной болезнью это означало жизнь, поэтому его тщательно хранили. Свитки оказались талмудом, написанным на длинных листах пергамента, привезенным издалека, из Вены, из какой-то общины. При нашей бедности в то время нам годилось всё. Оказалось, что изготовленный из телячьих кож пергамент очень крепок. Куски пергамента мы нашивали на рабочие рукавицы и использовали как подошвы для сандалий.

Пришла зима с морозом и метелями. Прежде чем завести моторы самолётов, их долго прогрели горячим воздухом и затем тщательно укрывали стегаными чехлами. Лётчики ходили в кожаных комбинезонах и меховых сапогах. Нас ничто не согревало. Ветер, совершив основательный разгон через море и аэродром, пронизывал до костей. Против холода были испробованы различные средства. Мы учились «дрожать», то есть, напрягая мускулы, нахохлиться, подобно ежу, повернув спину против ветра. Но, работая, приходилось передвигаться, дрожание не помогало, холод сразу же проникал в рукав или за ворот и обжигал кожу. Тогда мы стали рукава перевязывать проволокой. Всё же одним только «дрожанием» согреться не удавалось. Некоторым сельским жителям, в том числе и мне, не раз тайком присылали портянки. Их мы пришивали с внутренней стороны блуз. Многих спасли пустые бумажные мешки из-под цемента. Согревать они не согревали, но ветер задерживали. При движении вся колонна странно шуршала и гремела. Так как мы считались «рабочей командой» и правлению лагеря СС фирмы платили за нас деньги, то совсем замёрзнуть нам не давали. Однажды из Саласпилса привезли новое бельё, как будто более тёплое. Было ли оно действительно более тёплым,

судить трудно, но зато оно было пёстрым: голубое, зелёное, красное, одна штанина фиолетовая, другая белая — словно мы должны были участвовать в карнавале. Белье было пошито из одежды расстрелянных евреев, которая не пришлась по вкусу ни одному грабителю. Позже часть этих лохмотьев вместе с нами была отправлена обратно в Германию, где в своё время и началось путешествие вещей.

Прицеп с трупами узников.

Как «рабочую команду» нас кормили тоже как будто бы лучше. Всё же конина часто была старой и вонючей, да и её обычно не хватало, картофель, как правило, был полугнилым. Вместо муки давали мельничные поскрёбки. При еде на зубах хрустел песок, его много оставалось на дне миски. Но нам ежедневно нужно было пройти свои шесть километров, затем целый день двигаться, а у Кизерлинга даже выполнять тяжёлые работы. Силы таяли. В короткие зимние дни было немного легче, так как, опасаясь побегов, нас в темноте работать не заставляли. Весна красива и приятна, если можно ходить вдоль берега реки и смотреть, как распускаются ивы, но для нас весна означала, что удлинится рабочий день — придётся трудиться восемь, десять, двенадцать часов подряд. Чистота была для нас внутренним законом, дисциплиной, помогавшей выдержать тяжёлые годы заключения. Некрашенные полы всегда были выскоблены добела. В помещении не курили. Лишь изредка какой-нибудь неисправимый курильщик тайком пускал дым в чугунную печурку.

Санитаром барака был Лаува, как и я, медик второго курса. Что понимаешь в практической медицине, окончив второй курс, если изучал лишь физику, химию, анатомию, микробиологию? Он старался, но не всегда получалось. Вспыхнула желтуха. Ею долго хворали Пурмалис и Краминь. Без строгой диеты лечить её невозможно, а диета была такая — ешь то, что дают. Долго мы держали Пурмалиса там же в Спилве, чтобы ему не ехать в жуткий Саласпилс. Всё же он не поправлялся, лежал тощий и желтый, как лимон. Я приносил ему курево, и тогда мы говорили о проведенных в Валмиерской тюрьме годах. Наконец староста барака приказал вести его в центр, болеть здесь не разрешалось. У многих от недостатка витаминов появлялись кожные болезни: разные лишайи, мучительные чирьи. Вечером у нар, где размещался санитар, когда люди открывали своё гноящееся и разъеденное экземами тело, можно было как бы листать целую книгу кожных болезней с цветными иллюстрациями. Теперь рассказывать об этом нетрудно, но в то время, когда всё тело покрывалось болезненными нарывами, когда каждое движение или прикосновение одежды вызывало жгучую боль, работать было мучительно. Я

отделался сравнительно легко — лишь месяца два промучился с каким-то странным мокрым лишаем. Рубашка каждое утро прилипала к коже. Санитар Лаува, как мой коллега, испробовал все мази, какие только были в его распоряжении (всего три), но лишь летом меня спасло солнце. Лечению и отдыху больных мешал больничный «лимит». СС от частных фирм получало деньги за каждого, кто выходил на работу. Поэтому часто выгоняли на аэродром и тех, кто еле держался на ногах. Сколько такой работник сделает за день, это СС не интересовало. Работу больного приходилось выполнять товарищам, пока тот, скрючившись, торчал в каком-нибудь углу аэродрома.

Чтобы хоть когда-нибудь помыться в тёплой воде и в тёплом помещении, а не на двадцатиградусном морозе в сарае со щелями, мы решили уплотнить одну из стен и сложить в сарае печь. Материалов нам никто не давал, поэтому решили их «организовать». (Во время войны сами немцы тоже слово «воровать» часто заменяли словом «организовать».) Каждый день, идя домой, мы под одеждой прятали по кирпичу. Таким же образом был доставлен цемент, и наши печники Жогот и Касаткин сложили вполне приличную печь со всей трубой. В наших карманах ежедневно переправлялись в барак каменноугольные брикеты. Проблема теплой воды была разрешена, но тут же на нас свалилось другое несчастье.

Однажды зимним вечером, когда возвращались домой, уже сгустились сумерки. Недалеко от барака на дороге стояла легковая машина. Мало ли машин вблизи аэродрома, и мы спокойно шагали дальше. Войдя в ворота, увидели, что один из «штубендинста» — уборщик барака — подавал через окно тревожные знаки. Сразу же посыпалось в снег все, что считалось запрещённым, — «организованный» уголь, ножи, рвались письма, но было уже поздно. Из барака выбежали незнакомые гестаповцы, молниеносно построили нас в ряды, заставили поднять руки и начали обыск. Были найдены письма родных, кусок масла, хлеб, с трудом добытый и привезенный близкими. «Винновых» отвели в сторону. За каждым вопросом гестаповца следовал удар. Незнакомцы вначале галдели по-немецки, но затем начали ругаться на чистом латышском языке. Это были латышские части. «Винновых» товарищей в тот же вечер увели на улицу Реймерса, в Гестапо. Кто-то сообщил, что мы поддерживаем связь с домом. Возможно, доносчиком был кто-то из караульных, а может быть кто-либо из аэродромных немцев. Это осталось тайной. Знали мы лишь то, что один из мастеров пожаловался, что мы уносим в карманах угольные брикеты.

Через несколько недель часть уведённых вернулась. Некоторых отправили в Саласпилс, в штрафную группу. Помог посаженный за спекуляцию рижанин Фёдоров, семнадцатилетний парень, всегда улыбающийся и спокойный. Зная, что он приговорен «лишь» к нескольким годам тюрьмы и что его считают спекулянтом, а не политическим заключённым и, что это неопасно, Фёдоров рассказал, что связи организовал он. Один из уведённых после возвращения долго ходил в матерчатых тапочках, так как у него были разбиты ступни

ног. Другие несколько недель не могли лежать на спине, ибо она была вся в кровоподтеках. Тяжело пострадал елгавчанин Акментинь, которому вообще не везло. Однажды Акментинь с группой товарищей приготовился бежать. Пятеро убежали, а Акментинь вечером вернулся. «Ко мне тайком приходил отец, старый человек», — рассказывал он, и мы поняли. В случае побега обязательно арестовали бы отца, особенно ещё потому, что в тот день отец выезжал из Елгавы. Может быть, читателю покажется странным, что я не рассказываю о побегах, всегда связанных с заключением. Да, может быть, и была возможность сбежать даже с самого аэродрома. (Между прочим, летом 1943 года караульный застрелил одного заключённого якобы за попытку бежать, когда тот удалился от места работы всего лишь на два десятка шагов. В живую цель гестаповцы стрелять умели.) Возможно, и удалось бы проскользнуть через цепь постов, но в дальнейшем при тогдашних обстоятельствах все зависело от того, имеются ли связи с подпольем. А, находясь в заключении, установить эти связи не всегда удавалось. Очень важным было и то, есть ли близкие — мать, отец, жена или дети. Немцы это обстоятельство сразу же жестоко использовали. В случае побега всегда арестовывались родные. Тот, кто сам претерпел в тюрьме голод, стоял в тени саласпилских виселиц, перенёс унижения и побои, если только сохранил в себе человеческое сердце, своим родным не мог желать такого. Так человеческую любовь СД умела превратить в ещё один дополнительный ряд колючей проволоки в лагерном заборе. И этот ряд был крепким.

Акментиня сожгли в крематории лагеря Берген-Белзен в последнюю неделю войны. Этот юноша был одним из тех, кто от гражданских рабочих доставал газеты «Тевия» или «Дейтче цейтунг им Остланд». Хотя в них и писалось о «небывалых в военной истории удачных операциях отрыва», мы там вычитывали, что наши приближаются. Эти сведения быстро распространялись по всему барaku и придавали новые силы.

Моими близкими друзьями в Силве были Александр Заринь и Лаймонис Трипка. Заринь, которого все звали Шуриком, до войны работал в Рижском комитете физкультуры, так же как Трипка сражался в рабочих батальонах и был взят в плен в Эстонии. Шурика я помню всегда жизнерадостным. Идя на работу или с работы, он находил в себе силы для песни. Мы пели «Катюшу», «Всё выше и выше», «Три танкиста», латышские народные песни. Разумеется, до тех пор, пока звуки не доходили до ушей охранника. Тогда следовало распоряжение: «Тише!» Никогда до того я не знал, какое сознание единства и несгибаемой силы дает песня! Если мы не могли петь, то Шурик свистел, а свистеть он умел. К его свисту мы тоже присоединялись до очередного запрета охранника. Такого свиста я никогда в своей жизни больше не слышал. У Шурика в Риге была мать, сестрёнка и любимая девушка. Несколько раз я видел, как его девушка прогуливалась по Болдерайскому шоссе, когда мы шли домой. В другой раз там прохаживалась жена, мать или сестра другого рижанина. Этим коротким минутам свидания мы радовались, как будто у каждого побывал гость. В эти мгновения всё

Трупы во дворе крематория.

Трипка был такой же убежденный и выдержанный человек. Из родных у него в Риге жил только младший брат, которого позже призвали в латышский легион. Не по своей воле ушел брат Лаймониса в легион «добровольцев», не каждому удавалось избежать мобилизации. Это была трагедия латышского народа, инициаторами которой стали немецкие захватчики. Трипка исчез незадолго до освобождения Риги и у меня нет о нем никаких сведений. Дружил я с Гвидо Вейсом, младшим лейтенантом латышского стрелкового корпуса. При отступлении он в Латгалии был ранен в плечо и попал в плен. В Центральной тюрьме расстреляли его жену. С черными горящими глазами, маленькими усиками — таким я помню Гвидо. Не раз я массировал его простреленное плечо. Гвидо дожил до 1945 года, но конца войны увидеть ему не было суждено: он погиб в концлагере.

Невозможно упомянуть всех хороших, стойких и несломленных людей, которые помогали выстоять и не пасть на колени. Были и такие, за которых боялись, что они могут предать. Если кто-нибудь, находившийся под подозрением, отпрашивался в Саласпилс, скажем к врачу, санитар не разрешал, стараясь не пустить его к «господам».

В Спилве нам жилось сравнительно спокойно, мы делали вид, что не замечаем смерти, хотя она витала и здесь. Рабочие, строя убежища для самолетов, наткнулись на краю аэродрома на массовое кладбище военнопленных, зарытых в 1942 году. Из карманов некоторых умерших товарищи изымали документы, чтобы после войны отослать их родным. Но многие так и остались лежать там неизвестными, хотя и у них когда-то было имя.

К весне колонна евреев из гетто стала короче. Лыжные ботинки, которые раньше носила девушка из Вены, сегодня надела её подруга, и клетчатое пальто уже носит не подросток с бледным лицом, а его мать. Прежних хозяев ботинок и пальто бросили в ямы.

Некоторым из нас посчастливилось выбраться на свободу и официально. То находился защитник посильнее, то помогали взятки. Освободить незначительный процент заключённых было в интересах СД (они всё равно остава-

должен был высказать взгляд. Люди шли, глядя друг на друга, словно немые, не замечали ни камней на дороге, ни дождя, ни холода, не слышали ни угроз, ни ругательств конвоиров. Друг от друга их отделяли лишь четыре — пять шагов, но они были непреодолимы. Для многих, как и для Шурика, это было последнее свидание. Александр Заринь умер в Берген-Белзене в последние дни войны. Голубоглазый рижанин Лаймонис

лись под надзором), чтобы дать оставшимся в лагере хоть какую-нибудь надежду, побудить их старательнее работать. Освобожденных обычно по субботам, отвозили в Саласпилс. Однажды в пятницу вечером радостную весть сообщили санитару Лауве. В тот момент он сапожными щипцами вырывал зуб у одного заключённого. Мы с Лаувой сдружились, хотя о медицине почти не говорили.

Он знал мало, да и я тоже разбирался в ней не больше. И вот белая лента санитары с красным крестом появилась на рукаве моей блузы, так как во всём бараке не нашлось ни одного, кто разбирался бы в этом больше. Кроме того, у меня всё же был титул — студент медицины. Долго в этом почетном звании мне ходить не пришлось — около полутора месяцев, до ликвидации лагеря, и поэтому большого вреда пациентам наделать я не успел. Перевязывал ссадины, вырывал стержни нарывов, кожные болезни лечил одной из трех находящихся в моем распоряжении мазей. Труднее было с внутренними болезнями, так как, кроме соды, аспирина и маленькой бутылочки сердечных капель, в моем распоряжении ничего не было. Вначале я на работу не выходил и заботился о больных. Но когда СС захотела увеличить число рабочих, мне тоже пришлось идти на аэродром со своим чемоданчиком, в котором имелось два бумажных бинта и бутылка йода. Зато в кассу СС поступило на четыре марки больше.

На аэродроме вырос новый ангар, больше всех предыдущих. Он был предусмотрен для шестимоторного «Гиганта» — большой, неуклюжей машины, в которую свободно могли заехать несколько грузовиков. Продолжительность жизни «Гиганта» была далеко не гигантской, так как эти самолеты были легко уязвимы для истребителей. Когда ангара были готовы, самих «Гигантов» уже не было. Их обломки ржавели на поле боя.

По субботам я ездил в Саласпилс, сопровождал больных в больницу и получал скудный паёк медикаментов. Неофициально вез письма и вести в Саласпилс и оттуда в Спилве. Во время этих «визитов» в Саласпилс я познакомился и подружился с зубным врачом Шлотовером из Вены, пятидесятилетним мужчиной в очках. Жил он под сенью смерти, так как был одним из немногих, ещё оставшихся в живых евреев. Его, очевидно, приберегли, пока господы из комендатуры подлечат зубы.

Последняя встреча с Шлотовером была грустной. Когда в июле 1944 года нас собирались отправить в Германию, я ещё раз зашел к нему. В маленьком, сумрачном «кабинете» он сидел в своем зубо-врачебном кресле, и мы смотрели на сосны за лагерным забором, освещённые ярким летним солнцем.

— Вы поедете в Германию, на мою родину, а я останусь здесь, — сказал он. Так и случилось. Мы уехали в Германию, а зубной врач остался в Саласпилсе и домой никогда больше не вернулся. Отступая, немцы расстреляли его, — возможно, что он лечил зубы своему убийце...

Последние месяцы в Спилве, когда я ходил с повязкой санитары, были как бы отдыхом после трёх лет заключения, и, может быть, поэтому мне удалось

перенести голод и истязания в Германии. Многие другие домой так и не вернулись.

Однажды обстоятельства сложились благоприятно и для меня — я должен был встретиться с родными. Я знал, что завтра по Болдерайскому шоссе будет прогуливаться мой младший брат. На четырнадцатом году жизни он лишился отца, расстался со мной и стал главой семьи. Сколько он бегал, спекулировал, менял, чтобы в дозволенных и недозволенных посылках я мог найти сигарету, пачку маргарина. Но в то утро нас на работу не пустили. Быстро велели залезть в машины и повезли назад в Саласпилс. Мне не повезло. На шоссе так рано брата ещё не было. И я его больше никогда не увидел. Он бесследно исчез в бурях войны.

Ехали мимо Спилве, где высились построенные нами ангараы и тянулись широкие бетонированные полосы. Тогда меня брала злость, что все это мы были вынуждены построить для немцев. Но, когда месяца четыре спустя немцы сами всё взорвали, мне стало жалко, что наш труд уничтожен. Да, война ничего не создает, война лишь разрушает. Нас везли по окраинам Риги. Люди шли по своим делам. Мы надеялись, что ещё вернёмся в этот прекрасный город на Даугаве. Наш путь вёл дальше в Саласпилс, затем в Германию, откуда бесконечно усталым вернулся лишь один из четырёх или даже пяти латышей.

ПРОДОЛЖЕНИЕ И КОНЕЦ ТРУДНОГО ПУТИ

Саласпилс был лишь началом длинной цепи страданий, и, если бы Советская Армия не разгромила полчища нацистов, Саласпилс продолжал бы существовать и ничем бы не отличался от тех лагерей, в которые как рабов в оплетенных колючей проволокой товарных вагонах увозили его обитателей. Саласпилс — это только часть того большого преступления, которое называется немецкими концентрационными лагерями.

Всё лето 1944 года окрестности были окутаны чёрным дымом. Он тянулся от костров, на которых в Румбуле сжигали трупы. Затем нас внезапно погнало в Саласпилс, где мы узнали новости, окрылившие нас: Советская Армия уже здесь, в Аугшземгале, и на Гитлера только что, 20 июля, совершено покушение. Всё же немецкая служба безопасности так крепко держала своих жертв за горло, что наш эшелон в ночной темноте успел проскочить Елгаву за два дня до того, как город был освобожден советскими войсками. Наш путь лежал через Литву, мимо горячей станции Тильзит, мимо разрушенных многоэтажных домов Гамбурга до концентрационного лагеря в Нейенгамме. Здесь несколько дней спустя более тысячи человек построили голыми в бане и отобрали 400 самых крепких. Нескольких мужчин постарше увели в находящийся по соседству блок, где размещались нетрудоспособные. За этим блоком «отдыхающих», как он назывался официально, находилась низкая бетонированная постройка с длинной трубой. Эсэсовцы посмеивались, что заключённые на свободу могут попасть только через эту трубу. Это строение было

крематорием. Затем мы снова ехали три дня в затянутых колючей проволокой вагонах. Полоса между обеими противоположными дверьми вагонов была свободной. Здесь стояли постовые. Мы сидели в конце каждого вагона, плотно прижавшись друг к другу. Пять рядов по пять человек в ряд. Места для того, чтобы лечь, не было, вставать, хотя бы на колени, чтобы переменить положение тела, было запрещено. За это грозила пуля из автомата конвоира, все время направленного на нас. Простой, но эффективный вид истязаний — три дня в холщовой одежде просидеть на голом полу вагона. По ночам иногда ряды в бессилии сваливались в клубок полосатой одежды. Оправляться не пускали, хотя двое уже болели дизентерией — один французский капитан и мой товарищ по Валмиерской тюрьме Алфред Апситис из Мазсалацы. На станции в Бухенвальде было очень трудно подняться и вылезти из вагона, который стал вонючим адом. Шли мы по хорошей, посыпанной гравием дороге. По обе стороны, напротив жилищ эсэсовцев росла тучная капуста. Эти гряды удобряли пеплом крематория. На больших воротах рукой искусного кузнеца выковано циничное изречение: «Jedem das Seine» («Каждому свое»)… В ожидании своей очереди, чтобы попасть в дезинфекционное заведение, мы от усталости легли передохнуть на бетонированную дорожку недалеко от крематория, так как здесь хоть можно было вытянуться. При первом знакомстве и этот лагерь предьявлял крематорий в качестве визитной карточки. В отчётах Бухенвальда в тот день появилась запись: 3 августа из Нейенгамма прибыло 400 работоспособных заключённых, которых приказано использовать на тяжёлых работах.

Дальше за четырьмя рядами колючей проволоки Бухенвальда дымили трубы оружейной фабрики Густлова. Три недели спустя, 24 августа, во время американского налета там погибли 315 заключённых, 1425 человек было ранено. При лагерях эсэсовцы всегда стремились построить какую-нибудь фабрику в надежде, что её не будут бомбить. Во время налётов никого из помещений не выпускали, даже если бы всем нам пришлось бы сгореть там живьём.

На следующий день нас сфотографировали и обмерили на случай, если мы вздумаем бежать. Поздно ночью вызвали к воротам. Затем снова поездка в вагонах для скота. Через день нас высадили у гористого подножья Гарца вблизи города Халберштадт и мы влились в одну из внешних команд Бухенвальда, которая в документах носила красивое название — «Kommando Malachit» («Малахитовая команда»). Это была одна из самых больших команд Бухенвальда. В августе, когда мы прибыли туда, она насчитывала около тысячи человек, а 31 января по официальным документам — уже 3389 заключённых и 287 охранников (Все даты и цифры взяты из найденных в архивах документов комендатуры СС).

Лагерь находился в долине, зажатой между двумя горами. Именно поэтому по-немецки местность называлась Цвиберг (Двугорье). Километра два от лагерной фирмы «Воде, Грун и Булфингер» и заводов «Герман Геринг» в скалах вырубались подземные залы самолётостроительного завода Юнкерса. Ра-

ботали здесь истощенные, одетые в сине-полосатые лохмотья пошатывающиеся фигуры. На ногах деревянные башмаки. При ходьбе по острым камням они выламывали и натирали ступни. Если обуви не было, ноги надо было обворачивать тряпками. В таких случаях в первый же вечер ступни были изрезаны до крови. Владельцы немецких фирм лишь подсчитывали доходы, принесенные купленной у СС дешёвой рабочей силой. Эти согнанные со всей Европы рабы говорили на немецком, польском, французском, русском, чешском, голландском, латышском, итальянском, югославском, испанском, бельгийском, венгерском языках. Лишь команды звучали по-немецки.

В пять утра раздавалась команда «подъём!», и полицейские начинали колотить палками по стенам барачков. Раздавали желудевый кофе. Съедали остатки вчерашнего пайка хлеба. В половине шестого надо построиться на большой площади для проверки. Стоять приходится полтора часа, независимо от того, идёт ли дождь или снег, мороз ли на улице или ветер. Если на плечи наброшено одеяло — это считается проступком, за это бьют. В семь выходим за ворота. Ворота надо приветствовать, снимая береты, так как в концентрационном лагере они тоже являются символом немецкой империи.

Навстречу шествию идет чисто одетый блондин в форме гауптштурмфюрера СС. Это комендант Любек. В руке у него трость. Рукоятка ореховой трости украшена художественной резьбой и напоминает голову собаки. Сделал трость один из узников. Такие трости имеют здесь все немцы, конвойные и вольнонаемные мастера. Любек двоим-троим с силой ударяет по спине. «Быстрее!» — кричит он, и конвоиры гонят нас дальше полубегом.

Затем шесть часов подряд мы носим железные рельсы, непрерывно поднимаем с земли и кладем на костлявые плечи тяжелые, пропитанные шпалы. В это время Любека нет, одетые в летнюю форму конвоиры бьют сравнительно редко. Но некоторые постовые тут же стреляют, если кто-нибудь из нас, голодных, поднимает с земли сахарную свеклу. Обыкновенно они попадают в цель. Одетый в черный бархатный жилет и штаны круглолицый немец выучил лишь одно слово по-русски, да и то произносит неправильно. «Камни, камни», — кричит он, когда мы забываем под шпалы щебенку. Ему всегда кажется, что работаем мы слишком медленно, что только поэтому продолжается война. Подойдя сзади, он бьет заключённых по ногам, по спине, ибо Любек сказал, что работать надо быстро, что вместо каждого убитого заключённого из Бухенвальда пришлют десятки новых, что стройка для империи является важной.

После шести часов работы — получасовой перерыв. Конвоиры и мастера должны обедать. Счастливейшим из нас разрешают вымыть их котелки, в которых иногда остается несколько ложек супа. Затем снова пять-шесть тяжелых часов. Опасаться надо не только конвоиров и мастеров. По туннелю подкрадываются специальные трудовые надзиратели СС, которые вначале «отпустят» указанные в инструкциях Гимmlера 25 «палок», а затем пояснят, что работать надо быстрее.

Затем час на обратный путь в лагерь. Люди идут сцепившись, поддерживая друг друга под руки. Ряды шатаются, повешенная на шею пустая посуда, единственное наше добро, болтается и гремит. На это своеобразное шествие призраков смотрят, покуривая трубки, немцы селения Лангенштейн, через которое мы иногда проходим. Затем снова на площади — проверка, стоять приходится час, полтора. После этого в своем блоке получаем хлеб, маргарин или комочек свекольного мармелада и литр супа.

Может быть умыться?.. Путь в помещение, где имеется водопровод, бесконечно трудный: надо спуститься с горы, затем снова лезть на гору в свой барак... Все же воля ещё владеет телом, чистота помогает жить, большинство из нас набирают в посуду воду и умываются. Остается ровно столько сил, чтобы залезть на нары и растянуться на набитом деревянными стружками бумажном мешке. Начинаем мечтать о хлебе, с ужасом ожидая тот момент, когда в пять утра о стены барака снова застучат палки и раздастся крик: «Подъём!». Во сне иногда удается видеть детей, успокоить мать или жену. Так проходит день за днём.

Через некоторое время меня переводят санитаром в лагерную больницу. Возможно, только поэтому я и остался в живых. Продовольственный паек здесь такой же, но времени на отдых больше — санитарам не нужно часами стоять на площади проверок и ждать, пока ветер, спускаясь со скалистых гор, пробирался сквозь тонкую одежду с дождём и снегом.

Вспоминаю товарищей. Бауерс из Екабпилса, длинный, очкастый парень с медленными движениями. Житель Милгрависа Фрицис Фелд-Милбергс, на лице которого ещё в Спилве частенько видели улыбку, болел язвой желудка и быстро таял. Янис Фрейманис, его я помню ещё по Валмиерской тюрьме, мужчина с черными горящими глазами. У него не было зубов, но здесь и есть-то почти нечего. Голубоглазый, плечистый Гравитис из Крустпилса... В шестой блок нас прибыло двести пятьдесят латышей, а вернулось домой неполных пять десятков. Кажется, первым погиб Алфред Апситис, заболевший дизентерией ещё в пути. Прибыв в Цвиберг, он не мог больше вынести каторжный труд в туннеле. Несколько дней его выгоняли на работу, но силы быстро таяли. Затем Апситиса, как нетрудоспособного, увезли обратно в Бухенвальд. Его пепел развеян у города Веймара...

Дизентерия и голодные поносы были главным бичом в лагере. Уже в августе (в связи с нехлорированной водой) этой болезнью переболели многие, и у многих она отняла последние силы. Самое ужасное началось с первых дней 1945 года и продолжалось до конца заключения. Больные голодными поносами тогда занимали целый барак. В каждой комнате этого барака находилось десять, пятнадцать двухэтажных нар с бумажными спальными мешками. В это время на каждое место клали двоих «валетом» — где у одного ноги, там у другого голова. Иначе все не помещались. Умерших выносили, протирали матрасы (мыть их нельзя было — они были из бумаги). На освободившиеся места уже была очередь в амбулатории. Хлеб умерших раздавали живым.

Иногда даже мёртвых сознательно оставляли в бараке до вечерней поверки, чтобы они числились живыми; за их счет можно было получить лишний ломоть хлеба и несколько картофелин. Может быть, это хоть на один день могло продлить жизнь кому-то из нас, и, может быть, это был именно тот день, когда открылись ворота лагеря.

Трупы убирали мы сами. Хотя организации СС было безразлично, умер ли заключённый или нет, всё же после смерти за ним следили до того момента, когда за мертвецом закрывались двери крематория. Трупы следовало раздевать; бельё, пусть даже от рубашки остались лишь лохмотья, нужно было другим, так как банды охотников на рабов действовали по всей Европе быстрее, чем смерть в лагере.

Смоченным химическим карандашом на ноге надо было написать номер умершего заключённого (фамилия в лагере ничего не значила). Сгореть должен был подлинный труп. Всё же в случае необходимости товарищи, которым угрожала смертная казнь или расправа гестапо, иногда заполучали новый номер, новую фамилию, а труп сжигался с номером искомого узника.

В ноябре и декабре в моём ведении была комната с лёгочными больными. Это было время, когда осенний дождь и снег влекли за собой воспаление легких, мокрые плевриты, туберкулёз. Но как мало мы могли помочь... В этой комнате царил полумрак, так как барак находился на краю лагеря, у самой ограды, за которой поднималась заросшая елями круча. Здесь в ноябре от воспаления легких умер один из братьев Эжиной, родом из Мадоны. Брат после работы навещал его, приносил где-то раздобытую сахарную свеклу, делил с ним свой тонкий ломоть хлеба. Всё же смерть оказалась сильнее. Угрюмый утёс за окном навсегда заслонил ему вид на покрытые рощами Видземские холмы. Второй Эжинь тоже остался навеки в тени Цвибергских скал.

Однажды, когда тусклые лампочки во время поверки на площади раскачивались над полосатой колонной, которая топталась в липкой грязи, в амбулаторию, поддерживаемый товарищами, ввалился Жанис Лидерис, длинный, изможденный лагерной жизнью восемнадцатилетний рижанин. Насколько помнится, он был арестован за участие в школьной подпольной организации. Вначале мы не знали, чем он болеет. Держалась высокая температура. Наш пирамидон, казалось, несколько улучшил его состояние. Но затем однажды из его рта хлынула кровь. Стал ясен диагноз и, к сожалению, прогноз — кавернозный туберкулёз легких. После кровоизлияния началась новая вспышка болезни. Лидериса часто навещал товарищ из рижской подпольной организации — Георг Даболин. Он приносил кусок хлеба, даже половинку какой-то английской сигареты. Все же Лидерис уставал с каждым днем всё больше и больше. Второе кровоизлияние принесло смерть.

Барак больницы кишмя кишел микробами. Каждая простуда превращалась в воспаление легких. Тот, кому удавалось перенести воспаление легких, заболел туберкулезом. От взрывов в туннеле поднималась мельчайшая силициевая пыль, которая, словно маленькими кремниевыми ножами, разрезала лёг-

кие, они кровоточили. От этой насыщенной туберкулезными бактериями комнаты и я прихватил с собой домой кое-что на память.

Некоторое время спустя меня перевели в отделение, где преобладали так называемые хирургические больные с ушибами, поломами, гнойниками. По вечерам после поверки, когда заключённым разрешалось посещать амбулаторию, я работал там. Стоял уже февраль, март. Рацион хлеба уменьшался, темпы работы росли. На вечерней поверке полосатая, оборванная колонна, взявшись за руки, часами покачивалась на ветру, пока лагерфюрер сосчитывал живых, полумертвых, державшихся на ногах с помощью локтей товарищей, приплюсовывал к ним мертвецов из малого барака и так получал нужное число. На носилках доставляли в амбулаторию тех, кто после поверки оставался там лежать.

Число больных в амбулатории росло. Среди них были мои знакомые по Валмиерской тюрьме: Аумейстар из Мазсалацы, ему было за тридцать (в хорошие дни я этого невысокого мужчину видел румяным, крепким и сильным); деревенского парня из Трикаты Аннушку. На ферме Валмиерской тюрьмы, вскоре после ареста, он на своей спине мог пронести три пуры ржи. Сейчас сам он весил не более снопа соломы. Пришел и валмиерец Битлацис. Помню Оскара Лапиня из Друвене. Он упал и разбил локоть, правда, не сильно, был лишь синяк. Но ослабленный организм не мог побороть ни одну, даже самую ничтожную болезнь. Через три дня хирург, бывший врач польской армии — майор Реклинский вскрыл на локте Лапиня громадный нарыв. Распад ткани продолжался и после этого, и два дня спустя Лапинь заснул навеки. Подобный распад тканей начинался и от удара ореховой палкой, с которой немцы не расставались. Так погибли после порки многие привезенные сюда из Венгрии евреи.

Ломоть хлеба становился ещё тоньше, часто в супе были лишь картофельные очистки из кухни конвоиров. Трупы в крематорий все время отвозил один пожилой крестьянин, благодушно посасывая свою фарфоровую трубку. И ему лагерь приносил доход. В марте пароконная фура уже не вмещала все трупы, ей на помощь был выделен грузовой автомобиль с прицепом. После войны старый немец рассказывал, что лично он отвез около 900 трупов. Позже стало не хватать бензина. Трупы сваливались в кучу за малым бараком. Оттуда в сторону площади поверок тянулся гнилой след. Его засыпали хлорной известью, но уничтожить не могли.

За всё время помню лишь четыре случая самоубийства. В туннеле повесился липайчанин, бывший баптистский проповедник Буш. Солнечным мартовским утром ночная смена, идя с работы, принесла его ещё теплый труп. На меня тоже временами находило черное тупое отчаяние, которое здесь называли лагерным «кол-лапсом». Всё же сознание, что я крепче тех, за которыми ухаживаю, что они ждут от меня помощи, помогало выдержать в трудную минуту. Много помог мне также товарищеский коллектив врачей и санитаров. Самым близким и первым другом в амбулатории для меня был чех, студент медицины Франтишек Хавра-

нек. Хорошими товарищами были врач Шумаков из Ташкента, врач Назаров, французские врачи Рен и Шарф, заведующий хозяйством Дедье, который никогда не обходился без французской улыбки, вежливости и учтивости, санитар, голландский партизан Ван Боон, всех не перечислишь. Лагерь учил, хотя и суровыми средствами, что выжить можем лишь в том случае, если товарищи всех национальностей крепко возьмутся за руки.

В лагере царила смерть. Ещё в марте публично вешали людей. Со времени нашего прибытия

Нацистские палачи и их жертва.

здесь повесили около двадцати узников. Вешали за всё, что только приходило в голову, лишь бы только устроить остальных. Вешали за попытку к бегству, за плохую работу, за то, что возражал мастеру. Недавно я видел фотоснимок той ели, на суку которой рядом с забором лагеря были повешены многие заключённые. Теперь к стволу прикреплена памятная доска. Впоследствии вешали также на суках дуба в самой середине лагеря. Обычно в таких случаях к месту казни сгоняли всех свободных от работы. Согласно инструкции вначале произносилась речь; её переводили на три языка. Она содержала одни угрозы. Затем приговоренного к смерти ставили на бочку из-под бензина, которую иногда поручали выбивать кому-нибудь из заключённых (тоже согласно инструкции); обычно же это искусно и бесшабашно проделывали сами ээсовцы.

И всё же ничто не могло сломить дух узников. Люди, хотя и умирали от голода, морально были сильны.

Ещё осенью в лагерь на несколько дней прибыл зубной врач Курт Келлер. В сопровождении конвоира он обошёл внешние команды Бухенвальда. Келлер находился в заключении уже с 1933 года. Он вызвал к себе меня и Хавранека. Из беседы с ним мы поняли, что Келлер является связным Бухенвальдской интернациональной организации сопротивления. Этот смелый человек, которому было всего лишь 31 год и который после 11 лет заключения сохранил твёрдую веру в победу, вдохнул в нас новую силу воли и решимость выдержать, что в данном случае означало победить. После его отъезда связь с нами поддерживал руководитель амбулатории Печник, староста лагеря Нейперт и заведующий складом Клуге, все трое — немецкие антифашисты. Они руководили подпольем в нашем лагере. И вот, когда приближался конец, оказалось, что эта организация отвела от нас кулак, который должен был одним ударом раздавить всех, кто ещё оставался в живых.

Пятилетнему Вите Шевцову (г.Бердянск) нацисты вырезали на лбу звезду, а затем убили его (1943 г.)

са была записана язва желудка или обычная среди любителей пива болезнь печени. Крысы почувствовали, что корабль тонет, и искали себе алиби. К сожалению, многие нашли его.

Наступило последнее утро в лагере. Как обычно, во время утреннего обхода я старался поздороваться с каждым на его родном языке (несколько необходимых для этого слов я знал), прощупал пульс, смерил температуру, вынес последних умерших. Проверка пульса и измерение температуры, конечно, больному не помогали, но потерявшим силы людям иногда хоть чуточку помогало сознание, что о них все-таки заботятся. Это мы, санитары, учитывали, это было нашей обязанностью. Затем попрощался с товарищами своей комнаты и пожелал всем скорой свободы. Это было одно из немногих пожеланий, которое в лагере исполнилось, к тому же скоро. Так завершилась моя первая, самая ужасная медицинская практика.

Закончил я обход в маленькой комнатке, в которой лежали двое безнадежно больных с переломленными в туннеле позвоночниками, с переломами таза. Помочь им было не в наших силах. От ужасных пролежней их спины напоминали голое переплетение жил и мускулов. В этой же комнате находился житель Валки Бертулис, молодой, красивый парень с густыми черными бровями.

В первые дни апреля в стенах туннеля днём и ночью бурились шурфы для взрывчатки. Мы знали, что решено завести нас в туннель и затем подорвать.

Неожиданно, буквально в последнюю минуту, эсэсовцы изменили свои планы. Мне не удалось больше встретить Нейперта, Клуге и Тони, поэтому подробностей не знаю, но для нас было ясно, что они каким-то образом оказали влияние на отмену ужасного убийства. Самой верной, очевидно, будет версия о том, что они, рискуя жизнью, угрожали открытой борьбой, так как руководство СС позже сообщило, что не хватает конвоиров, чтобы довести нас до туннеля. В лагере в то время зрела твердая решимость: если поведут в туннель — борьба не на жизнь, а на смерть, хотя бы одними зубами.

Примерно в это же время в документах амбулатории согласно приказу врача лагеря были «исправлены» все записи о причинах смерти. После «исправления» все, оказалось, умерли как порядочные граждане германской империи. Никто больше не был убит, а умерли люди от паралича, вместо голодного поноса.

Сюда я его кое-как устроил ухаживать за больными, ибо работать в туннеле у него не было сил. К сожалению, здесь его силы тоже иссякли. Мы попрощались, — и позже я узнал, что вскоре после освобождения он умер. Умер и кримудец Август Круминь, сильный, рослый мужчина, хотя и с облысевшей макушкой. Волосы у него выпали после перенесенного в Центральной тюрьме сынного тифа. С распухшим лицом, со вздувшимися, неподвижными ногами он остался сидеть в лагере у барака нетрудоспособных.

Всех, кто мог двигаться, выгнали за ворота лагеря. Те, кто не мог идти, остались. Ухаживать за этими больными мы поручили врачам постарше. Тогда мы ещё не знали, какая судьба ждёт ушедших и какая оставшихся. На сей раз последние почти все остались в живых.

Спустя год после войны в Риге я встретил одного товарища, который в списке значился умершим. Выйдя из лагеря, он потерял силы. Ему выстрелили в затылок. Однако произошел редкий случай, когда пуля оказалась милосерднее стрелявшего — она скользнула по мягкой ткани шеи, не задев кости. Раненый упал без сознания. Придя в себя, он сполз с дороги, спрятался в стогу соломы и спасся.

Трагических ошибок — когда по списку человеку следовало быть в живых, а на деле он мертв — гораздо больше. Так, например, не упоминается агроном Грислис. Нет здесь и валмиерского рабочего Брикшкиса, мужчины богатырского роста, с крепкими, татуированными руками моряка. Я ему еле-еле доставал до плеча. В Валмиерской тюрьме он ещё был настоящим силачом. А из больницы Малахитового лагеря я его вынес как ребенка на руках, хотя в ту пору меня никак нельзя было назвать богатырём.

Усталые, поддерживая друг друга под руки, тащились мы вперед, стараясь не отставать. Отстать — означало смерть. За нами шла специальная команда эсэсовцев, которая каждому отставшему стреляла в затылок.

Солнечным утром мы шли хорошо прибранным сосновым лесом. Казалось, на меховой подстилке можно сосчитать каждую упавшую шишку. На протяжении восемнадцатикилометрового пути прозвучало сорок пять выстрелов. Те, кто во время этой последней кровавой оргии фашистов остался на дороге, не внесены ни в какие списки. Преступление, которое началось с того, что невинных людей согнали в Саласпилс, продолжалось в Германии.

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

ЯЗЕП КАУСИНИЕК

Гитлеровцы арестовали его сразу же после захвата Латвии. Лудзенская тюрьма, Саласпилский лагерь смерти, Бухенвальдский лагерь смерти — таков скорбный путь этого человека. В послевоенные годы Я. Каусиниек окончил историко-филологический факультет Латвийского университета и работал учителем в Краславской средней школе. Был награжден нагрудным значком «Отличник просвещения».

Каторжником я стал во время немецкой оккупации в камерах Лудзенской тюрьмы. Каждая минута тянулась там, как час, а час, как день... Ни малейшего представления о будущем. Вечером 16 августа 1942 года в нашу камеру вошёл гестаповец и сообщил, что мне и ещё 30 политическим заключённым завтра есть не дадут. Из Лудзенской тюрьмы нас переводят.

Что сделают с нами? Куда нас отправят? Может быть, в Гарбарский сосновый бор, в песках которого зарыты тысячи невинных людей. Сведующие люди рассказывали, что в уездной управе все погреба забиты до отказа и арестованных девать больше некуда. Значит, необходимо освободиться от нескольких лишних душ. Другие утверждали, что Гарбарские сосны стали уж слишком популярными, поэтому гитлеровцы теперь расстреливают людей на Анчупанских холмах близ Резекне.

Мы долго рассуждали о своем будущем. В ту ночь нам было не до сна. И когда в зарешеченное окошко нашей камеры проникли первые лучи восходящего солнца, в коридоре прогремели кованые сапоги. Глухо лязгнули ключи, и в камеру вошла группа вооруженных эсэсовцев. Нам приказали выйти во двор и построиться в колонну по два! Во дворе ещё раз проверили по имени и фамилии, и тогда кто-то скомандовал:

— Вперёд, шагом марш!

...Скоро поворот. Если погонят налево, тогда прощай, жизнь, — этот путь ведёт к Гарбарским соснам, — если направо, то, может быть... Может быть... Это для нас единственное утешение.

— Левое плечо вперёд!

Мы словно ожили и полной грудью вдохнули чистый утренний воздух, который после вонючих камер нам казался чудесным нектаром. У каждого из нас появилось неукротимое желание жить, трудиться, быть свободным.

Несмотря на ранний утренний час — лудзенцы уже на ногах. Они узнали, что из тюрьмы будет отправлена группа заключённых. Люди осторожно идут по тротуару рядом с нашей колонной. Делают они это настолько незаметно, что у эсэсовцев, охраняющих нас, возникает впечатление, будто эти люди торопятся на работу.

Один-другой быстрыми шагами обгоняет нас, сворачивает во двор какого-нибудь дома или в переулок и через несколько мгновений снова идёт нам на-

встречу. Мы понимаем, что люди в мыслях и чувствах с нами. Это для нас большая моральная поддержка.

Вот и станция Лудза. Здесь нас уже ждёт товарный вагон. Вскоре раздаётся приказ:

— Залезай!

Эсэсовцы сегодня удивительно благожелательны. Знакомым они разрешают подойти к вагонам и поговорить с нами. Лудзенцы используют ситуацию и подходят, конечно, выдавая себя за родственников или знакомых. Наши вещевые мешки наполняются запасами продуктов, а сердце — человеческой теплотой.

От пёстрой толпы отделяется девочка лет пятнадцати с густыми косами. У неё в руках тяжёлый чемодан. Девочка подходит к дверям вагона. Спрашиваем:

— Кому вы хотите это передать?

— Тем, кого сегодня никто не навестил, — тихо отвечает девочка.

— Спасибо, дитя!

Продукты мы делим на равные части. Их нам прислала Лудзенская подпольная организация. Паровоз подали только к вечеру. Под строгой охраной нас привезли в Резекне. Там к составу поезда прицепили ещё один вагон заключённых. Значит, и здешняя тюрьма переполнена! Гитлеровцам не так уж легко дается установление «нового порядка». Ему сопротивляются все.

Когда мы наконец прибыли в Даугавпилс, резекненцев поместили в какой-то склад, а нас, лудзенцев, — в тюремную церковь. Угрюмые церковные кельи были превращены в тюремные камеры. В церковь каждый раз, перед тем как отправиться на очередную акцию, приходят фашисты и, опустившись на колени, молятся богу. Помолившись, они «во имя господа бога» идут пытать и убивать невинных людей.

Один из заключённых, по фамилии Яковлев, тоже захотел «помолиться». После перенесенных бесчеловечных мучений и истязаний с ним часто случались припадки. И здесь, в тюремной церкви, находясь в нервном трансе, Яковлев полез на амвон и начал проповедь. «Какой же ты нам отец, — потрясал он кулаками в сторону неба, — что не даёшь своим детям хлеба?» Товарищи с трудом утихомирили его. Волоком оттащили от амвона, зная, что психически больных эсэсовцы убивают.

В Даугавпилсе сообщили, что нас отправят дальше — в Саласпилский концентрационный лагерь. Под вечер 21 августа мы получили распоряжение собраться во дворе церкви, куда уже были согнаны сотни заключённых. После тщательной проверки началось «шествие» на станцию. Там для нас были приготовлены товарные вагоны с зарешеченными окнами. В каждый вагон загнали около восьмидесяти человек. Двери заперли. Итак, мы поехали в Саласпилс.

* * *

Саласпилс... Этот страшный лагерь истребления я увидел 22 августа 1942 года. Наш эшелон остановился на станции. Двери вагона открылись. Толпа голодных

Оркестр музыкантов из заключенных в Яновском лагере с дирижёром Львовской оперы композитором Якубом Мунт и профессором Штрикс. По приказанию немцев оркестр исполнял специально сочинённую мелодию, названную «танго смерти». пытки, истязания и казни проводились под эту музыку. Позднее весь состав оркестра был расстрелян нацистами.

надобности переносили песок с одного места на другое. Гестаповец презрительным взглядом наблюдал за этим бессмысленным занятием и время от времени покрикивал:

— Быстрее, быстрее!

Второй гитлеровец, ударив нескольких носильщиков палкой по спине, добавил:

— Быстрой, проклятый!

И люди бегут. Потные, голодные, измученные.

Поодаль виднеется груда мешков с песком. Арестованные по команде топорливо переносят эти мешки на другое место, метров на 150 дальше, и сбрасывают их там в новую кучу. И всё это делается без всякой надобности, единственно для того, чтобы по возможности больше мучить людей.

Нас встревожила и другая картина. В конце лагеря двигалась толпа оборванных и переутомленных людей. На груди и на спине у них были круглые белые нашивки. У некоторых на шее висела доска с надписью на немецком языке: «Беглец». Люди шли парами. У каждой пары на плечах длинная жердь. На ней объемистая посуда, наполненная в лагерной уборной. Эту ношу каторжники должны были таскать четырнадцать часов в сутки. За обедом носильщики получают лишь полпорции. Отдыхать не разрешается. Люди идут, пока не валятся с ног. Это заключённые, за мелкие проступки зачисленные в так называемую штрафную группу.

и измученных людей после утомительной поездки наконец оказалась на свежем воздухе.

— В колонну по четыре становись!

Когда приказ был выполнен, нас под строгой охраной погнали в концентрационный лагерь. Ещё сегодня перед мысленным взором встает высокий проволочный забор, за который были согнаны тысячи людей, обреченные на медленную, мучительную смерть.

И этих изнуренных голодом, исхудалых людей гитлеровцы ещё заставляли выполнять тяжелые физические работы. При входе в ворота нас поразило невиданное зрелище. В лагере вертелась живая людская карусель. Узники с носилками бегом передвигались по большому кругу и без всякой

* * *

Нас сразу же зарегистрировали, разделили на группы и назначили на работу в каменоломни Бэма. Там работало около 200 узников, в том числе и я. За день каждый должен был наколоть камни и нагрузить ими семь-восемь вагонов. Того, кто за двенадцать-четырнадцать часов не справлялся с этой нормой, считали вредителем. А судьба вредителя хорошо известна — его ждет виселица. Однако между заключёнными существовал неписанный закон — группы каторжников, первыми выполнившие свои дневные нормы, шли на помощь остальным.

Старый каменный хлев, где мы должны были жить, вначале не был готов к приему арестованных, — вокруг ещё не поставили забор из колючей проволоки. Поэтому мы каждый день мерили семикилометровый путь от Саласпилсского лагеря до каменоломни и обратно. Так как надо было проходить мимо комендатуры, мы не могли двигаться как попало. Нас заставляли маршировать, словно солдат, — твердым шагом, с высоко поднятыми головами. Если кто-либо этого не делал, наказывали не только виновного, но и всю группу. Как наказывали? Утомлённых на тяжелой работе людей заставляли ложиться и вставать, валяться в грязи, прыгать как заяц, идти гусиным шагом. А гитлеровцы стояли перед комендатурой и наслаждались муками несчастных.

Для истязания людей в Саласпилсском лагере широко использовались также дрессированные собаки. Это были специально обученные псы, которые по приказу хозяина бросались на людей. Свои острые клыки собака вонзала в голень, в бедро, в спину заключённого, — во все части исхудалого тела, прикрытого лохмотьями одежды. На эти сцены, когда собаки терзали людей, гитлеровцы всегда смотрели с большим удовольствием, как на праздничное представление.

* * *

Тяжелый труд в каменоломне Бэма окончательно подорвал наши силы и здоровье. Когда кончатся эти муки — этого не знал никто. Но надежду, что час свободы всё же придет, хранил в глубине своего сердца каждый узник.

20 июля 1944 года на Сауриешские каменоломни, где я тогда работал, приехали четыре грузовых машины. В них посадили 80 человек и увезли в центр лагеря — в Саласпилс. Через неделю примерно две тысячи заключённых погнали на станцию и затолкали в зарешёченные вагоны. Снова нас повезли навстречу неизвестному будущему. Гитлеровцы бежали назад в своё логово и тащили нас за собой. Чтобы избежать воздушных налетов, эшелон двигался только ночью.

После шестидневного пути поезд остановился недалеко от Гамбурга. Отсюда меня и ещё четыреста узников отправили в концентрационный лагерь Бухенвальд. Сколько невинных людей здесь погибло, сколько искалечено на всю жизнь! Бывший директор Лиелвардской школы Голдшмит был настолько обес-

силен, что не мог больше двигаться. Когда полицейские пришли проверить, все ли вышли на работу, они нашли его, свернувшимся в клубок у барака. Полицейские пустили в ход палки, но он всё же не смог встать. Тогда на него натравили собаку. Пёс вцепился в руки и ноги несчастного, вонзал зубы ему в спину. Наконец учитель с большим трудом поднялся и, пошатываясь, пошел на работу. Там мастер снова побил его палкой. Вечером мы принесли Голдшмита в барак полуживым, лишившимся речи. В тот же вечер он скончался.

Узников в Бухенвальде не называли по имени и фамилии, а по номерам, выжженным на руках. Я был номером 74074.

Из Бухенвальда нас отправили на работу в Цвиберг. В этом трудовом лагере содержались представители разных национальностей: русские, поляки, французы, итальянцы, испанцы, бельгийцы, голландцы, чехи, литовцы, эстонцы и около 400 латышей. В Цвиберге барачков не было. Люди ночевали под открытым небом. Вначале нам выдавали в сутки по 350 граммов хлеба с примесью опилок и тарелку супа — смесь воды и гнилых овощей. Позже хлебный паек сократили до 220 граммов, а суп заменили помоями.

Нас разбили на группы по 15 человек. Работать заставляли по двенадцать часов в день. Мы строили подземный авиационный завод. Наша задача заключалась в том, чтобы вывозить из туннеля на вагонетках взорванную породу. На самолётостроительном заводе работало около 600 мастеров. Среди них не было ни одного, кто бы не бил и не ругал заключённых. В начале 1945 года на этой каторге ежедневно умирало около 70 человек.

* * *

9 апреля 1945 года началась эвакуация лагеря. Измождённые и голодные, мы брели по дорогам Германии под строгой охраной эсэсовцев. Чтобы как-нибудь успокоить голод, мы грызли кору деревьев, ели траву. Однажды нам разрешили передохнуть у небольшого пруда, где росли ивы. Мы сорвали с них и поели все почки.

Чем дальше мы шли, тем меньше оставалось сил. Тех, кто идти больше не мог, пристреливали на месте. Почти через каждые двадцать метров на обочине дороги оставался труп.

Чтобы скрыть следы преступлений, за нашей колонной следовали эсэсовцы. Они подбিরали и сжигали трупы.

* * *

Стояла тёплая апрельская ночь. Моросил мелкий дождик. Наша колонна отдыхала где-то в лесу. Медленно сгушался туман.

— Лучшее время для побега, — шепчет мне тихо на ухо Казимир Брицис.
— Попробуем...

Мы начали ползком удаляться от места, где лежали. Удачно миновали охрану эсэсовцев. Ещё не успели достигнуть леса, как раздалась команда:

— Встать!

Может быть, нас не заметят. Может быть...

Нас не заметили. Мы уже в лесу. Зарылись в мох и лежим тихо, как мыши.

Уже второй день мы ничего не ели. Решили зайти в дом к крестьянину и попросить хлеба. Там, за лесом, виднелось несколько домов. Рисуем, идем туда и, боязливо постучав в дверь, просим кусочек хлеба.

Но в ответ звучит:

— Хлеба у нас нет.

Картофеля тоже не имеется. Ничего нет. Крестьяне недоверчиво оглядывают нас. Дают всё же соли. Соль нам пригодилась. В лесу нашли попавшего в охотничью петлю зайца. Посыпали его солью и съели. Затем опять зарылись в мох, проспали четверо суток и снова отправились на поиски еды в крестьянские дома. На этот раз нас принимают гостеприимно. Но приятнее всего была весть, переданная нам немецким крестьянином: в этот район уже вошли советские войска!

Свобода! Наконец мы на свободе!

Вместе с Казимиром Брицисом идём по шоссе в город Швейниц, где находится штаб Советской Армии. Было свежее весеннее утро. Раньше, когда в сопровождении охраны эсэсовцев нас гнали через лес, мы совсем не слышали мелодичных трелей птиц. Теперь они звучат как музыка, как чудесная музыка!

Вот и городок Швейниц. На улице встречаем лейтенанта Советской Армии. Вид наших худых, заросших бородой лиц и рваной одежды ему сразу говорит, откуда мы.

— Поздравляю с освобождением! — Он прикладывает руку к фуражке.

Первые минуты встречи с освободителями были сердечными и горячими. Мы обнимали и целовали молодого лейтенанта, на фуражке которого сверкала пятиконечная красная звезда. Заботиться о нас поручили старшине роты. Впервые после более чем трехлетнего голода мы поели досыта. Нам дали чистую одежду, отвели к парикмахеру. Постепенно мы начали приобретать человеческий вид.

СМЕРТЬ ХОДИЛА И ЗДЕСЬ

ВЛАДИМИР БАТАРЕВСКИЙ

Родился в 1921 году в Каунатской волости Резекненского уезда. В первые дни Отечественной войны он сражается в составе латышского истребительного батальона. В окружении получает тяжёлое ранение и попадает в плен.

В ноябре 1941 года из лагеря военнопленных его перемещают в Рижскую тюрьму для несовершеннолетних, а оттуда — в Рижскую Центральную тюрьму и в 1943 году — в Саласпилс.

При отправке большой группы заключённых в Германию в 1944 году Батаревский совершает побег и до конца войны скрывается в селе Вирби Талсинского района.

Лагерь смерти подорвал его здоровье. Он стал инвалидом II группы.

Леденящий северный ветер превращает дождевые капли в мелкие зернышки града. Как острые иголки, они вонзаются в лицо и руки, кажется, пробиваются сквозь серую одежду узников. Выдолбленные из дерева башмаки облипают грязью и снегом. При каждом шаге ноги безжалостно болят, как вывихнутые в суставе.

На работу нас всегда сопровождает строгая охрана. Вокруг лес винтовочных штыков. С перекошенными от боли лицами, угрюмо и подавленно бредём мы по грязной дороге — ноги у всех стерты до крови, от непосильной работы ноет все тело. Хочется скорее попасть в барак и упасть на холодные голые доски — хочется спать, спать и забыть всё — голод, побои, унижения, которыми нас так щедро одаривают руководители работ.

Мы работали на аэродроме Спилве. Жили в бараках за лётным полем. Кроме нас здесь заняты военнопленные. Работа была бесчеловечно тяжёлой: рыли и разравнивали землю, отвозили на вагонетках песок. Их надо было нагружать с верхом.

Если этот груз приходилось толкать в гору, мы облепляли вагонетку, как муравьи. Измученные голодом и побоями люди еле держались на ногах. Часто тяжелые вагонетки одолевали наши силы. Они скользили назад, люди попадали под колеса и больше не вставали.

Погибших товарищей мы уволкивали подальше и зарывали в песчаных буграх. Если вагонетка сходила с рельс и переворачивалась — на наши спины сыпался град побоев. Кроме палок и тростей пускались в ход штыки. В таких случаях, конечно, не обходилось без человеческих жертв. Так, на аэродроме Спилве лишились жизни чехи Дирба и Штробе, французы Люсьен и Оже, русские Сидоров и Нестеров, латыши Грабовский, Калпынь и сотни других людей разных национальностей.

Гитлеровские садисты считали геройством мучить изнурённых голодом людей. Продовольственный паёк был ничтожно мал: тарелка супа,

который мы называли не иначе как «новой Европой», и 200 граммов хлеба со значительной примесью древесных опилок.

Вместе с нами на строительстве аэродрома по вольному найму работало несколько десятков поляков. Они давали заключённым хлеб и не одного спасли от голодной смерти. Эти люди шли на большой риск, ибо за передачу арестованным продовольствия вишновского строго наказывали.

...Колонна из двухсот заключённых медленно движется вперед.

— Стой! — доносится в ночной тишине голос, похожий на звериный рёв. Через несколько мгновений нас окружает цепь фашистов. Холод и ветер захватывает дыхание. Было невыразимо трудно идти, а стоять — просто неумогу. Казалось, что в жилах начинает застывать кровь.

— Что же будет? Почему внезапно заставили остановиться? Что с нами будут делать? Какой вид истязаний фашисты придумали на этот раз?

— Обыск! — пришел с головы колонны тихий сигнал.

Странно. Обычно нас обыскивали на конечном пункте, незадолго перед входом в бараки. Почему на сей раз такое исключение?

— Бросайте хлеб! — предупреждают товарищи друг друга.

Выбросить хлеб, который нам дали польские рабочие? Мы его заботливо спрятали, чтобы в лагере «Волери» поделиться с товарищами. Нет, хлеб, благодаря которому в нас ещё теплилась жизнь, не должен пропасть. Как по команде начинаем запихивать его в рот, даем рядом стоящим товарищам. Надо топиться. Глотаем хлеб неразжеванным.

Приближается ээсовец. Приходится прекратить есть. Иначе выбьют зубы. По прежним обыскам знаем — скрывающий хлеб строго наказывается. Его гонят к помещению охраны, где применяют так называемую «новую систему кормления».

Резиновой дубинкой бьют несчастного по животу и по пяткам. В голове появляется тупая боль. Человек не может больше связно думать. Удары по

Часто лагеря смерти были окружены проволокой, по которой пропускался ток высокого напряжения. На столбе написано: «Германия превыше всего».

животу вызывают нарушения в дыхательной системе, начинается длительный кашель.

Подошла моя очередь. Один эсэсовец, лицо которого закрывал большой козырек фуражки, ощупывает мне грудь и плечи, а второй светит карманным фонариком.

— Проклятье! — звучит у самого уха так часто слышанное и хорошо известное ругательство.

— Свинья! — пронзительно кричит второй фашист и ударяет мне кулаком в лицо.

Падаю. Меня поднимают и снова ставят на ноги. Звучит приказ раздеться догола.

Раздеваюсь. Гитлеровцы тщательно ощупывают каждый шов одежды. Не найдя ничего подозрительного, фашист ругается и плюётся. Примерно через полчаса мне позволяют одеться. Тело, кажется, совсем остыло. С трудом надеваю длинную «рубаху».

Оказывается, что именно этот кусок одежды привлек внимание гитлеровцев.

У нас не было белья. Тонкая одежда заключённых не могла защитить от ветра и дождя. Мы искали выход и нашли его. У использованных мешков из под цемента извлекали внутренний слой бумаги, вырезали отверстия для головы и рук. Такая «рубаху» защищала от холодных порывов ветра. При ходьбе она неприятно шуршала и этим взбудоражила эсэсовцев.

Вскоре после этого происшествия работа на аэродроме Спилве закончилась и нас доставили обратно в Саласпилский лагерь смерти.

ПО ДОРОГАМ СМЕРТИ

АНТОН БОНДАРЬ

С Саласпилсским лагерем познакомился только в 1944 году. О том, как туда попал, он рассказывает сам:

«Родился в 1919 году. Во время немецкой оккупации, когда молодёжь насильно заставляли вступать в легион, я всячески выкручивался и с помощью врача добыл документы, что по состоянию здоровья не годен к военной службе. Только этого и хотел, ибо всё время активно помогал партизанам — снабжал их сведениями и распространял воззвания в Тилжской волости. Но меня предал старший лесничий Арвид Ногобад. Он участвовал и в моем аресте. Сначала меня допрашивали в Балтинаве, потом перевезли в Абренское гестапо. Там меня жестоко пытали, стараясь узнать, от кого я получал прокламации. Я был весь в синяках и кровоподтёках, ступни ног превратились в сплошную рану, но я не признался. Тогда меня ещё с одним мужчиной повели на хутор «Гауры» в нескольких километрах от Абрене. Там был организован так называемый «противобандитский штаб» для борьбы с партизанами. Меня допрашивал хромой немецкий капитан. Он разостлал на столе карту и приказал мне показать, где находятся партизаны. Если я всё расскажу, то меня освободят и даже возьмут с собой на карательные экспедиции, как того второго, приведённого вместе со мной! Это был Альберт Лочмелис из Тилзы. От партизан он убежал к гитлеровцам. Он указал на карте расположение лагеря партизан и получил за это немецкий карабин. Когда я повторил, что ничего не знаю, меня ещё раз сильно избили и увели в Абренскую тюрьму, а оттуда — Саласпилс».

А. Бондарь работал в Саласпилсском филиале — Юмправмуйже. После Саласпилса он прошел ещё Нейенгаммский и Бухенвальдский лагеря смерти.

Длинная колонна заключённых покидает Саласпилсский лагерь. Это истощённые, оборванные, измученные бесчеловечным физическим трудом люди. На этот раз далеко идти не надо, здесь же через шоссе Рига — Даугавпилс, мимо Румбульских сосен в Юмправмуйжу, где оборудован филиал Саласпилского лагеря.

Ветер доносит влажное дыхание Даугавы. За забором из колючей проволоки появились первые всходы. Началась весна. Светит солнце, а лица у всех бледные, мрачные.

До нашего прихода в Юмправмуйже размещались евреи. Об этом узнаем по молитвенникам, разбросанным в жилых помещениях. Здесь много одеял, подушек. Мы знаем, куда девались жилыцы барака. Вещи обычно остаются в бараке тогда, когда его обитателей уводят на расстрел.

В первые дни мы убираем наше новое жильё и всё вокруг. Весь лагерь захламлен осколками, досками, щепками, разными тряпками и рваной одеждой. Под постелями, в щелях стен находим завернутые в тряпочки драгоценности: часы, серебряные ложки, ножи, вилки, золотые кольца. Это заметили охранники. Начинается обыск. Фашисты ощупывают нас, залезают в каждую щель, отрывают доски, и драгоценности перекачывают в их карманы.

Убирая берег Даугавы, находим много медикаментов, химикатов, брезентов и банок с надписью «Яд». Химикаты немцы заставляют тщательно собирать, упаковать и погрузить в машину. Видимо, здесь не только расстреливали и вешали, но и травили газом.

С тех пор как мы прибыли в новый лагерь, прошло несколько дней. Однажды я заметил, что над сосновым бором поднимаются клубы дыма... В безветренную погоду дым стелется над верхушками сосен, как чёрная простыня. Ветер доносит запах паленого мяса и горящего масла.

— Сжигают трупы, — шепнул один из наёмных рабочих.

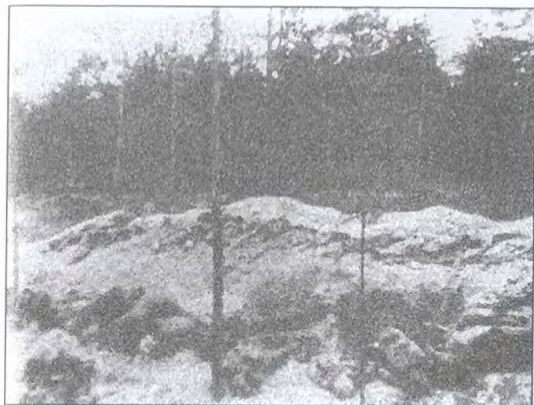
Фашисты заматали следы. Ужасные преступления, совершённые в сосновом бору, не давали гитлеровцам покоя ни днём ни ночью. Приближался час расплаты. Спасая свою шкуру, палачи старались уничтожить следы кровавых злодеяний. Горы трупов должны были исчезнуть, чтобы они не могли рассказать о страшных делах, свершившихся здесь, в Румбульских соснах.

В последние дни апреля нас послали на станцию разгружать вагоны. Подойдя к платформам, мы услышали выстрелы. Охранники торопили нас начать работу, а сами посматривали в сторону, откуда доносились выстрелы. Я находился на одной из платформ и сбрасывал с неё доски. Повернув голову, я увидел недалеко от железнодорожного полотна по всему лесу голых людей. Они что-то копали. Около тридцати человек ходили с носилками. Они поднимали из ям трупы и несли их глубже в лес, где пылал огромный костер. Своими глазами я увидел то, о чём говорили уже несколько дней подряд: немцы откапывали массовые могилы и сжигали трупы.

* * *

В конце мая две сотни заключённых нарядили на работу недалеко от станции Шкиротава. Около 70 человек скатывали к речке в сторону Саласпилса бетонные трубы. Дорога вела вдоль леса, где по-прежнему горели костры, валил дым и откуда доносился ужасный запах. Товарищи рассказывали, что сосновый бор очень строго охраняется. Я пристроился с правой стороны дороги, ибо нас предупредили, что смотреть налево от дороги нельзя. Когда мы приблизились к лесу, я действительно убедился, что лес тщательно охраняется. Недалеко от караульных солдат — надпись на немецком и латышском языках: в тех, кто приблизится к запретной зоне, огонь будет открыт без предупреждения!

В метрах 100 от шоссе стояла небольшая черно-белая полосатая будка. Оттуда непрерывно доносились выстрелы. На соснах в стороне Саласпилса висели

Вокруг Саласпилса стлался дым. Гитлеровцы вскрывали массовые могилы и сжигали трупы. Однако погибших было слишком много... Не помогли ни костры, ни цистерны горючего.

на земле до обрыва. И снова выстрел.

Всё это время на соснах гудели колокола, завывала радиолоа.

Остальные заключённые тоже видели это убийство. Вечером мы собрались и толковали о том, что будет с нами. Это заметили охранники.

— Марш по хлевам! — разогнали они нас. Станислав Апш из Ругаи не выдержал.

— Зачем вы губите невинных людей? — воскликнул он. Апша увели в дом охраны, велели приготовиться к «отъезду» в Саласпилский лагерь. Больше я его не видел.

* * *

В июне нас разбили на несколько групп. Человек шестьдесят назначили рыть дзоты недалеко от соснового бора. И теперь в эту сторону ехали закрытые машины. За ними следовала большая цистерна. Вскоре в лесу раздались крики женщин и плач детей. Снова заработали колокола и громкоговорители. Гул колоколов, рёв музыки, вопли и выстрелы слились в неописуемый адский шум. Вскоре автоматные очереди умолкли, раздавались лишь отдельные выстрелы. Под вечер над макушками деревьев начал подниматься чёрный дым. Сжигались люди, которых оккупанты несколько часов назад лишили жизни. Здесь сгорели старики и юноши, матери и дети.

Позже выяснилось, что заключённых чешских евреев, которых немцы использовали при эксгумировании и сжигании трупов, вечером тоже расстреляли и сожгли. Свидетели кровавых дел не были нужны.

Было ясно, что живым пам из этого ада не уйти. Мы начали подумывать о побеге. Но это не удалось. Однажды утром нас вызвали по списку.

колокола. Там же сидела группа эсэсовцев. Громко играла радиолоа.

Два вооруженных автоматами фашиста вели голого по пояс загорелого человека. Я видел, как его вывели на бугор из свежего песка. Раздался выстрел, и человек куда-то упал. Я понял, что выстрел исходил из полосатой будки. Через минуту палачи в зелёной одежде привели следующую жертву... Десять метров ходьбы до обрыва. Последние шаги... Струя пуль сбрасывает его в яму. Кто-то в отчаянии сопротивляется. Напрасно. Его хватают крепкие руки и волокут по

Жертвы нацистов, подготовленные к сожжению в лагере Клоога (Эстония, в 44 км от Таллина).

Стучат колеса, скрипят доски старых вагонов. Где-то далеко впереди пыхтит паровоз, в лесу глухо отзывается эхо его гудков. Все молчат.

Наш эшелон уже вблизи Тильзита. Где-то в воздухе проносятся самолеты, грохочут взрывы авиабомб.

Подъезжаем к станции. Она окутана в облако дыма. Чувствуется запах гари, виднеются обгорелые составы поездов.

— Наши здорово наддали фрицам. — Мы подмигиваем друг другу.

Наконец прибыли. Гамбургский лагерь. Здесь нас тщательно обыскивают. Отбирают всё, как говорится, до нитки. У одного человека на шее золотой крестик.

— Давай сюда! — показывает немец на крестик.

— Это мой, я католик. Верю в бога, — пробует защищаться заключённый.

— Катись ты со своим богом к чёрту! — кричит немец, и крестик исчезает в его кармане.

Через два дня снова стучат колеса вагонов, снова скрипят старые доски.

— Далеко ли ещё? — гадаем мы. — Куда же нас везут?

Бухенвальд... Остаемся там пять суток, затем снова в путь. И вот конечная остановка — подземный авиационный завод.

Глухо гудят под землей машины. При электрическом свете прорубаем в камне ходы. Временами странно дрожит серая каменная стена. Это взрывами расширяют проходы. Обессиленные, мы часто падаем на острые камни. Голод, тяжелый труд и несчастные случаи уносят бесконечно много жизней. Ежедневно узнаем, что умерли несколько товарищей. У подножья горы вырастают ряды свежих могил. Смерть косит основательно. Но через несколько дней наши ряды снова пополняются: сюда пригоняют всё новые толпы узников.

В апреле 1945 года нас отправляют дальше. Куда? Этого никто не знает. Кто ещё в силах двигаться, тот идёт. Иначе — смерть.

— Здесь работа кончилась, — сообщили нам, — вас переведут в другое место.

Оставшиеся в живых узники движутся в сторону Саласпилса. Дорога охраняется, конвоем удвоен. Впереди сосны... Нет, их счастливо миновали.

Во второй половине дня нас загнали в товарные вагоны. В них невообразимая теснота. Из вагонов никого не выпускают. Очень душно.

— В Германию, — шепчут кондукторы.

Уже семь дней и ночей находимся в пути. Продовольствия не выдают. Многие уже после первой ночи остаются лежать. Из четырехсот латышей нас осталось в живых около восьмидесяти.

В отдалённом углу леса я заметил, что недалеко от дороги обгорела трава и кусты. От обуглившихся человеческих тел медленно поднимались столбы дыма. Это отставшие от предыдущей колонны. Люди, у которых не хватило сил. Значит, надо двигаться. Но и это предупреждение не помогает. После привала на сыром лугу поднялось не больше половины. У оставшихся синеватые лица. Они умирают или уже умерли.

Продовольствия не выдают. Проходя по селениям Германии, видим, что люди хотели бы нам помочь, но конвой не позволяет. Издали нам бросают куски хлеба, но поднять их мы не в состоянии. Идём, сцепившись по два, по три. Сил больше нет.

По моим подсчётам должно быть 11 апреля. Отдыхаем у какого-то сахарного завода. Жадно хлебаем мелассу, приготовленную для скота. Начинается понос. Тают последние силы. Через километров пять чувствую, что и мои силы на исходе. Начинаю отставать, хотя хорошо понимаю, что меня ожидает.

— Друже! — Ко мне торопятся двое польских товарищей и хватают под руки...

Проснувшись, вижу — лежу на соломе. Смотрю вокруг и не понимаю, жив ли я.

— Налет, — рассказывают польские друзья. — Конвоиры разбежались. Крестьяне нам дали хлеба.

Они суют мне кусочки хлеба в рот.

Воют самолеты, рвутся бомбы. Вокруг горят дома. Всё заволакивает густой черный дым...

Конвоиры появляются снова. Самые заядлые, очевидно, но их очень мало. «Бежать, бежать», — словно молотком, всё время стучит в голове.

Выходим из селения и двигаемся дальше по просёлочной дороге, окаймлённой кустами.

Череп советских военнопленных, умерщвлённых в лагере Майданек.

— Только десять метров, всего лишь десять метров, — стучит в мозг.

Я чувствую, что тело налилось чем-то теплым, укрепляющим. Это поданный товарищами кусок хлеба.

— Только десять метров...

В этом конце колонны конвоиров нет. Посчастливилось — и я, пошатываясь, скрываюсь в кустах.

Утром 13 апреля меня будят две женщины. Они льют мне в рот горячий кофе, что-то говорят. Затем прячут меня в стог соломы, а вечером переводят в сарай, находящийся подалее от селения.

Ни утром следующего дня, ни вечером спасительницы не приходят. Есть нечего. Я грызу кормовую свёклу. Так проходит ещё один день и ночь. Вокруг словно всё вымерло. Где-то воет пес. В кусты забегает испуганный белопёстрый кот.

За ельником широкое шоссе. Иду и думаю, где мои товарищи, что произошло с ними. Видят ли они ещё это ясное солнце?

Услышав шум автомашины, хочу бежать, но уже поздно. Меня окружают молодые парни. Нет, это не немцы. Звучит английская речь.

— Француз? Итальянец? Русский?

— Латыш.

Они не знают такой страны.

— Русский, — говорю я и киваю головой. — Русский, русский!

Парни мне улыбаются. Один протягивает сигарету, другой сухари или шоколад.

— Ешь вволю, ешь. Войне конец.

И я, опухший от голода, оборванный и обросший бородой, с взлохмаченными волосами, исходивший дороги смерти, сижу и плачу. Тяжело дыша, плачу крупными детскими слезами.

Это произошло в поселке Киндсдорф, недалеко от Галле.

24 мая 1945 года я уже возвращаюсь на Родину.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ САЛАСПИЛСА

АРВИД РУПЕЙК

Родился в 1903 году в Лиенае. С 1922 года работал журналистом. В 1940 году, заведует отделом культуры одной из газет, является лектором Елгавского народного университета. С приходом нацистов его заключают в Рижскую Центральную тюрьму, а потом — в Саласпилский концентрационный лагерь. После освобождения Латвии А. Рупейк продолжает работать в печати.

Последний период моего заключения в Саласпилсе прошёл главным образом в бараке А-5. Там на длинных многоярусных полках хранились свертки с одеждой узников, которую им в лагере пришлось обменять на арестантское обмундирование. У каждого такого свертка, который со временем покрывался густым слоем плесени, была своя карточка с порядковым номером, именем и фамилией бывшего владельца. Эти карточки были своего рода «картотекой живых» (так называется популярная книга чеха Норберта Фрида), позволяющей проследить за судьбами обитателей лагеря смерти. О каждом событии в жизни заключённого была своя запись на карточке, например «умер», «увезён в Германию» и тому подобные. Карточек с отметкой «освобожден» было очень мало. Зато было бесконечно много таких, где над именем и фамилией значилась отметка «Uberstellt nach Z G». Это означает — переведен в Центральную тюрьму. Однако напрасно было бы искать этих людей в Рижской Центральной тюрьме. Убийство немцы подлинным именем не называли. Для Адольфа Эйхмана истребление миллионов евреев Европы было «окончательным разрешением еврейского вопроса», а на языке саласпилских эйхманов «Uberstellt nach Z G» означало — заключённый с таким-то порядковым номером уничтожен...

В конце лета 1944 года пришёл день, когда заплесневевшие свертки одежды один за другим оставляли свои привычные места. Это было самым первым признаком того, что назревают чрезвычайные события. В барак А-5 из Риги прибыло несколько гестаповцев и в большой спешке стали просматривать оставленное «перемещёнными», а фактически убитыми, скудное добро, приведённое временем в ещё более жалкий вид. Они уничтожали каждую найденную в одежде бумажку, которая могла бы освидетельствовать личность бывшего владельца. Заодно уничтожались и свертки тех заключённых, которые ещё находились в лагере, и пол склада вскоре покрыли горы небрежно разбросанной одежды.

В этом поспешном уничтожении следов преступлений участвовал также «чинovníк по особым поручениям» лагеря — бывший надзиратель Рижского 8-го полицейского участка Улдрикис Селис. Он лазил по высоким полкам и, весь в пыли, рылся в оставшихся вещах жертв фашизма.

Многое повидали и пережили мы за эти годы, и всё же без презрения не могли смотреть на жадность, обуявшую «ревизоров», если они находили в

свертке хоть сколько-нибудь пригодный к носке предмет одежды. К нему сразу тянулось несколько рук. Тогда забывалось арийское происхождение, пропадала надменность слуг немецких фашистов...

Самым большим приобретением, кажется, оказалась когда-то бывшая белой рубашка. Первым её схватил «чиновник по особым поручениям», однако после примерки ему пришлось с сожалением вздохнуть:

— Чёрт побери, не мой размер...

Ценная находка перешла в руки длинного гестаповца.

Возможно, что белая рубашка когда-то принадлежала одному из непосредственных жертв Селиса.

Пост, который занимал Селис, был придуман для того, чтобы жизнь узников сделать сущим адом. Его задачей было найти предлог для пыток заключённых. Наказания сыпались как из рога изобилия. Никогда не прекращались крики и стоны, доносившиеся из конюшни.

Селис был таким же безжалостным палачом, как и его предшественник Артур Кандерс, которого смерть настигла тут же, в лагере.

Ярче всего сохранилась в памяти одна из многих трагедий, прямым виновником которой был этот кровожадный «чиновник по особым поручениям». Это случилось летом 1944 года. В знойный день несколько десятков оборванных, переутомленных, измученных жаждой людей, как серые тени, двигались в облаке пыли. Они выпрямляли дорогу, ведущую от шоссе Рига — Даугавпилс в Саласпилсский лагерь смерти.

Когда бдительность конвоиров несколько притупилась, пятеро заключённых опустили на край ямы с гравием передохнуть. Усталый мозг сверлила одна мысль, наполняя одно горячее желание — быть свободным, быть снова людьми.

— Надо бы попытаться... — как бы невзначай, тихо проронил мужчина невысокого роста. Он смотрел через край ямы вдаль, где вилась среди полей широкая белая дорога.

Вскоре снова раздалось понукание конвоиров, прервавшее недолгие мечты обессиленных людей о свободе, и они снова кололи камни, тащили тяжёлый дорожный каток. Но вечером, когда они собирались лечь на свои деревянные нары, появились конвоиры и бросили всех в бункер. Начался допрос. Теперь-то мечтатели поняли, что кто-то их подслушал. Узники, конечно, отпирались, ибо в действительности никто и не пытался бежать. В комендатуре была тяжёлая атмосфера: каждый новый день приносил фашистам неприятные вести с фронта. Поэтому они старались мстить, им нужны были стоны и кровь. Признания надо было добиться любой ценой. Эту «работу» поручили Селису. Несколько дней и ночей продолжались пытки. Чтобы положить конец невыносимым мукам, все пятеро «признались». Обвинение было очень серьёзным: побег — организованное бегство, чтобы присоединиться к красным партизанам! Вскоре был готов и приговор: зачинщика повесить, остальных расстрелять!

На следующий день у виселицы построили всех обитателей лагеря. Из Риги, как обычно в подобных случаях, прибыл Ланге и другие «гости». Шарфюреры комендатуры подали им удобные кресла. Когда один был повешен (если не подводит память, его фамилия была Дарзинь), четверо остальных увели за ограду лагеря, и автоматы оборвали их мечты о свободе.

Да, до сего времени Селис мог ещё ходить с гордо поднятой головой. Он был здесь, в лагере, «личностью», ему было доверено важное задание — распоряжаться жизнями людей. Но когда гул фронта раздавался совсем близко, он почувствовал приближение конца своей власти. Он стал менее взыскательным и был готов довольствоваться меньшим — рубашкой убитого заключённого... Но он не был единственным, кто в последние дни лагеря из надменно-го фашистского слуги превратился в разбойника с большой дороги.

Преданный слуга коменданта Чмутов в лагере был известен тем, что из окончательного разложившихся в заключении подонков создал особую группу провокаторов. Одним из главных доносчиков стал начальник «Ордунгсдинста» (так называли сколоченную из самих заключённых полицию лагеря) Оскар Берзинь. Он надеялся заработать освобождение самой гнусной ценой — выслеживанием и предательством своих товарищей. Между прочим, этот предатель — прямой виновник того, что на виселице в Саласпилсе окончил свою жизнь подпольщик Язеп Канепе, бежавший из лагеря.

Когда в июле 1944 года грохот танков Советской Армии разбудил елгавчан, как скопление гадов, в паническом страхе зашевелились гестаповцы в своих учреждениях инквизиции по всей Латвии. Они спешили пролить по возможности больше крови, в Саласпилсе разразился самый безжалостный террор. Не проходило дня, чтобы садисты Краузе, Теккемейер и Хойер не уводили бы на расстрел группу узников, особенно из тех, кто прибыл в Саласпилс из Даугавпилса, Резекне или других тюрем Латгалии.

Видя, как сгущается тень смерти, двенадцать товарищей решили бежать. План побега был успешно осуществлён в ночь на 30 июля. Всё же через несколько дней гестаповцы двоих беглецов поймали. Это был елгавчанин Декснис и латгалка Опинцане. Как только их привели обратно в лагерь, началось кровавое бесчинство. Каждый день в лесу трещали автоматные очереди и взвивались в воздух струи чёрного дыма.

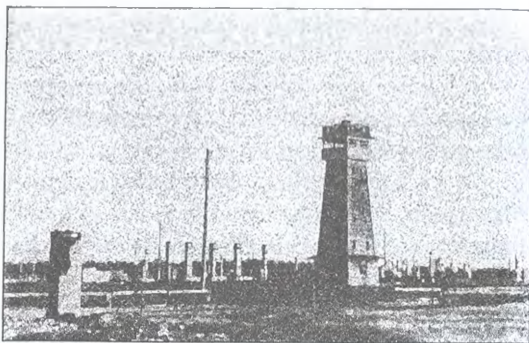
Кроме Дексниса и Опинцане погибли такие славные товарищи, как Рыбак, Страутманис, Дрей-Трей, Озолинь и другие. Но этим дело двенадцати беглецов ещё не кончилось. Об этом позаботился «префект» Оскар Берзинь. Однажды, покорно согнув свою длинную фигуру в три погибели, он зашёл к «чиновнику по особым поручениям» Селису и гауптшарфюреру Чмутову. Предатель сообщил, что ему удалось напасть на след Язепа Канепе. В Саласпилс из Рижской Центральной тюрьмы был привезён бывший караульный Саласпилсского лагеря по фамилии Сулайнис. Совершенно случайно этот гестаповский холуй, попавший сам в заключение, видел Язепа Канепе и знал, где тот находится. Об этом он рассказал Оскару Берзиню, и судьба Язепа Канепе была решена...

Однако судьба фашистов также была определена. Об этом говорили клубы чёрного дыма, нависшие над соснами Румбульско-го леса. Нацисты начали уничтожать следы своих преступлений, значит поняли, что придётся держать ответ.

В декабре 1943 года в лагерь прибыл отряд гитлеровской полиции с обозначением «Зондеркоманда 1050». В тот же день из Риги в Саласпилс привезли 44 обессиленных еврея. Их одели в лохмотья и отдали в распоряжение этого отряда. Им пришлось отрывать массовые могилы в окрестностях Саласпилса. А их было немало. Надо было выгашить из ям всех убитых, облить нефтью и сжечь. Днём евреи вскрывали могилы и готовили костры, на которые укладывали не одного своего близкого или знакомого, а ночь проводили там же в лесу. Чтобы евреи не сбежали, их привязывали к деревьям. Через неделю из Риги привезли новых могильщиков, ибо первые 44 умерли и были сожжены. Вскоре вторую группу сменила третья...

Миновала зима, наступила весна 1944 года, солнце припекало по-летнему, а костры из трупов всё ещё продолжали дымить. У лагерной больницы росла гора пустых нефтяных бочек. Работа отряда «Зондеркомандо 1050» принимала всё более широкий размах: сжигали не только вырытые из старых масовых могил трупы, но и всех жертв очередных акций, привезенных сюда из Рижской Центральной тюрьмы. Дым тогда становился гуще, зарево — страшнее. И лишь когда по ту сторону Даугавы в нескольких километрах от Саласпилсского лагеря загремели пушки Советской Армии, страшные костры перестали чадить. Перед тем как покинуть лагерь, зондеркоманда построилась перед комендатурой, чтобы получить благодарность от оберпалача Краузе. С улыбкой на губах Краузе сердечно жал руку всем осквернителям могил и тут же вместе с ними опустошил несколько бутылок водки. В ночь перед отъездом эти нацисты ворвались в барак Ц-12, где в одном маленьком отделе ютились двое евреев — зубные врачи из Вены, которых Краузе ещё не успел расстрелять. Этим людей убийцы из зондеркоманды прикончили в надежде поживиться их добром. Но вещей у них, разумеется, давно уже не было.

В последнюю ночь Саласпилсского лагеря смерти, в ночь на 29 сентября 1944 года, гауптшарфюрера Чмутова уже больше не интересовали доносы предателей. Он решил, что следует обеспечить себя более реальными ценностями. В течение трех с половиной лет, пройдя сквозь Саласпилсский ад, многие тысячи заключённых оставили там и свои драгоценности — часы, кольца,

Саласпилсский лагерь смерти больше не существует. Фашисты сами его уничтожили. Остались лишь воспоминания. Их не забыть, не изгладить из памяти...

портсигары. Они находились в сейфе в отдельном помещении барака А-5. (В этом сейфе не хранились драгоценности зарубежных евреев и эвакуированных — они были ограблены раньше.)

В последнюю ночь гауптшарфюрер один, без провожатых, зашел в барак, одетый в обычную форму СД, но со старой шляпой на голове. Электричества в лагере в то время уже зачастую не было. При свете карманного фонарика Чмутов вскрыл сейф, и всё его содержимое сгрёб в большой мешок. Позвав узников, работавших на складе, он предупреждающе положил руку на кобуру своего пистолета и пояснил:

— Меня здесь не было... Говорите, что сюда явились несколько человек СД из Риги и забрали все драгоценности... Ясно?

Видимо, он решил с другими грабителями добычу не делить. Забросив мешок на плечо, натянув шляпу плотнее на глаза, гауптшарфюрер исчез в ночной темноте.

Саласпилсский лагерь в последние дни охранял литовский отряд СД. Известно, что их заставило «отступить» — близкая ли канонада, угрожающий рёв советских самолетов или панический страх перед советским парашютным десантом, но 29 сентября под прикрытием ночи они исчезли.

Проснувшись утром, мы обнаружили, что за оградой из колючей проволоки охраны больше нет. Тем немногим заключённым, которые остались в лагере (другие уже были эвакуированы в Германию), эсэсовцы уделяли мало внимания. Убийца Краузе ручными гранатами взорвал фонтан, который он заставил соорудить перед комендатурой, сел в машину и уехал. Внутренняя охрана лагеря — латышские наёмники СД торопливо перетаскивали наиболее ценные вещи из барака А-2 в комендатуру. В этом бараке хранились вещи уничтоженных евреев. Тысячи свертков оттуда уже были отправлены в Ригу, в гестапо, но кое-что здесь ещё оставалось. Теперь это торопились разграбить подручные Краузе. Запрягшись в телегу, они, утирая пот, перевозили вещи из барака А-2 в комендатуру, где их разбирали. Затем, навьючившись как ослы, исчезали.

Ворота города смерти фактически были открыты. Но убежать на волю в одежде заключённых мы не могли. Мы же ещё находились на оккупированной фашистами земле. Но не менее опасно было излишне медлить. От Саласпилсского лагеря до Риги всего 18 километров, и кто мог ручаться, что оттуда не появится какой-нибудь отряд убийц. Поэтому решение было быстрым — мы действовали. Несколько заключённых выбрасывали в окна и двери барака А-5 разную одежду, и каждый надевал то, что казалось ему наиболее подходящим. Затем — через ворота на свободу! Свобода! Это слово, как эхо отдавалось в быстрой поступи боев, с которыми приближалась наша освободительница — Советская Армия.

В лагере остался лишь один заключённый. Это был еврей Фельдгейм из Франкфурта-на-Майне. Он работал на вещевом складе А-2. Может быть, у него не хватило мужества уйти отсюда? Очевидно, он, многое перетерпевший, потерявший всех своих близких, не надеялся на чужой земле, которую ещё топтал сапог

фашистов, найти себе надежное пристанище. Он доверился судьбе. Но как она сложилась, осталось неизвестным.

Убегая из лагеря, мы выбирали кажущиеся наиболее безопасными направления и окольные пути. Оказалось, что наша предосторожность была уместной. Ещё не все беглецы достигли своего убежища, когда над горизонтом в стороне Саласпилса взвились клубы черного дыма. Из Риги поспешно явился отряд убийц. Не найдя больше в лагере заключённых, они предоставили огню превратить в пепел то место, где десятки тысяч людей прошли сквозь страшные муки, натерпелись немислимых унижений и научились глубоко ненавидеть самое жуткое, самое подлое, самое гнусное, что бесчеловечность и зло могут создать — коричневою чуму нацизма.

Много лет прошло с тех пор. Однако из памяти никогда не исчезнут те тысячи людей, с которыми вместе исхожены мрачные пути лагеря смерти, вместе выпестована жажда свободы. Но многие, очень многие из них не дождалась свободы. И в этой бесконечной веренице образов, которая часто встаёт перед глазами, я всегда вижу одно незабываемое лицо. Вижу мальчика с клоком светлых волос на лбу, нежными чертами лица, тёплыми голубыми глазами, которые мечтательно смотрят сквозь стёкла очков. Имени его я не знаю. Помню лишь, что был он с восточной окраины Латвии. В лагерь смерти его, тринадцатилетнего парнишку, привели вместе с большой группой мужчин и женщин, которых гитлеровцы подозревали в связи с советскими партизанами.

Палач Краузе всех их, в том числе и мальчика, обрёл на смерть в Саласпилском сосновом бору. Конвоиры грубо гнали несчастных в бункер лагеря, чтобы вскоре вывести их оттуда и поставить на край ямы. Но прежде им надо было сдать всё своё имущество. Отдав карманный нож, ещё не понимая, что его ожидает, мальчик тихо спросил:

— Могу ли я оставить свои очки?

Фашисты заготовали. Сразу же поднялась рука убийцы, и лицо ребёнка настиг тяжёлый удар... Из его полных удивления глаз покатались слёзы...

Вот уже много лет, как мальчика нет в живых. Но я и сегодня ощущаю боль от того удара. Никогда и нигде нельзя дать нацистскому зверю ещё раз поднять голову...

ПОМНИ!

В фашистских концлагерях содержалось более 20 миллионов человек из 30 стран мира, 12 миллионов не дожили до освобождения, среди них — около 2 миллионов детей.

В Освенциме с его 39 филиалами
погибло более 4 миллионов,
в Штуттгофе 2,5 миллиона,
в Майданеке 1,5 миллиона,
в Трешлинке 810 тысяч,
в Маутхаузене 122 тысячи,
в Заксенхаузене 100 тысяч,
в Саласпилсе 100 тысяч,
в Равенсбрюке 93 тысячи,
в Флоссенбурге 80 тысяч,
в Дахау 70 тысяч,
в Бухенвальде 56 тысяч...

Приложение.

Из материалов Нюрнбергского процесса

Документ Р-129, под № США-217

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ВОЕННОПЛЕННОГО ОХРАННИКА КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД АНДРЕАСА ПФАФФЕНБЕРГЕРА

...После того как осмотрели заключённых, у которых имелась татуировка, тех из них, у которых татуировка была наиболее интересная и художественная, поместили в больницу, а затем они были убиты посредством впрыскивания, которое производил Карл Байгс, уголовный заключённый. Вслед за этим трупы были переданы в больничный морг, где желаемые куски кожи с татуировкой были вырезаны и обработаны. Затем в обработанном виде эта кожа была передана жене штандартенфюрера СС Коха, которая и использовала эту кожу в качестве абажуров и других украшений для дома. Я сам видел различные куски татуированной кожи с рисунками и надписями. Например, «Ганс и Гретель», которая была на колене одного заключённого, и рисунки кораблей, которые были вытатуированы на груди заключённых. Эта работа выполнялась заключённым Вернербахом.

На Нюрнбергском процессе обвинение представило Международному военному трибуналу в качестве вещественных доказательств пергамент, выработанный из человеческой кожи, обнаруженный в концентрационном лагере Бухенвальд, три куска татуированной человеческой кожи и высушенную человеческую голову, из которой были выпуты черепные кости — прим. ред.

Документ под № СССР-197

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПРЕПАРАТОРА ДАНЦИГСКОГО АНАТОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ЗИГМУНДА МАЗУРА

Вопрос: Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте города Данцига.

Ответ: Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трёх комнат. Здание это было построено для обработки трупов и вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления человеческих скелетов и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943-1944 года профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Брокману.

В феврале 1944 года профессор Шпаннер дал мне рецепт изготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир в количестве 5 килограммов и варить 2-3 часа в 10 литрах воды с 500 граммами или одним килограммом каустической соды, затем дать остыть.

Мыло всплывает наверх, а остатки и вода остаются на дне ведра. К смеси прибавлялась ещё и поваренная соль (пригоршня) и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2-3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы (эти «формы» — кюветы, в которые выливалось сваренное мыло, были представлены суду в качестве вещественного доказательства — прим. ред.)

Мыло получилось неприятного запаха. Для того чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензалдегид...

...Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70-80 килограммов человеческого жира — примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось и гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Кошти, гаулейтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей — для туалета и стирки — употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла 4 килограмма...

Лично для себя также брали мыло Рейхерт, Боркман, фон Барген и наш шеф профессор Шпаннер...

...Точно так же как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами.

Производством человеческой кожи занимались старший препаратер фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких — не знаю (образцы полуфабриката, а также готовое мыло были также представлены суду — прим. ред.).

Представитель американского обвинения демонстрирует отсечённую голову человека, «украшавшую» стол коменданта концлагеря Бухенвальд.

СОДЕРЖАНИЕ

1. В. Известный и Е. Быстров. Факты обвиняют	5
2. Йозеф Гертнер. Нас лишили родины, свободы и жизни	17
3. Михаил Зеленский. В плену коричневой паутины	41
4. Станислав Розанов. Кровавый пир на берегу Даугавы	52
5. Карлис Сауснитис. Этого забыть нельзя	69
6. Велта Зекунде. Мы убежали	99
7. Акилина Лелис. В том дворе смех не раздавался	101
8. Вилис Риекстынь. Трагедия	106
9. Антонина Мишкutenок. Куда ты исчезла, доченька	108
10. Янис Кронитис. Таня	116
11. Павел Коршунов-Сапожников. Непокорённые	120
12. Рихард Веске. Они не склонили головы	129
13. Аугуст Озол. В штрафной группе	140
14. Марта Трейде. Во власти нелюдей	143
15. Карлис Буш. Они жаждали крови	148
16. Лилия Лигер. Борьба за жизнь	154
17. Петерис Вигант. Струны еще звенели	159
18. Янис Клявинь. В болоте	162
19. Янис Кронитис. В Сауриешских каменоломнях	172
20. Миервалдис Берзинь-Бирзе. На Спилвских просторах	175
21. Язеп Каусиньек. Страницы воспоминаний	198
22. Владимир Батаревский. Смерть ходила и здесь	204
23. Антон Бондарь. По дорогам смерти	207
24. Арвид Рупейк. Последние дни Саласпилса	213

**Мы выражаем искреннюю сердечную
благодарность всем,
кто оказал моральную
и материальную поддержку
в издании этой книги.
СПАСИБО!**

Особая признательность:
*Ассоциации проживающих в Латвии
ветеранов войны в Афганистане
и других военных конфликтов;*
Business Soft;
Партии ЗаПЧЕЛ.

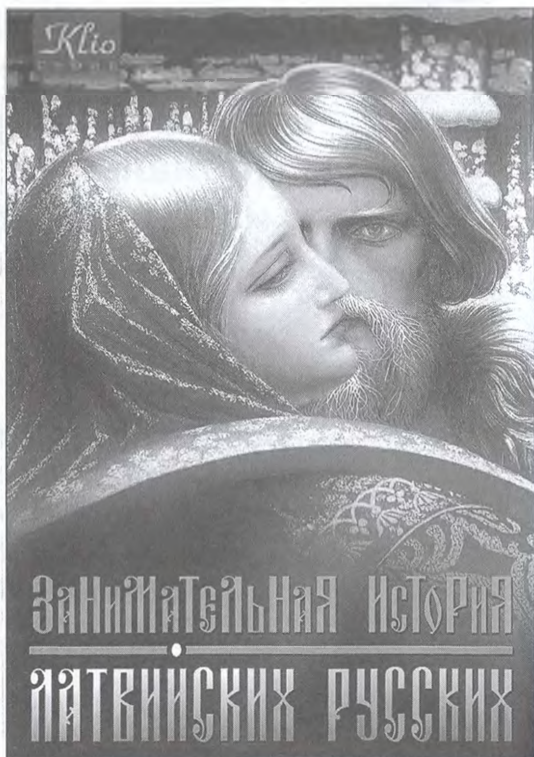
**Без помощи друзей мы бессильны в борьбе
за правду и справедливость!**

**По вопросам приобретения
книг из серии KLIO
обращаться:
м.т.: 2 9607043
E-mail: kum@inbox.lv
<http://klio.ilad.lv>**

Информационная поддержка:
www.rodina.lv

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛАТВИЙСКИХ РУССКИХ

Эта книга основана на обширном материале и представляет собой объективную картину истории русских Латвии с древнейших времён до начала XX века. В ней впервые представлены малоизвестные факты, позволяющие оценить прошлое нашей страны с новой, порой неожиданной точки зрения, весьма далёкой от мнения «официальных учёных». Неградиционный взгляд на роль русского народа в латвийской истории способствует подлинной интеграции, помогает латвийским русским ощутить свою глубокую корневую связь с этой землёй, пробуждает осознание ответственности за будущее нашей Родины. Живая неформальная манера подачи материала выбрана исключительно с целью популяризации исторических знаний в самых широких кругах читательской аудитории.

Книгу можно приобрести в Риге:

Магазин «POLARIS»

- ул. Гертрудес, 7, тел.: 7313302;
- ул. Марияс, 23 (вход с ул. Персес);
- т/ц «Талава», тел.: 7172003;
- ул. Дзирнаву, 102, тел.: 7280982;
- т/ц «Доле», тел.: 7018514;
- т/ц «Альфа», тел.: 7076456;
- т/ц «Ориго», тел.: 7073909.

Магазин «Дома Москвы»

- ул. Марияс, 7;
- Центр «Неллия»
- ул. Пилс, 13/15;
- Сеть «ReklaMarket»
- В г. Лиелпае** в «Русском доме»
- ул. Ф. Бривземника, 56,
- тел.: 34 88817.

**Мы не чужие на этой земле,
и многие поколения наших предков покоятся в ней!**

Жителям России и стран СНГ сообщаем, что российское издание этой книги, именуемое «Русские в Латвии» можно заказать и получить по почте:

«МИФ ЛТД», 216400, Россия, Смоленская обл., г. Десногорск, а/я 38/2.

<http://kliod2007.narod.ru>

E-mail: kliod@mail.ru

REVISIONS TO THE PLAN

- 1. Change in location of the building
- 2. Change in location of the road

Approved by the Board of Directors
 of the [Organization Name]
 on [Date]

СХЕМА САСПИЛСКОГО ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

